

А. ВОЛЬНЫЙ

СЕРДЦЕ МОЛЧАТЬ НЕ МОЖЕТ

ПОВЕСТЬ

А. ВОЛЬНЫЙ

СЕРДЦЕ МОЛЧАТЬ НЕ МОЖЕТ

**Документально-художественная
повесть. Издание второе,
дополненное, исправленное.**

**ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ТУЛА, 1978**

**Предисловие
ко второму изданию**

После опубликования повести «Сердце молчать не может» автор получил много откликов от участников Великой Отечественной войны и собрал дополнительные материалы, в которых раскрываются новые страницы героической борьбы советских людей в тылу врага.

Все это позволило написать дополнительно восемь глав, включенных в данное издание. В нем более обстоятельно, чем в первом, рассказывается о деятельности подпольных комитетов партии и комсомола, борьбе интеллигенции с гитлеровскими порядками, показывается, что борьба с немецко-фашистскими оккупантами была не делом одиночек-героев, а носила подлинно всенародный характер.

*Мы хотим сохранить
от наших предшественников
не пепел, а огонь.*

Жан Жорес.

ОБОЖЖЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Знойным августовским днем страшного сорок первого года покидали свой родной кров жители старинного городка Новозыбкова. Подожженный фашистской авиацией, он оставался позади, весь в клокочущем пламени и едком дыму.

Над большаком, густо усеянном людьми, появились вражеские самолеты. Они обстреливали бежущих из пулеметов. Толпа разбилась на мелкие группы, растекалась, отыскивая надежные укрытия.

Студенток Новозыбковского педагогического института — подружек Викторию Кореневу и Александру Палей — обстрел загнал под яблоню-дичку. Густая листва и краснобокие яблоки скрывали их от глаза воздушных пиратов. Рядом с подругами сидел на корточках семнадцатилетний Миша Палей — брат Александры. Он приехал в Новозыбков поступать в педагогический институт.

— Тебе не страшно, Вика? — закидывая на спину черные толстые косы и стирая пыль с лица, спросила Шура.

— Страшновато, — призналась Виктория.

Михаил усмехнулся: девочки, дескать. Еще и настоящей войны не видели, а уже перепугались. Вот он, Михаил Палей, как только доберется до намеченной цели, сразу же пойдет добровольцем в Красную Армию.

— Гляди-ка, Шурка, какой брат-то у тебя герой, — засмеялась Виктория.

— Верно, герой! Только вот почему с нами под дичку прячется, — поддела брата Шура.

— А зачем зря погибать? — нашелся паренек. — Если б было оружие, тогда другое дело...

Из-под яблонн, росшей на возвышенности, хорошо просматривалась дорога на Новгород-Северский. На обочине ее, недалеко от себя, трое юных увидели на земле женщину. Вокруг нее то в одном, то в другом месте вспыхивали фонтанчики пыли, поднимаемые пулеметными очередями

с немецкого самолета. Женщина вздрагивала при этом и еще плотнее жалась к земле.

— Наверное, ранена, надо помочь, — забеспокоилась Шура, — а то добьет проклятый...

— Я мигом, — кинулся было на помощь женщине Миша. Но тут же застыл: из кустов выскочила какая-то девушка. Она стремительно бросилась к лежащей и упала рядом. «И эту ранило», — кусая губы, подумала Виктория. Но, как только самолет отвернул для пового захода, незнакомая девушка вскочила и проворно побежала в кусты с каким-то свертком. Раздался громкий плач — кричал ребенок.

А незнакомка снова побежала к большаку, взвалила раненую себе на спину и поползла к тем же кустам.

— Молодец! — восхищенно воскликнул Миша, придя, наконец, в себя. — Смелая!

— Не то, что мы, — со вздохом, будто обижаясь на себя за то, что не поступила так же, — прошептала Виктория. И подумала: «А я вот перетрусилась». Но чтобы рассеять неуверенность в себе, обратилась к Мише:

— Ты говорил: с оружием. А она и без оружия...

— А я что? Я тоже хотел помочь...

Фашистский стервятник в очередном заходе над большаком опустился совсем низко и, построчив из пулемета, улетел. Виктория и ее друзья побежали к кустам: может, понадобится помощь ребенку и женщине? Но в кустах уже никого не было.

«Что же это такое? И двух месяцев нет, как началась война, а враг шагнул аж под Новозыбков», — идя с беженцами, думала Виктория. Ей вспомнился канун войны. Тогда теплым июньским вечером она с однокурсниками бесшумно восселилась на мостике, почти касавшемся зеркальной глади озера Зыбкое. Им оставалось сдать один-единственный экзамен — по истории средних веков и считай, что ты уже студентка второго курса.

Но следующим воскресным днем к экзаменам никто не готовился. Ровно в полдень радио взволнованно и грозно сообщило о нападении фашистской Германии на Советский Союз.

Девушки бросились в институт. На площади имени Октябрьской революции, через которую лежал путь в институт, как в дни праздников было многолюдно. Но теперь не звенела площадь радостными песнями, не пестрела нарядами, не цвела алыми флагами. Суровыми и строгими были

лица горожан, собравшихся у мощного динамика: повторно передавалось правительственное сообщение.

В педагогическом институте тоже было полно народу. Собрались не только студенты стационарного отделения, но и заочники, приславшие на летнюю зачетно-экзаменационную сессию. Митинг начался стихийно. Речи были краткими, а резолюция и того короче:

«Мы, студенты и преподаватели Повозыбковского педагогического института, с чувством огромного негодования и гнева узнали о подлом нападении гитлеровской Германии на нашу свящешую землю.

Просим Советское правительство считать всех нас мобилизованными на защиту Родины. Не пощадим сил своих и самой жизни, чтобы дать сокрушительный отпор обнаглевшему врагу.

Наше дело правое. Победа будет за нами!»

С этого дня у Виктории началась новая жизнь: сдав последний экзамен (ведь никому не верилось в то время, что фашисты прорвутся так глубоко в пределы нашей страны, что учиться в сорок первом уже больше не придется), она пошла на курсы медицинских сестер. Училась и практиковалась в госпитале, куда уже начали прибывать с фронта раненные. Их с каждым днем становилось все больше и больше. Глотая слезы, Виктория вместе с другими медицинскими сестрами перевязывала страшные раны и думала: «Неужели гитлеровцы придут и в наш город? Нет, нет, я должна уехать вместе с госпиталем. А может, уйти на фронт?..»

Она не знала, на что решиться. Когда же немцы прорвали нашу оборону под Гомелем, решение пришло само собой. Рано утром Виктория помчалась в госпиталь. Но оказалось, что ночью он поспешно эвакуировался. И теперь девушка с потоком беженцев уходила из родного города, надеясь разыскать госпиталь. Однако этому не суждено было сбыться. В селе Карповичи Виктория узнала о том, что немцы перерезали все дороги, связывающие ее родной город с востоком. Многие повернули назад. «А как же я?» — раздумывала Виктория.

— Здравствуйте, молодые люди! — раздался незнакомый голос. — Вернулись в родные пенаты? Добро. А это кто такая?

— Это, Тимофей Савельевич, моя подруга, секретарь комсомольской организации нашей группы в институте,—

отрекомендовала Кореневу Шура. — Она медсестра. Да вот не успела с госпиталем эвакуироваться.

— Понятно... А родичи есть?

— Мама в Бресте, у сестры. А отец, инвалид, в Новозыбкове.

— Да-а,— хмурясь протянул Тимофей Савельевич. — Суровое время наступило, девчата. Очень суровое. Многое придется вытерпеть. Ну, и куда же ты теперь?

— Не знаю,— пожала плечами Виктория, глядя на стоящего рядом с пей человека с глубоко запавшими глазами.

— А может, тебе, Виктория, стоит вернуться к отцу?

— Я и сама начинаю об этом подумывать.

— Ну, что же, если надумаешь, сообщи. У меня будет маленькая просьба...

— У вас в городе есть родня?

— Родни у меня там нет, а все-таки хочется знать, как там люди к немцам относятся. Про это мне и напиши. Если, конечно, захочешь...

— А как же письмо пошлю?

Тимофей Савельевич задумался.

— Придется самой принести.

— Где же вас найти?

— Меня искать не надо,— засмеялся Тимофей Савельевич. — Видишь вот тот сарайчик? Когда принесешь, сунешь под стреху в правом углу. Вот и все... Ну, ребятки, мне пора,— Тимофей Савельевич стал прощаться.

В это время на крыльцо выбежала Мария Григорьевна Палей.

— Ой, детки, пришли! А я уже думала бог знает что... Заходите же скорей, заходите. И вы, Тимофей Савельевич...

— Я, Григорьевна, найду как-нибудь в другой раз. А сейчас спешу...

— Бог его знает, Тимофей Савельевич, когда мы теперь встретимся... Время-то такое.

— Ну что время! Главное — не падать духом.

Тимофей Савельевич быстро зашагал вдоль улицы.

— Кто такой? — спросила Виктория, когда Тимофей Савельевич свернул за угол.

— Это директор нашей школы Немченко,— ответила за дочь Мария Григорьевна. — Лихо придется ему. Партийный...

ПЕРВОЕ ЗАДАНИЕ

В Карповичах, в семье своей подруги Виктория провела почти неделю. Ей и хотелось и не хотелось идти в Новозыбков. Хотелось потому, что там сиротливо жил отец, нуждающийся в помощи, а не хотелось потому, что не покидал ее какой-то внутренний страх.

«А что если меня схватят как комсомолку? — думала она. — Ведь ходят же слухи, что фашисты с такими не церемонятся».

Однажды утром увидела она человека, чем-то напоминавшего Немченко. Виктория хотела было побежать к нему, но пока колебалась, не зная что предпринять, тот скрылся. «Вот дуреха, — подумала она о себе, — а что бы я ему сказала? Ведь решения до сих пор не приняла».

Она потом несколько раз выходила за огороды, надеясь снова увидеть у леса того, кто так напоминал Тимофея Савельевича. Волновалась и на вопросы Шуры порой отвечала невпопад.

— Что с тобой, не заболела ли? — встревожилась Шура.

Виктория молчала.

— Я спрашиваю: не больна ли ты? Вид твой мне не нравится. Да и задумываешься часто.

— Я, Шурочка, совершенно здорова. А что задумываюсь, ты верно подметила. Думаю все о том, не пора ли вернуться в город.

— Разве тебе у нас так плохо? — обиделась Шура.

— Но ты же хорошо знаешь, что там папа остался.

На следующий день после завтрака мать Шуры насовала в дорожный мешок всякой деревенской всячины и Виктория отправилась в путь. Сорок с лишним километров для молодых ног — дорога недлинная — часов восемь ходу.

В село Рыловичи, лежащее на пути в Новозыбков, Виктория вошла, когда солнце уже цеплялось за верхушки деревьев. Здесь творилось что-то невиданное: грохотали танки, сметая все на своем пути, гремели железными колесами пушки, снесили колонны немецких войск.

Учащенно забилося сердце Виктории. «Неужели нет силы, чтобы остановить эти полчища, не дать им топтать родную землю? Неужели придется ежедневно видеть эти чужие, мерзкие самодовольные лица, слушать непонятную речь, с опаской произносить родное слово «товарищ»?»

Виктория вздрогнула, когда какой-то старик, глядя на все это, произнес:

— Ну, и силища же у них...

— Да ты что?! Тогда иди с ними,— зло бросила девушка, идущая позади Виктории.

Виктория оглянулась и обрадовалась: да ведь это та самая, что тогда на дороге...

Виктория схватила незнакомку за руку:

— Постой... Я же тебя знаю!

— Может быть.

— Помнишь дорога... немецкие самолеты... женщина с ребенком...

Девушка удивленно посмотрела на Викторию.

— А ты откуда знаешь?

— Да я же рядом была. Прибежала, а тебя уже нет. Куда ты их дела?

— У знакомых поселила. Ты кто?

— Виктория Коренева. А ты?

— А я Вера Замотаева. Из Новозыбкова. Родные у меня в Рыловичах. Вон их дом в стороне виднеется. Может, зайдешь?

— Очень спешу. Отец больной меня ждет.

— В городе уже комендантский час. На улицах нельзя появляться. Стреляют без предупреждения. Переночуешь, а утром вместе пойдем. У меня там тоже больная мать.

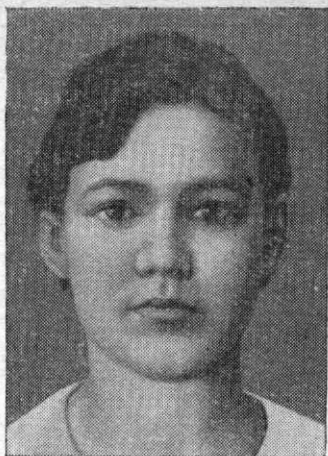
В избе, куда вошли девушки, было уже темновато. Хозяйка налаживала коптилку, пахло керосином.

— Кто это с тобой, Верочка? — не поворачивая головы, спросила она.

— Подружка из Новозыбкова,— ответила Вера, занавешивая дерюгой окно. Хозяйка занавесила второе окно, зажгла коптилку и поставила ее на стол, покрытый домотканой скатертью.

— Проходи, проходи, что у порога стала? У нас все по-простому... Садись за стол, сейчас покормлю...

— Не беспокойтесь, у меня все есть,— снимая заплечный мешок и ставя его на лавку, сказала Виктория. Она

Виктория Коренева. Снимок 1941 года.

положила на стол кусок добротного хребтового сала, полбуханки хлеба, яйца.

— Угощайтесь, пожалуйста...

— А что же, и угостимся,— засмеялась хозяйка, вытаскивая чугунок из печи.— И ты моего отпробуешь. Слава богу, эти ироды нас пока обошли...

Вкусно запахло тушеной картошкой со свиной. Вера нарезала хлеба и сала.

— Только вот чарочки нет,— развела руками хозяйка.— Раньше, бывало, мой-то как сядет за стол, так и подавай...

— А нам, тетя, ни к чему. Мы молочком обойдемся,— ответила Вера.

После ужина девушки с полчаса побродили молчаливо по осеннему саду, то и дело поглядывая на все разрастающееся вдаль зарево.

— Пора спать,— сказала Вера.— Завтра рано вставать.

...Новозыбков встретил подругу настороженной тишиной. Улицы, такие оживленные раньше, будто вымерли. Вблизи здания, в котором до войны находился физико-математический факультет пединститута, Вера Замотаева остановилась.

— Вот я и дома. Зайдешь?

— Спасибо, в другой раз. Сейчас надо к отцу.

— Вон то крыльцо, что смотрит в сторону учебного корпуса — вход в нашу квартиру. А ты где живешь?

— Недалеко от каланчи. Наримановская, 29.

Расставшись с подругой, Виктория повернула за угол — и обомлела: совсем недавно здесь высились огромные корпуса крупнейшей в стране спичечной фабрики «Волна революции», а теперь стояли полуразрушенные и закопченные коробки.

Но все это оказалось мелочью в сравнении с тем, что увидела Виктория на площади имени Октябрьской революции. На виселице, установленной на самом видном месте, качалось тело. На шее казненного была прикреплена табличка «Большевик».

«За что его? По какому праву?» — поспешно уходя от страшного места, думала Виктория. Что-то вдруг обожгло ей сердце, захватило дух. Она еще не понимала, что это. А в ней крепла ненависть, зовущая к решительной борьбе.

Отец, как-то осунувшийся за эти дни и постаревший, встретил Викторию с радостью.

— А я думал, доченька, что тебя уже и на свете нет,— повторял он, глядя увлажненными глазами на Вику.— Кругом такое творится. Третьего дня согнали нас всех на площадь, на казнь нашего парня. Отчаянный был. Оттолкнул палача, да как крикнет: «Мы все равно победим!».

— Я уже видела его, но не узнала.

— Я тоже не знаю, кто он... А Корсаков, что инкассатором в госбанке работал, в начальники полиции затесался... А Немцев, этот смиренский счетовод на спичечной фабрике, кто бы мог подумать — городской головой стал... Корнеев, что здравпунктом на спичечной заведовал, теперь большая шишка — заведует отделом здравоохранения при городской управе. Мразь... Появился тут и какой-то барон фон Пешпель. Блоха собачья... Не любит наших ребятишек. Как завидит, зверем на них кидается, чтобы хлыстом стегануть, или своего пса натравит...

— Ничего, папа, все это временно.

— Временно или не временно, а люди прямо кипят. Где же это видано, чтобы ни за что ни про что человека вешать? У меня и то руки чешутся. Кажется, разорвал бы этих сукиных сынов.

— Ох, папочка, папочка,— обняв отца, вздохнула Виктория.— Ты же у меня инвалид.

— Что же я безголовый или безрукий? — взъерошился старик.— Разве я уже ничего делать не могу?

— Конечно, можешь, да еще как,— чтобы успокоить разволновавшегося отца, согласилась Виктория.

Такие вспышки бывали у него почти ежедневно, и Виктория боялась, как бы кто не подслушал старика, да не донес.

Зашел к отцу человек, чтобы починить совсем развалившиеся сапоги.

— Не думал, не гадал, что такое случится,— жаловался тот.— Вроде бы и крепкими были еще и вдруг... Ты их

Вера Замотаева. Снимок довоенных лет.

скрепи уж как-нибудь дратвой да гвоздями, чтоб я домой мог добраться.

— Дома-то у тебя как дела?

— Ни шатко, ни валко... Перед войной колхоз начал было крепнуть, а сейчас... — гость махнул рукой и вздохнул.

— Дрянь, значит, дело? — продолжал допрос отец. — У нас тоже... Звери уже показали клыки, а выбить-то их некому.

Виктория совсем перепугалась. Человек малознакомый, а отец ему такие вещи говорит. Хотела было вмешаться в разговор, чтобы направить его в другое русло, но посетитель, окинув её изучающим взглядом, тихо сказал:

— Клыки им уже выбивают... После третьего июля вся Белоруссия дыбом встала под их ногами. Целыми семьями уходят люди в леса. Убивают супостатов... Мы ведь с белорусами по соседству живем, знаем...

— Это отлично! Это...

— Папа, — прервала отца Виктория, — человек спешит, а ты его разговорами всякими развлекаешь.

Каждый день Виктория на два—три часа уходила из дома. Присматривалась ко всему, что творилось вокруг, ловила чутким слухом то, о чем говорили люди. Дома обдумывала все увиденное и услышанное.

«Что даст Тимофею Савельевичу все это? — думала она. — Вот если бы как в Белоруссии, тогда другое дело... А знает ли Тимофей Савельевич о том, что там делается? А может...» И ей вспомнился человек, похожий на Немченко, которого она видела издали и который скрылся в лесу. Ей начинало казаться, что и под Карповичами в лесах тоже уже что-то происходит. Но как узнать?

Под предлогом купить кое-каких продуктов Виктория решила пойти в Карповичи к Палеям. Ее встретили там, как родную. Накормили, уложили в постель, и она сразу же уснула.

Утро выдалось солнечное, теплое. Шура и Виктория вышли из дома. На улице было пустынно, то ли потому, что люди были заняты своими делами, то ли оттого, что прошел слух, будто вблизи появились немцы.

Разговаривая, девушки и не заметили, как очутились за огородами, на лугу. Ветер гонял по пожухшей траве уже почерневшие листья. С реки тянуло холодом.

— Пробирает? Эх ты, горожаика! — засмеялась Шура и потащила подругу к стогу сена. Там с подветренной сто-

роны погрелись на солнце и уже собрались домой, как вдруг донесся треск мотоцикла.

— Не иначе, что немец, — взглядываясь вдаль, шепнула Шура.

Вдруг мотоциклист странно подпрыгнул и свалился назад, а машина, немного проехав, упала в кювет.

Сразу же на дороге появились трое. Они спешили к месту, где только что упал мотоциклист.

— Может, сбегает, посмотрим? — прижимаясь к подруге, спросила Шура.

— Побежим...

Возле кювета уже стояли люди, рассматривая мотоциклиста. То был совсем еще молодой немец в форме какого-то младшего военного чина. Темное пятно на его мундире медленно расплывалось. Скрюченные пальцы рук вцепились в землю.

— Наелся, — слышались тихие голоса.

«Значит, и тут уже начинают им обламывать клыки», — с радостью подумала Виктория. — Если враг не сдастся — его уничтожают. И она, Виктория, наконец должна это подтвердить делами».

— Ой, бабоньки, да что же это такое?! Да немцы же нас теперь спалят! — завопила, ломая руки, подбегавшая жепщина.

В ответ — мертвая тишина. Через минуту на месте происшествия не было ни души. Неизвестные девушкам люди увезли мотоцикл с убитым немцем в лес.

Шура с Викторией пошли на огород, где Мария Григорьевна копала картофель. До обеда они накопили целый ворох картошки и, наверно, копали бы еще, но тут позвал девчат домой сам Палей. Он куда-то спешил, на обед пришел раньше обычного.

Мария Григорьевна никогда не спрашивала мужа, куда и зачем он идет. Так уже повелось у них смолodu: доверие и только доверие друг к другу. Поэтому ссоры в их семье были редкостью. И сейчас Мария Григорьевна ни о чем не спрашивала мужа, а спокойно наливала в семейную миску щи. Но тут хозяин заговорил первым.

— Вот что, Маша, я может и сегодня немного задержусь, так ты не беспокойся. До места далеко, а дорога, сама знаешь, какая — осенняя. По ней...

— Да разве мне привыкать? Ты всю жизнь где-нибудь задерживаешься, — укорила мужа Мария Григорьевна.

— Я не об этом... Картошку надо будет почти всю зарыть в яму и заделать так, чтобы сам черт не нашел.

— Так мы же сегодня не успеем выкопать.

— Если не успеете, тогда завтра я сам все до дела доведу. А то нагрянут злыдни, так все выгребут...

После обеда Палей запряг лошадь в легкую бричку и куда-то уехал. Мария Григорьевна, вымыв и убрав посуду, снова ушла на огород, а отвыкшие за время учебы от тяжелого физического труда Шура и Виктория чувствовали себя такими усталыми, что не могли ни спины разогнуть, ни пальцем пошевелить.

— Оставайтесь-ка вы дома,— видя это, распорядилась Мария Григорьевна.

Осенние дни коротки, и вечер наступил быстро. С огорода вернулась Мария Григорьевна, вымыла руки, заглянула в светелку:

— Чтой-то вы в потемках сидите? Ну-ка марш ставни закрывать.

Виктория выбежала во двор. И тут же ее кто-то окликнул. Она вздрогнула и от неожиданности отпрянула назад.

— Не пугайся. Это я,— послышался знакомый голос. Немченко положил ей руку на плечо.— Здравствуй. Узнал мимоходом, что ты приехала, и решил навестить. Что недовольна?

— Что вы, Тимофей Савельевич.

— Тогда быстро рассказывай, как дела в Новозыбкове?

— Плохи, Тимофей Савельевич. Фашисты наводят «новый порядок». Людей без суда и следствия вешают и расстреливают. Здания института, школ, городской библиотеки, спичечной фабрики разрушены... Просто страшно...

— А как настроение у людей? Успела с кем-нибудь по душам поговорить?

— Пока только с Верой Замотаевой. Очень хорошая девушка. Верная, смелая.

— Комсомолка?

— Конечно.

— Это хорошо.— Немченко с минуту помолчал, будто что-то обдумывая.— Аптеки там, Виктория, работают?

— Точно не знаю.

— У меня что-то бок болит... А у друга моего нарывы пошли... Может, у тебя врачи знакомые есть?

— Соседка у меня врач, Анна Макаровна.

— Семейная?

— Муж у нее, кажется, танкист, на фронте. А она сама в городской больнице работает.

— Может, через нее что-нибудь достанешь?

— Боюсь. Отец у нее надзиратель тюрьмы, где наши сидят.

— А с ним мирно живет?

— Сперва ругались, а теперь Анна Макаровна молчит.

— Не знаешь, из-за чего ругня была?

— Как будто из-за того, что он в тюрьму работать пошел.

— Так... Может быть, все-таки стоит поговорить с Анной Макаровной. Но будь осторожна... Расскажи ей про наши болезни, не забудь упомянуть про раны. Она поймет, какие нам лекарства нужны...

— Вика не иначе с кавалером заговорила? — выйдя на крыльцо, крикнула Шура.

— Ага...

— Ну, до новой встречи, Виктория, — пожимая девушке руку, тихо сказал Немченко и исчез.

— Где же твой кавалер? — сбегая с крыльца, спросила Шура.

— Вон там, — указала Виктория на далекую звезду. — Никак не пагляжусь.

— Чтбб тебя, — засмеялась Шура. — Вечно ты со своими выдумками.

РЯДОМ ДРУЗЬЯ

Из Карпович Виктория пришла через несколько дней.

— Наконец-то, — обрадовался отец и крепко обнял Викторию. — А тебя спрашивала вчера какая-то девушка.

— Не сказала кто?

— Верой назвалась.

— Чего же хотела?

— Интересовалась, где ты и скоро ли вернешься.

— А ты что ответил ей?

— Сказал: через пару недель должна вернуться.

«Если Вера Замотаева приходила, значит что-то случилось», — подумала Виктория. Она сняла запыленные, поношенные туфли и присела.

— Может, чайку с дороги, — предложил отец. — Можно и яичницу приготовить. Вон, видишь, сколько заказчики нанесли, — старик показал на стоящую в углу, у кровати, корзину с яйцами.

— Спасибо, папочка. Полежать хочу. Ноги болят...

Но полежала Виктория недолго. Мысль, что ее ждет Вера Замотаева, волновала. Виктория встала, оделась.

— Ты куда собралась? — озабоченно спросил отец.

— Письмо есть у меня из Карпович для дальних родственников Палеев. Просили срочно передать.

— Ну, сходи. Только не задерживайся, пожалуйста. А то я все один и один. Да и беспокоиться буду...

До квартиры Замотаевой Виктория дошла быстро.

— Как я тебя ждала! — радостно воскликнула Вера. Она отвела подругу в сторону. — Важные новости.

— Слушаю.

— За Дубровкой, возле Накота, наши напали на немцев. И те драпу дали.

— Кто тебе про это рассказал? — обняла подругу Виктория.

— Тетя, у которой мы с тобой в Рыловичах ночевали. Оттуда до Дубровки совсем близко. Так вот верные люди сказывали, что видели председателя своего колхоза Михаила Алексеевича Левченко. С ним были председатель райисполкома Николай Степанович Чернобаев, участковый милиционер Николай Иващенко, директор маслозавода Шендрик и еще несколько человек. Все вооруженные.

— Странно почему-то называется то место — Накот. Не иначе с каким-то котом Ерофеевичем связано.

— И совсем не то. Место это находится на пути в Софиевку. Большое болото там. Не то что конному, пешему трудно было пробраться. И накатал туда народ огромные бревна, загатил болото. Теперь ясно, почему Накот?

— Уразумела. А что если нам туда пробраться? Рискнем, а?

— Рисковала уже, — с досадой буркнула Вера и слегка оттолкнула от себя подругу.

— Ну, и что?

— Искореженный пулемет видела, гильзы тоже. И листья на деревьях тоже сильно посечены пулями. А партизан и дух простыл.

— Но все-таки я туда схожу.

— Не дури, — изменившимся голосом ответила Вера. — Люди говорят, что Левченко и его товарищей уже нет в Софиевском лесу. Так что затея твоя пустая. Лучше сейчас займемся другим делом.

— Что ты еще придумала?

Вера подвела подругу к окну, из которого виднелась территория, ранее принадлежавшая физико-математическому факультету педагогического института: — Смотри.

— Для кого это? — увидев колючую проволоку, навешанную на столбы, спросила Виктория.

— Для военнопленных. Их заставили строить себе тюрьму, которую именуют трудовым лагерем.

В разных углах лагеря виднелись худые, изможденные люди. В разорванных шинелях, в почерневших от пота и пыли гимнастерках. Они рыли ямы, таскали огромные камни.

«Об этом надо обязательно сообщить Немченко», — решила Виктория. Она живо вспомнила последний разговор с Тимофеем Савельевичем и как бы случайно спросила у Веры:

— Аптекарей знакомых у тебя нет?

— Был один, да теперь воюет с фашистами. Жена его одна осталась, живет в помещении аптеки. А зачем тебе аптекарь?

— Карповцы просили помочь им лекарствами, бинтами. В селе нет ни фельдшера, ни медикаментов.

«Может, сказать Вере всю правду?» — заметив недоверие во взгляде подруги, подумала Виктория. Но тут же отвергла эту мысль: «Надо сначала с Немченко посоветоваться».

Возвращаясь в полдень от Веры Замотасовой, Виктория возле рынка увидела женщину, очень похожую на ее любимую учительницу.

— Здравствуйте! — убедившись, что не ошиблась, поздоровалась Виктория с Клавдией Алексеевной.

— А, Вика! Здравствуй, дорогая! — радуясь встрече со своей бывшей лучшей ученицей, ответила Клавдия Алексеевна Чернышова.

— Как поживаете, Клавдия Алексеевна?

— Как видишь, дорогая Вика.

Перед Викторией стояла поседевшая, сгорбившаяся женщина. Старенький жакет, большие, не по погоде, ботинки. Как она не была похожа сейчас на ту Клавдию Алексеевну, которую привыкли ученики встречать в классе, — легкую и изящную.

— Никак не свыкнусь с тем, что делается вокруг. Места себе не нахожу, — взяв Викторию по давней привычке за руку, сказала Клавдия Алексеевна и вздохнула.

— Пересхали бы к нам,— робко предложила Виктория.— Мы только с папой вдвоем живем. Могли бы занять у нас отдельную комнатку.

— А соседи не станут возражать?

— Почти все эвакуировались. В доме живет только семья Новиченко. Помните бухгалтера?

— Это отец Нипочки?

— Да, да.

— А твой папа согласится?

— Он у меня добрый.

— Подумаю...— перешитительно ответила Клавдия Алексеевна.

— Чего тут думать? Я вам и вещи помогу перевезти на нашей тележке.

В тот же день в доме 29 по улице Наримановской появился новый жилец.

— Как я рада, что пересехала к вам,— говорила Виктории Клавдия Алексеевна, волнуясь.— Кажется, будто вернулась в милую, добрую довоенную жизнь, которую не могли многие из нас по достоинству оценить.

— Эта жизнь, Клавдия Алексеевна, обязательно вернется.

— Я тоже не сомневаюсь в этом... Но что мы должны делать для этого?

— Нам с вами обязательно работа найдется,— успокоила Виктория свою учительницу. Долго сидели они вдвоем, обнявшись, словно подруги. Разошлись спать еще более влюбленные друг в друга.

«Милая моя, Клавдия Алексеевна,— думала Виктория.— Ищет работу. А хватит ли у нее сил, чтобы включиться в активную борьбу с фашистами?» — Виктория повернулась лицом к окну. В узенькую щелочку протекал бледной струйкой свет полной луны. Несколько лет назад, вот в такую же ночь, она, молоденькая девушка, возвращалась вместе с Клавдией Алексеевной домой. Клавдия Алексеевна шла и читала своей ученице стихи Пушкина, Некрасова, Блока. «Любила она меня. И сейчас любит. Ей вполне можно довериться... Надо об этом сказать Тимофею Савельевичу... И еще надо встретиться с Анной Макаровой Мурзиновой»,— уже засыпая, решила Виктория.

Встреча с Мурзиновой произошла на другой день. Виктория дождалась, когда Мурзинова пойдет с работы, и вышла ей навстречу.

— Вика! Что-то тебя давно не видно было.

— У подружки гостила. Я вас, Анна Макаровна, уже несколько дней пытаюсь встретить. Есть большая просьба.

— Какая?

— Нужны лекарства.

— Что, отец заболел или сама себя плохо чувствуешь?

— Нет, это для друзей из Карпович. Там есть раненые.

— Откуда раненые?

— Немцы дороги бомбят...

— Понятно,— кивнула головой врач и улыбнулась так, что Виктории показалось: она обо всем догадывается.—

Постараюсь достать. Надо же выручать друзей, Вика...

Как-то под вечер, когда в комнате Виктории сидела Клавдия Алексеевна, в дверь осторожно постучали.

— И кого еще там носит,— пробурчал Максим Прокофьевич, открывая дверь.

— Добрый вечер! — услышала Виктория знакомый голос Анны Макаровны и побежала к дверям.

— Заходите, пожалуйста, Анна Макаровна! Заходите!

— Я к тебе на минутку, Вика... Больных нет? — спросила Мурзинова, посмотрев в сторону Максима Прокофьевича, который снова занялся работой.

— Все мы сейчас больны одной хворобой,— ответил Максим Прокофьевич, со злом вбивая гвоздь в каблук.

— И у вас, Клавдия Алексеевна, такая же хворь?

— Выходит, что так.

Анна Макаровна довольно улыбнулась:

— Считайте, что ваша хворь и меня одолела.— Она подошла к столу, поставила на него объемистую хозяйственную сумку и вытащила из нее сверток.

— Это пока все, Вика. Потом еще попытаюсь достать...

— Спасибо вам, Анна Макаровна, и за это. Мои друзья тоже будут вам благодарны.

— Я с радостью бы познакомилась с ними, но далеко вато.

Мурзинова попрощалась:

— Извините за поздний визит. Спешу. Сыночек ждет.

Когда Анна Макаровна ушла, Виктория и Клавдия Алексеевна начали рассматривать содержимое свертка. Здесь были разные тюбики, ампулы, баночки с мазью, порошки, капли. Каждое лекарство аккуратно завернуто в

А. М. Мурзинова.
Снимок 1945 года.

бумажку-рецепт с довольно подробным описанием, как и в каких дозах и случаях его применять. Отдельно в плотную бумагу был завернут медицинский шприц.

В НОЧНОМ ЛЕСУ

Назавтра, едва посерело осеннее небо и закончился комендантский час, Виктория, рассовав во все потайные места своего теплого костюма тюбики, склянки, ампулы и баночки, отправилась в дорогу.

— Ничего не забыла? — спросила ее Клавдия Алексевна.

— Кажется, нет.

— Будь осторожна, девочка моя...

Всю дорогу до дома Веры Замотаевой в ушах Виктории звучали слова: «Будь осторожна, девочка...» В них было что-то родное, ласковое, нежное и вместе с тем тревожное.

Сердце Виктории взволнованно забилося, когда она подошла к дому Веры Замотаевой. А вдруг квартира оцеплена, или...

— Ты ко мне, Вика?

Виктория вздрогнула от неожиданности.

— Да, да... К тебе.

— Иди-ка сперва посмотри, — Вера подвела Викторию к забору, на котором висели напечатанные на русском языке приказы и распоряжения военного коменданта. — Видишь?

Виктория, сводя брови, читала:

«Запрещается принимать на жительство к себе лиц, не принадлежащих к числу местного населения. Кто нарушит это, будет немедленно расстрелян».

«За спрятанное оружие, отдельные части оружия, патроны и прочие боеприпасы, за всякое содействие большевикам и бандитам и за причиненный германским вооруженным силам ущерб виновные будут наказаны смертной казнью».

«Все мужское население города должно явиться немедленно для регистрации в военную комендатуру. С собой должны быть все документы, удостоверяющие личность».

«Кто не явится на регистрацию, будет рассматриваться как партизан и расстрелян».

«Лица гражданские, которые в ограниченное время без уважительной причины будут встречены на улице, будут сейчас же военным судом расстреляны».

— Подлые трусы! За все грозят смертной казнью! — с возмущением произнесла Виктория.

— Ну, а теперь пошли ко мне, — сказала Вера. — Должно читать эту...

В квартире Веры Замотаевой пахло аптекой. Виктория даже удивилась этому: — Ты что пользуешься лекарствами? — забеспокоилась она.

— Мама больна... А я, как магнит, — все запахи притягиваю. Побывала в аптеке — и все ароматы с собой принесла... Получай, — и Замотаева положила перед Викторией плотно скатанный и завернутый в бумагу отрез марли. — Этим их дамы от комаров защищаются...

Уже наступила ночь, когда Виктория пришла в Карновичи.

— Устала? — участливо спросила Шура Палей.

— Есть немного, — снимая жакет и садясь на широкую скамейку, ответила Виктория.

— А могла бы пройти еще километра два или немного больше?

— Даже десять, — засмеялась Виктория, приняв вопрос подружки за шутку. Но лицо Шуры было серьезным. — Ты шутишь или правду говоришь?

— Правду... Попей-ка парного молочка и пойдем. Тебя в Красных Лозах ждет Тимофей Савельевич.

— Он что, знал о моем приходе?

— Не знал, но уже знает, — хитро улыбнулась Шура. — Так что чуточку отдохни и двинемся.

Виктория торопливо выпила кружку молока, надела жакет и вскоре подружки уже были у Красных Лоз — небольшого поселка, примыкающего к Карновичам.

— Дальше пойдешь одна, — сказала Шура, когда они прошли поселок, за которым начинался лесной массив. — Иди вон туда. Там тебя встретят друзья.

Тревожно шумели сосны. Виктории стало страшно. «Ах ты, жалкая трусиха, — с досадой пеняла она на себя. — Вера под огнем спасла женщину с ребенком. Неизвестный парень не дрогнул, когда фашисты накиннули ему петлю на шею. А ты испугалась леса...»

Она решительно шагнула в лесную темень.

— Стой! — Голос показался знакомым.

Виктория остановилась. Из темноты выпрыгнул Тимофей Савельевич.

— Ты пришла как раз вовремя, — простуженным голосом, позабыв поздороваться, сказал он. — Принесла?

— Принесла немного.

— А бинты есть?

— Есть.

— Ты, кажется, персвязывать умеешь...

— Практиковалась в госпитале, — ответила Виктория, чувствуя, как ею овладевает беспокойство.

— Тогда пошли...

В землянке на невысоких парах кто-то метался и стоял. Дыхание его было прерывистым и тяжелым. Временами к человеку возвращалось сознание. Тогда он хрипя тянул: «Пи-и-ть...»

— Вот так уже который час, — растерянно глядя на тяжелораненого, сказал Немченко. — Под правую лопатку попали...

Виктория подошла к раненому, приложила ладонь к пылающему жаром, покрытому испариной лбу. «Что же это может быть? — напряженно думала она, стараясь припомнить наставления на сестринских курсах. — Холодный пот на лбу. Тяжелое, прерывистое дыхание... Частая потеря сознания... Шок! — вдруг мелькнула в мозгу догадка. — Да, шок. И если раненому срочно не помочь — он погибнет. Шприц! Скорее шприц!»

Дрожащей рукой достала она ампулу с морфием, осторожно вскрыла ее и тут же сделала раненому укол. Спирта не было, но небольшая бутылочка с эфиром оказалась кстати.

Через несколько минут раненый успокоился, но дыхание его все же было тяжелым.

— Грелку, — распорядилась Виктория. И пока грели воду на костре, не выпускала из своей руки руку человека, подсчитывая удары пульса.

— Может, у вас немного спирта найдется? — спросила она.

— А чайком нельзя заменить? — ответил Немченко.

— Дайте чай, только покрепче.

— Успокойся, дорогой. Ты будешь жить, — прикладывая флягу с горячей водой к губам раненого, повторяла Виктория. Потом, осторожно раздвинув сжатые зубы незнакомого человека, стала поить его чаем. Раненый начал глотать, ровнее стало дыхание. Викторию охватила такая радость, что закружилась голова.

— Ну, вот и все, — облегченно вздохнула она.

— Как думаешь, выживет? — спросил Немченко.

— Должен. Организм сильный.

— Теперь можно, по-видимому, выйти на свежий воздух.

А когда они остались вдвоем, спросил:

— Что нового?

— В Софиевском лесу под селом Дубровка появились партизаны.

— Это ты про бой в Накоте?

— Да.

— Мы знаем про эту группу. Ребята там, как на подбор. Знакомы с военным делом. Николай Иващенко и Анатолий Шаминько — милицейские работники. Павел Михайлович Василевский преподавал военное дело в педагогическом институте. Ты должна его знать.

— Еще бы. Хорошо знаю. Помогите мне, Тимофей Савельевич, связаться с Василевским.

— Сам подумываю, как тебя связать с новозыбковскими партизанами. Понимаю, что сюда ходить тебе далеко. Только пока, к сожалению, сделать это не смогу.

— Почему?

— Да потому, что не знаем мы, где сейчас новозыбковские партизаны. Ведь о бое в Накоте наша разведка узнала от жителей Софиевки, Дубровки и Рылович. Стараемся связаться с ними, но пока безрезультатно. Лес-то огромный.

Виктория с минуту молчала. Потом тихо, не скрывая волнения, спросила:

— Тимофей Савельевич, правда это, что скоро немцы вступят в...

Она загнулась, боясь вслух произнести то, во что не верила и не хотела верить.

— Ты имеешь в виду Москву?

— Да. Немцы хвалятся, что скоро вступят в Москву...

— Врут сволочи. Не видать им нашей Москвы, как своих ослиных ушей. — Тимофей Савельевич зло бросил остаток самокрутки. — Москва была, есть и будет нашей, советской! — Несколько успокоившись, спросил Викторию: — Что еще можешь сообщить?

— На территории бывшего физико-математического факультета пединститута немцы создали трудовой лагерь для военнопленных.

— И много их там?

— Говорят, около двухсот.

Тимофей Савельевич задумался. Двести человек!

— Надо, Виктория, связаться с ними. Как это сделать — думай сама. Изучи обстановку. Тут тебе ничего подсказать не могу... Конечно, это риск... Задача твоя — хорошенько узнать о настроении военнопленных, найти среди них наиболее преданных Родине... Возможно, впоследствии удастся привести их к нам...

— Это отличная идея.

— Добре... Ты, может, голодная?

— Нет, я подкрепилась у Палеев...

— Ну, что же. Тогда возвращайся. Я дам тебе провожатого.

«НЕ ВЕРЬТЕ НЕМЦАМ, ЧТО МОСКВА ВЗЯТА!»

А Вера Замотаева уже побывала в лагере военнопленных.

— Как ты туда попала? — удивилась, узнав об этом, Виктория.

— Провела меня туда любовница коменданта Вольфа, здоровенная деваха. Военнопленные ее называют Нинкой-комендантшей. С каким наслаждением я растерзала бы эту потаскуху, но не хочу рисковать и пачкать руки об это дерьмо.

— Знаешь, Верочка, и мне в лагерь надо обязательно попасть.

— Что ты там потеряла?

— Другие потеряли, а мы должны найти...

— Чего же скрывать. Рассказывай.

И тут Виктория поведала Вере Замотаевой о задании Немченко.

Вера задумалась. Кожка на ее светлом лбу собралась в морщинки. Она понимала всю серьезность поручения, понимала, какие опасности могут встретиться на пути, и потому мысленно старалась представить каждый шаг, ведущий к цели. Наконец она заговорила:

— Думается мне, что есть верный ход. Комендант лагеря Вольф — коммерсант.

— Ну и что же из того, — не понимала Виктория.

— Это нам на руку... Офицеры немецкого гарнизона приносят Вольфу маленькие фотокарточки своих фрейлэу и киндер, а получают от него поясные портреты.

— Разве комендант художник?

— Где там,— засмеялась Вера.— Военнопленный Аптон день и ночь помогает Вольфу набивать кошелек.

— А все-таки, какое это имеет отношение к нашему делу?

— Самое прямое,— снова засмеялась Вера, сверкнув темно-синими глазами.— Вольфу нужна бумага, а ее из фатерлянда не шлют. У меня есть немного ватмана. Вот тебе и предлог для знакомства.

— Честное слово, идея недурна! — обрадовалась Виктория.— И у меня найдется несколько листов. Ведь я же редактировала факультетскую стенгазету.

Когда на следующий день Вольф вышел из лагеря, к нему подошла Вера Замотасва. Как старому знакомому улыбнулась:

— Доброе утро, господин комендант!

Вольф ответил легким кивком головы:

— Тебе что-то сказать надо? — спросил оп, видя, что Вера не отходит.

— Да, господин комендант.— Вера указала на стоящую в стороне Викторию.— Это моя подруга Вика. У нее есть бумага. А мне известно...

— Что известно? — насторожился Вольф.

— Что вам нужна бумага для художника Антона.

— Девочка, подойди,— поманил Вольф Викторию пальцем.

Виктория нерешительно шагнула вперед. Она волновалась. Впервые с глазу на глаз встречалась с живым фашистом. А этот к тому же еще был и комендантом лагеря.

— Ближе, ближе,— сказал Вольф, разглядывая худенькую девушку.

Теперь Виктория уже стояла рядом с Верой. Но та в отличие от нее, вела себя свободно и несквозливо, будто перед ней стоял не комендант лагеря, а хороший старый знакомый: — Не робей,— шепнула она Виктории.

— У тебя много бумага есть? — спросил Вольф, глядя в упор на Викторию.

— Пока вот она,— протянула Виктория аккуратно упакованную в трубку бумагу.

Вольф взял бумагу, быстро развернул ее. Глаза его жадно загорелись. И тут же неожиданно померкли. Он смотрел настороженно на Викторию:

— А почему девушка мне даст бумага? А?

— Хочет познакомиться с Антоном,— подмигнула коменданту Вера.

— Ах, понимаю. Антон красивый. Стоит много бумага давать,— сказал Вольф. Он взял Викторию за плечо: — Пошли.

От прикосновения широкой волосатой руки коменданта Виктории стало не по себе. Вольф почувствовал это и снова насторожился:

— Почему медхен боится?

— Она у нас страшная трусиха. Как мышь увидит — сама пищит,— выручила подругу Вера. — А тут как ни говорите, предстоит свидание.

— Ах, да, Антон. Свидание,— успокоился Вольф.

Виктория, волнуясь, переступила порог помещения, в котором до войны бывала не раз. Тогда здесь хозяйничал горластый, веселый студесческий парод. Теперь было тихо. Воища стояла невыносимая.

Виктория, следуя за комендантом, прошла длинный коридор и очутилась в комнате, где, низко склонившись над столом, сидел, как догадалась девушка, Антон.

— Эта медхен, Антон, имеет ватманский бумага! — сообщил довольный комендант.

Мужчина поднял усталые воспаленные глаза на Викторю.

— Что хочет медхен за бумага? Рис? Масло? — криво улыбаясь, спросил Вольф.

Комендант не сомневался, что русская девушка обрадуется такому предложению.

— Я очень люблю рисовать, господин комендант... Разрешите мне учиться у вашего художника. Бумагу я отдам вам бесплатно.

— Не хочешь рис, масло?

— Я могу еще достать бумаги,— будто не слыша его вопроса, продолжила Виктория.

Комендант заколебался. И тогда Виктория вынула из кармана листок с автопортретом.

— Посмотрите, пожалуйста.

— Это очень харашо! — отведя руку с рисунком, произнес Вольф. А сам думал совсем о другом: «Эта девушка — находка. Она будет помогать Антону рисовать портреты...» — Согласен,— сказал комендант,— только будешь носить много бумага. Антон тебя научит рисовать. Правда, Антон?

Художник молча кивнул головой.

С этого дня Виктория свободно ходила в лагерь, заводила знакомства с военнопленными. В розысках бумаги по-

могала ей Клавдия Алексеевна. Она вырывала чистые листы из академических изданий, доставала бумагу у старых своих знакомых.

Шли дни. Круг друзей Виктории в лагере расширялся. Первым стал художник Антон, за ним юрист Фабри, инженер Александр и совсем юный Андрюшка. Они были ее опорой и надеждой.

Как-то Фабри попросил Викторию:

— Достаньте, пожалуйста, книгу, в которой рассказывается об обычаях крымских татар.

— Постараюсь, Фабри...

Но прошло несколько недель, прежде чем редкая книга оказалась в руках Виктории.

Фабри обрадовался.

— Большое спасибо, сестра!

Через пару дней, повстречав Викторию в коридоре, Фабри шепнул:

— Ты должна нам помочь услышать Москву. Фашисты болтают, что Москва уже занята. И некоторые верят. Хотим своими ушами услышать, что делается на фронтах. Тебе понятно?

Фабри и не заметил, что в разговоре с девушкой перешел на «ты», а до Виктории это сразу дошло, и она очень обрадовалась: значит, военнопленные начинают ее считать своей, родной.

— Конечно, я рада вам помочь,— ответила поспешно она,— но как это сделать?

— Слушай меня внимательно,— зашептал Фабри.— В кабинете Вольфа стоит радиоприемник. Его собрал наш Александр. Приемник должен работать на нас. Это зависит от тебя, сестра...

— Но чем я могу помочь?

Фабри вынул из-под робы листок бумаги и сунул его в руку Виктории:

— Тут характеристика двух ламп, необходимых для того, чтобы приемник заработал. Нужен еще и электролит. Раздобудешь все это — услышим Москву.

— Постараюсь, Фабри! Сделаю...

Придя домой, Виктория долго думала над тем, как помочь товарищам и, наконец, решила обратиться за помощью к Коломейцеву.

Кронид Коломейцев, или Кроня, как его звали любовно товарищи, не был призван в Красную Армию по болезни. Молчаливый, угрюмый, он по-юношески нежно любил се-

роглазую Вику, радовался каждой встрече с ней. На этот раз свидание состоялось возле дома Викторин.

Был крепкий мороз. Ветер обжигал лицо, забирался за ворот, пронизывал до костей. Но Кроню согревали своим теплом серые глаза подружки, ее ласковый голос. Они сначала говорили о разном: об учебе, которая сейчас казалась далекой мечтой, о том, будет ли работать каток, вспоминали товарищей, которые где-то сейчас воюют, бьют фашистов.

— Ты не озяб, Кронечка? — заметив, как он пожимается, вдруг спросила Виктория. Кронид, уловив необычную ласку в голосе подружки, спросил:

— Ты хочешь мне сказать что-то важное?

— Да, — таинственно прошептала Виктория, поглаживая его руку. Теперь Кронид видел только ее сочные пунцовые губы. Как был бы он счастлив прикоснуться к ним, нежно поцеловать любимую. А Виктория делала вид, что не замечает этого. Она продолжала:

— У меня к тебе большая просьба.

— Какая?

— Попробайся достать две вот таких радиолампы, — Виктория протянула схему Фабри. — И электролит.

Кронид молчал. На бледных щеках появились тугие желваки.

— Что же ты молчишь? — ласково заглядывая другу в глаза, спросила Виктория.

— Страшно мне за тебя, Вика. Если узнают немцы, что ты имеешь дело с радиолампами, беда будет.

— А ты разве не рискуешь?

— Я — что?

Виктория тихонько засмеялась и нежно прижалась к Кроне.

— Так вот что, дорогой мой, за меня ты не беспокойся... А теперь пора по домам, а то небось мама тебя журить начнет, — пошутила Виктория, легонько оттолкнув от себя Крониду. И ушла.

Кронид долго смотрел ей вслед и думал, думал. «Электролит попытаюсь достать на электростанции, а радиолампы — на почте».

Работал Кронид Коломейцев на городской электростанции. Если бы кто наблюдал со стороны, то мог подумать, что работает он с жаром. Но двигатель, с которым возился, все не вступал и не вступал в строй. Наконец заработал. Однако тут же выявилось столько недостатков и неисправностей, что двигатель снова пришлось поставить на ремонт.

Немцы просто зверели, а Кронид только пожимал плечами и отвечал:

— Двигатель очень старый. Как раз перед войной хотели заменить...

Тем временем нефть «таяла», как снег под лучами весеннего солнца. Рабочие электростанции тайком использовали ее для обогрева помещения. Кронид знал, что пройдет еще немного времени и замрут машины из-за отсутствия топлива.

Немцы приносили на электростанцию аккумуляторы для зарядки. Выбрав время, когда вблизи никого не было, Кронид отлил электролит из нескольких аккумуляторов. Если бы фашисты заметили недостачу, можно было бы сказать, что из-за небрежного хранения (не на электростанции, конечно) вытекла жидкость.

Радиолампы достать было труднее. Пришлось идти во двор почты, где находился преобразователь электроэнергии. По роду своей службы Кронид не раз бывал там и видел сваленные в кучу радиоприемники. Несколько дней подряд Кронид приходил на склад, чтобы найти нужный приемник. Улучив момент, вытащил из него лампы и спрятал. Но потребовалось еще около недели, пока удалось вынести их и передать Виктории.

— Большое тебе спасибо, Кроня. Я горжусь тобой, — сказала Виктория.

— Гордиться надо теми, кто сейчас на фронте, — вздохнул Кронид. — А я — кто? Ноль без палочки.

...И вот для трех военнопленных — Антона, Фабри и Александра — наступил волнующий момент. В ночь, когда комендант был у своей любовницы, замигал голубой глазок радиоприемника и в комнату ворвался голос Левитапа. Диктор читал статью о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

На дворе мела поземка. В комнате было холодно. По трое худых, давно не бритых русских парней не ощущали этого. Низко склонясь над приемником, с волнением слушали они радостную весть. Не в силах сдержать своих чувств, обнявшись, они скупно, по-мужски плакали. То были слезы пострадавших детей, услышавших наконец голос любимой матери-Родины: «Крепитесь, сыны мои!»

— На первый раз хватит, — Александр решительно выключил приемник, вынул лампы, разъединил проводки. На цыпочках парни покинули кабинет коменданта.

Утром Виктория по лицу Фабри поняла — произошло что-то особенное, а он, не дожидаясь вопросов, торопливо начал пересказывать ей услышанное ночью.

...Когда Кронид повстречался с Викторией, она куда-то спешила.

— Что случилось? — встревоженно спросил он.

— Милый Кронечка! — Виктория впервые поцеловала его. — Наши разгромили немцев под Москвой! А сейчас я очень тороплюсь.

— К Хабловым?

— Тебе откуда известно?

— Да уж известно, — улыбнулся Кронид. — Только прошу, будь осторожна...

Это было вечером. А утром, проходя по Сенному базару, Кронид увидел написанную каллиграфическим почерком листовку, которая была приклеена к воротам помещения, где до войны стояли большие весы.

Только приблизился к листовке, как несколько человек, читавших ее, в страхе шарахнулись в стороны. Кронид прочитал:

«Дорогие товарищи!

Не верьте немцам, что Москва взята! Наши доблестные войска разгромили фашистов под Москвой. Гитлеровцы в панике бегут, неся огромные потери.

Смерть немецким оккупантам!».

Крониду почудилось, что кто-то коснулся его плеча. Он вздрогнул, резко обернулся, но площадь была безлюдна.

В тот же день в другом месте такую же листовку увидела Клавдия Алексеевна. Увидела и едва не лишилась чувств. Опа, старая учительница, узнала почерк своей ученицы, хотя та и старалась его изменить.

«Какая неосторожность, — прошептала она и заторопилась домой. — Девчонка! Так и на виселицу недолго угодить».

— Ты с ума сошла! — набросилась Клавдия Алексеевна дома на Викторию. — Разве так можно? Ты сама себе можешь вынести смертный приговор!.. Надо писать только печатными буквами и каждую листовку по-иному...

С тех пор листовки, появляющиеся на улицах города, писались только печатными буквами. Сочинялись они в комнате учительницы русского языка и литературы Клавдии Алексеевны Чернышовой.

Было еще одно место в городе, где писались листовки, вызывающие бессильный гнев фашистов — дом страстного

охотника Алексея Арсентьевича Хаблова. Стоял этот старый кирпичный дом на улице Красной. Большие и малые комнаты его, заполненные полками с тучелами зверей и птиц, напоминали уголок живой природы.

Сам Алексей Арсентьевич в то время был на фронте, а дома оставались его жена Мария Михайловна и ее верный друг — собака Джек. Пес очень скучал по хозяину и целыми днями поджидал его на крыльце, положив лохматую голову на лапы.

Однажды в калитку кто-то громко и требовательно постучал. Мария Михайловна не отозвалась. Стук усилился. Залаял Джек. Дрожащими руками женщина отодвинула засов, открыв калитку. Прямо на нее двинулся рыжий немец.

— Матка, яйца, — потребовал он.

— Да где же я тебе возьму? Сами голодаем, — отступая к крыльцу, повторяла испуганная женщина.

Но немец не отставал. Он настиг Марию Михайловну и схватил ее за руку.

— Ой! — вскрикнула Хаблова от боли.

Немец тут же отпустил женщину и закричал. Это на него набросился Джек.

Раздался выстрел, и собака, жалобно заскулив, упала к ногам своей хозяйки. А изрядно помятый фашист быстро побежал к калитке, все время оглядываясь на лежащего Джека.

Вскоре после этого случая у Марии Михайловны поселилась ее сестра — Елена Михайловна Болдырева. Виктория была хорошо знакома с ней.

Теперь в одной из комнатухек особняка Хабловых Виктория писала листовки, а сестры посменно стояли на страже, готовые в любую минуту предупредить Викторию о приближающейся опасности.

Я ДОЛЖНА ОТОМСТИТЬ

Январское утро наступает поздно. Часы показывают восемь, а на дворе еще темно. Сегодня Виктория плохо спала, то и дело просыпаясь от стука ставней и шума порывистого ветра. Лишь к утру пришел сон. Но вповь стукнули неприкрытые ставни, и Виктория подскочила, как ужасенная. Почудилось, что кто-то стреляет.

«Неужели продолжается?» — подумала она, вспомнив вчерашний день.

«Людей на морозе заставляли раздеваться догола. Потом толкали в ямы и расстреливали женщин... детишек... стариков. Я думала, умру с горя», — Виктории до сих пор слышались слова Клавдии Алексеевны.

На кухне возился Максим Прокофьевич. Весело трещали сухие сосновые дрова в печи. Пел самовар. А вскоре раздался голос отца.

— Вика, вставать пора! Самовар готов.

Виктория с трудом приподнялась. На сердце было тяжело. Хотелось, как в детстве после незаслуженного наказания, забиться в угол и реветь, но так, чтобы — боже упаси — никто не видел.

«Всех расстреляли. Ни стариков, ни детей, даже грудных не пощадили», — не покидали Викторию жуткие слова. «А за что? За то, что у них неарийская кровь? Но разве можно делить людей по крови или цвету кожи? Есть люди хорошие и плохие, честные и подлецы. При чем же тут кровь?».

Одевшись, Виктория подошла к столу, над которым много лет подряд висел отрывной календарь. Теперь там был прибит отпечатанный в местной типографии численник на 1942 год. Он представлял собой лист ученической тетради, разграфленный на двенадцать квадратов. В каждом крупные цифры. Красным цветом помечены воскресные и дни религиозных праздников.

Виктория с детства привыкла перед сном срывать листок с календаря. Своей привычке осталась она верна и сейчас. Только теперь не отрывала листок, а зачеркивала число прошедшего дня.

Но вчера вечером Виктория была так расстроена, что забыла сделать пометку на календаре. И теперь, зачеркивая цифру «18» в квадрате, над которым значилось «Январь», подумала: «Надо запомнить это число, чтобы потом сполна рассчитаться за все то, что принесли нам изверги».

Потом Виктория отпила несколько глотков чая и направилась к вешалке.

— Лучше сегодня никуда не ходить, — остановила ее Клавдия Алексеевна. — Вспомню, как вчера их вели, — волосы дыбом становятся.

— Клавдия Алексеевна, вы же мне сказали, что ничего не видели?

— Не хотела тебя огорчать. А вообще, Вика, лучше бы мои глаза того не видели.

— Где же вы все-таки были?

— На Кузнечной улице, когда их, как скот, гнали к станции. Прикладами подгоняли отставших стариков, детей, больных.

— Варвары! А еще считают себя сверхчеловеками! Нет, дорогая Клавдия Алексеевна, вы меня не удержите...

Виктория вышла из дому. Поднимая хлопья снега, в лицо дул холодный северный ветер. Трещали столбы от мороза.

— Вика! — вдруг донеслось до Виктории, когда она перешла мост через озеро.

Виктория вздрогнула: «Как будто голос Идочки Гольдфарб? Но ведь их всех вчера расстреляли... Не иначе с ума схожу», — встревожилась Виктория.

— Вика!.. Это я — Ида, — вновь послышался голос, и в щели забора, между двумя досками, появилось худенькое личико.

Виктория подбежала к забору.

— Вика, — заплакала девочка, припадая к ней всем телом. — Лучше бы и меня с ними...

— Что ты, родная...

— Вика дорогая, — не успокаивалась девочка. — Ты обязательно расскажи всем, какие это звери...

— Обязательно, милая Идочка, — успокаивала девочку Виктория, сама готовая вот-вот разрыдаться. — Где ты сейчас живешь?

— Дома. Ночевала на чердаке. Там возле трубы еще чуточку тепло. И киска наша пушистая со мной была. Такая теплая.

Только теперь Виктория заметила, что Идочка в летних тапочках: — Скорее пойдем в дом, — затронула она. — Ведь замерзнешь...

— Не хочу я, Вика, больше жить, — отчаянно зарыдала девочка, когда они очутились в доме. — Даже мамочка от меня отказалась.

— Как отказалась?!

— Когда ее вели к яме, я закричала: «Мамочка, и я с тобой!» А она мне ответила: «Вон, паршивая! Какая я тебе мама?» И полицейский отбросил меня. — Ты же православная, — сказал он. — Чего, дуреха, с ними лезешь?

— Милая моя, хорошая, — обнимая Идочку, сказала Виктория. — Ты ведь умная девочка. Пойми, что мама так говорила, чтобы тебя спасти.

— Бедная моя мамочка, — еще сильнее зарыдала девочка.

— Мама твоя героиня. И потому так поступила... Надо придумать, что сделать с тобой...

— Оставь меня, Вика,— вытирая слезы, проронила Идочка.— Уходи, пока немцы сюда еще не пришли.

— Я тебя оставлю, но только ненадолго. Не боишься еще немного посидеть на чердаке?

— Мне теперь уже ничего не страшно.

— Умница. Тогда жди меня...

«Вместе с Верой обмозгуем, как помочь девочке»,— уходя решила Виктория.

Веру Замотаеву как будто кто-то подменил. Под глазами синева, лицо побледнело.

— Ты что больна? На тебе лица нет! — забеспокоилась Виктория.

— Ты лучше на себя взгляни.

— После вчерашнего и поседеть немудрено.

— Знаю,— чуть слышно проговорила Замотаева.— Ну, что у тебя?

— Очень важное дело. Одной девочке удалось спастись от расстрела.

— Где она сейчас?

— Сидит дома на чердаке. Как бы ей помочь? Я думала отвести ее в Карповичи, но сама знаешь, что сейчас это невозможно.

— Зачем в Карповичи? Я уведу ее в Рыловичи к тете. Там ей будет безопаснее.

— Хорошо, что я к тебе пришла... Но девочка полураздетая. Эти звери почти все с нее стащили. А у меня ничего подходящего нет.

— Я поищу,— заторопилась Вера Замотаева. Она вытащила из сундука платье, жакет.— Подойдет?

— Великовато, но сойдет.

— Бери и веди ее сюда.

— Но ведь она тебя совсем не знает.

— А ты меня или я тебя раньше знала? Сойдемся и с ней. Дети меня, кажется, любят.

— Верно, любят,— улыбнулась Виктория.

— Тоже влюбилась? — засмеялась Вера.— Давай мне пистолет, которым хвалилась. Черт его знает, а вдруг в пути гад попадется.

— Только не дури...

— Дурить не собираюсь, а понадобится — угроблю... Через часок, не позже, жду...

В опустевшем Идином доме стояла мертвая тишина. Ед-

а Виктория поднялась на чердак, как девочка нырнула в ёмный угол.

— Это я, Вика. На вот, одевайся,— ласково сказала Виктория.

Когда девочка надела на себя принесенные вещи, Виктория осмотрела ее со всех сторон:

— Ты прямо неузнаваемая. Помпи, зовут тебя с этой пипуты Таней. Не ошибись... Ну, пошли...

— Куда?

— К одной хорошей моей знакомой. Очень хорошей. Она отведет тебя в безопасное место.

Вера уже ждала их.

— Пришли наконец. Не озябли? А ну давай ручки.— Она стала дуть на худенькие ручки Идочки.— А ноги не озябли?

— Мне хорошо,— вздохнула Идочка.— Большое вам спасибо!

— Перекуси,— пододвинула Вера к девочке картошку. И глядя, как та жадно начала есть, отвернулась, чтобы скрыть волнение.

Екатерина Ануфриевна, лежа в постели, все видела, но ни слова не проронила. Она уже давно смирилась с мыслью, что дочери перечить бесполезно. И если Вера что-либо решила, то ничто ее не остановит, никто не отговорит. Так было уже, когда она задумала поступить в Ростовское мореходное училище. Екатерина Ануфриевна доказывала, что не женское дело — море. Вера настояла на своем. Если бы не война, была бы уже на третьем курсе. И сейчас, видя, что Вера куда-то собирается с незнакомой девочкой, не стала ей перечить Екатерина Ануфриевна, а только спросила:

— Надолго, доченька?

— Скоро вернусь, мама.

— Прощай, Идочка,— крепко обняла девочку Виктория.

За окраиной города потянулось огромное снежное поле. По нему в сторону Рылович убегала санная дорога. Из-за пригорка выпрыгнули сани.

Вера насторожилась. Поровнявшись, сани остановились. На них сидел толстомордый пьяный полицейский и какая-то старая женщина.

— Куда идете? Пропуск! — заорал полицейский.

— В Рыловичи идем. Там живет наша тетя, зимовать будем,— обнимая за плечи Идочку, как можно спокойнее ответила Вера.— Сестры мы.

— Гм...— хмыкнул полицейский и уже поднял кнут, чтобы хлестнуть лошадь, как вдруг с саней проскрипел старческий голос:

— А ты куда, Ида?

Сердце у Веры захолонуло.

— Ида? Постой-ка...— Полицейский подбежал к Вере, схватил ее и потащил к саням.— Жидовка?

— Да что вы, дяденька! Вот посмотрите,— и Вера сунула полицейскому под самый нос свой паспорт.

— Замотаева Вера Егоровна,— вслух прочитал полицейский.— Так... Значит ты — Ида! — схватил он девочку, которая испуганно жалась к Вере.

— Что вы выдумываете? Это моя младшая сестренка. Ей паспорт, как знаете, еще не положен,— заслоняя собой девочку, доказывала Вера Замотаева.

— Нечего басни сказывать,—фыркнул полицейский.— По лицу вижу, кто это.— Полицай изо всей силы ударил Идочку в висок.

— Убили! — завопила старуха, увидя, как девочка, точно подкошенная, свалилась на снег.

— И ты с ней, ведьма?! — зло процедил полицай и разрядил в старуху парабеллум.

Выстрел вывел Веру из оцепенения.

«Ну, гад, не уйдешь!»

Полицай направился к саням и уже готовился поудобнее сесть в них, как грянул выстрел. Служака вскрикнул и замертво упал.

«Что же делать дальше? — старалась быстро сообразить Вера.— Надо торопиться, пока никто не появился на дороге. Но куда деть убитого полицая, спрятать Иду?»

Вере показалось, что у девочки обморок. Она нагнулась, чтобы поднять ее и вздрогнула. Безжизненно смотрели серые детские глазенки в хмурое зимнее небо, а на белом как снег виске застыл красный ручеек.

Вера подняла бездыханное маленькое тело, донесла до саней, аккуратно положила рядом с убитой старухой. С трудом взвалила на сани и отяжелевшее тело полицая.

«Куда ехать? В город? Это невозможно. В Рыловичи? Оживленная дорога. Ехать надо в Дубровку»,— твердо решила Вера.

Освободила вожжи из-под ног лошади и быстро погнала ее по оказавшейся рядом малонаезженной, но хорошо

знакомой Вере дороге. В этих местах она любила кататься на лыжах.

Когда до Дубровки оставалось немногим более километра, Вера остановила лошадь. В овраге, примыкавшем к дороге, лежала вырванная с корнем старая сосна. Туда, напрягая силы, и оттащила Вера тело полицая.

Вернувшись к саням, старательно прикрыла тела девочки и старухи сеном, и лошадь погнала дальше. Прошла немного рядом, а затем хлестнула ее, переводя на рысь.

Сани быстро удалялись. А Вера, глядя вслед, думала: «Прости, девочка, что не поехала с тобой. Не могла, потому что должна отомстить за тебя, за старуху, за всех невиновых, принявших мученическую смерть от проклятых фашистов.

В Дубровке, девочка, люди добрые, наши русские, советские. Они похоронят по-человечески. А придет день, и мы над могилой твоей воздвигнем памятник. И вечно будут у его подножия цветы».

ФОГЕЛЬ НЕДОВОЛЕН

Февральским днем тысяча девятьсот сорок второго года по Новозыбкову разнесся слух: в районе села Катичи высадился десант советских солдат. Они перебили фашистский гарнизон, захватили большие трофеи и ушли в лес.

В этом слухе была доля правды. Но только доля. Как выяснилось много дней спустя, дело обстояло так. Группа новозыбковских партизан под руководством Михаила Левченко после налета на фашистов в районе Накота передислоцировалась во Впукровский лес. В глубине лесного массива, опоясанного болотами, партизаны вырыли землянку, тщательно замаскировали ее от постороннего глаза.

На первых порах в землянке находились Михаил Алексеевич Левченко, Григорий Иванович Шендрик, Павел Михайлович Василевский, Анатолий Игнатьевич Шаминько. В сентябре сюда пришел Георгий Иванович Гордеев. До этого он находился в Орле, где сдавал документы Новозыбковской партийной организации. Предлагали Гордееву должность заведующего земельным отделом в районном центре Задонске. Но Георгий Иванович воспринял это с обидой: «Мое место там, где сейчас находятся оставленные Новозыбковским райкомом товарищи для борьбы с фашистами на оккупированной земле. Я хорошо знаю по-

возыбковские леса, людей в район. Там больше пользы принесу».

Гордеско — партизану еще времен гражданской войны — разрешили вернуться на оккупированную территорию. Заручившись документом кулака, репрессированного Советской властью, Георгий Иванович отправился через линию фронта. Немцы его задержали, учинили допрос и, не получив никаких сведений, решили расстрелять как шпиона. Георгия Ивановича заставили рыть себе могилу. А он в последний момент убил немецкого солдата и убежал. Группу Михаила Левченко бывалый партизан отыскал относительно быстро, потому что примерно знал ее месторасположение.

Потом в партизанскую землянку пришли старший механик Новозыбковской МТС Яков Ефимович Музыченко, старший агроном МТС Сергей Филатович Атрошенко, колхозник из села Старая Рудня Илья Алексеевич Ребенок.

В январе тысяча девятьсот сорок второго года в этот отряд новозыбковских партизан, который называли именем Щорса, влились жители села Халеевичи Иван Приходько и Андрей Приходько. А в конце того же месяца в партизанской землянке появились еще двое: Давид Резников и Фаня Дворкина. Бежав из-под расстрела, они укрылись у крестьян села Верещаки. Немцам стало известно это. Они арестовали ни в чем не повинных людей и направили их под охраной полицая в Новозыбковскую тюрьму, чтобы после пыток расстрелять.

Осуществить фашистам чудовищный замысел помешали партизаны. Они напали на стражу, уничтожили ее, а Давида Резникова и Фаню Дворкину привели в лес, в дружную партизанскую семью.

Первое время партизаны наносили малочувствительные удары по врагу — мешали глубокие снега, на которых оставались четкие следы. В оголенных лиственных лесах зимой было трудно укрываться. Да и опыта достаточного еще не было. А рисковать без острой необходимости было бы просто неразумно. И так, может быть, продолжалось бы, пока не схлынуло внешнее половодье и деревья не покрылись зеленым нарядом. Но одно событие заставило партизан из отряда имени Щорса приступить к действиям незамедлительно. Партизан Илья Ребенок пошел в ближайшую деревню за табаком и попал в лапы фашистов. Надо было любой ценой освободить Ребенка и сделать это быстро, пока его не увезли в гестапо.

Разработали план освобождения Ребенка. Возглавить операцию поручили командиру партизанского отряда имени Щорса Михаилу Левченко и комиссару Георгию Гордеенко. Они взяли с собой группу партизан и к рассвету были у села Катичи, где, как установила разведка, в здании клуба под арестом находился Илья Ребенок. Несколько человек стали у домов, где ночевали фашисты. Яков Музыченко залег с пулеметом вблизи клуба. А Левченко, Атрошенко и Гордеенко подошли к самому зданию клуба. С ними был полицай, который тайно держал связь с партизанами. Полицай постучал в дверь клуба.

— Кто? — настороженно спросил кто-то из-за двери.

— Свои! — ответил полицай, называя себя.

Кто-то немного помешкал, возясь с внутренним замком. Наконец дверь открылась.

— Захо... — только и успел сказать гитлеровец. Его быстро обезоружили.

Началась возня в соседней комнате. То Ребенок, навалившись на второго фашиста, охранявшего его, пытался вырвать винтовку. Грянул выстрел, и пуля едва не задела убежавшего Георгия Гордеенко. Подоспели Левченко и Атрошенко, расправились и с этим фашистом.

Услышав стрельбу, гитлеровцы стали выскакивать из домов. По меткий пулеметный огонь настигал их. Воспользовавшись сумятицей, партизаны вместе с Ильей Ребенком и богатыми трофеями ушли в лес. В тот же день они передислоцировались в другое место.

А по округе тем временем разнесся слух о десанте советских войск, высадившихся в районе села Катичи...

К лету тысяча девятьсот сорок второго года партизанские отряды под руководством Левченко, Чернобаева и Зайцева, действующие на территории Новозыбковского и смежных с ним районов, стали заметно беспокоить врага. Все чаще и чаще в ночи раздавались взрывы, появлялись всплески огня, озаряя горизонт. Взлетали искореженные рельсы, валились под откос железнодорожные эшелоны с горючим, боеприпасами и живой силой противника.

Гитлеровцы исполошились. И гнев свой обрушили на мирное население.

Рано утром, 13 мая 1942 года, фашисты, прибывшие из Новозыбкова, окружили село Внуковичи, родину командира партизанского отряда имени Щорса Михаила Левченко и командира Злынковского партизанского отряда Кузь-

мы Зайцева. К зданию, где раньше находился сельский Совет, согнали родных и родственников партизан.

— Если укажете, где ваши мужья и сыновья, мы вас отпустим, — крикнул, обращаясь к толпе женщин, детей и стариков, немец.

Толпа молчала.

— Тогда пеняйте на себя, — заорал фашист. Выхватывая у матерей грудных детей, он и полицейские стали кидать младенцев на подводы. Затем под охраной фашистов с собаками, крестьян погнали в город. Молча двигалась толпа по пыльной дороге. Впереди, гордо неся красивую голову, шла Ульяна Левченко — жена командира партизанского отряда. «Хорошо, что сынок Сережка успел убежать», — подумала она, глядя на Ольгу Зайцеву — жену партизанского связного Ивана Зайцева. Ольга держала за руку четырехлетнего Сашу, то и дело оглядываясь: позади шла десятилетняя дочурка Маня.

В толпе была семидесятипятилетняя Елизавета Евтеховна Зайцева — мать командира Злынковского партизанского отряда Кузьмы Зайцева и связного Ивана Зайцева. Она опиралась на плечо соседки Анны Приходько, старалась не отстать.

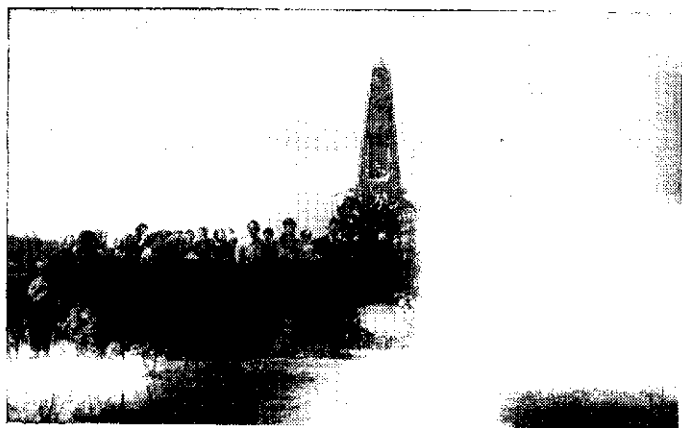
Если бы вблизи находился партизанский отряд Михаила Левченко! Но на беду за два дня до этого он ушел из близлежащего леса. И сейчас некому было заступиться за партизанские семьи.

В Новозыбкове их не оставили, погнали дальше, в Клинцы. Здесь 30 мая в пригородном лесу фашисты зверски расправились с семьями партизан. Они не пощадили ни младенцев, ни глубоких стариков. Все были расстреляны и зарыты в общем рву, на том месте, где сейчас возвышается обелиск с высеченными на нем именами зверски замученных людей.

И как бы ответом на это последовал взрыв вражеского эшелона на участке железнодорожного пути Новозыбков — Клинцы. За ним полетел под откос эшелон возле разъезда Святец. Немцы потеряли много убитых и раненых. Было уничтожено большое количество боеприпасов.

В Новозыбков прибыл карательный отряд.

Незадолго перед этим напомнил о себе Немченко. Он прислал к Викторине связного. А тот уведомил Викторину, что временно в Карповичи ходить не следует и что она должна связаться с партизанами, которые базируются в

Памятник жертвам фашизма, жителям Внукович.

Софиевских лесах, вблизи населенного пункта Паломы. Были сообщены пароль и явки.

Виктория установила новую связь. Теперь она ходила в Софиевские леса, доставляя партизанам табак, хлеб, обувь, отремонтированную отцом. А когда в город прибыли каратели, Виктории поручили выяснить их силы, постараться добыть сведения об их ближайших намерениях.

На сей раз помощником Виктории Кореневой стала соседка по квартире шестнадцатилетняя Нина Новиченко. Она работала уборщицей в кабинете врача карательного отряда Фогеля.

— Ниночка, — обратилась однажды Виктория к девушке, — узнай, пожалуйста, не сможет ли доктор Фогель принять меня. Страдаю желудком.

— А здесь у тебя уже закипело? — Нина показала на кончик носа Виктории, где виднелось красноватое пятно.

— Как видишь.

Несколько недель назад Виктория получила повестку из городской управы. Предстояло пройти врачебную комиссию, которая направляла на работу. А это не входило в планы Виктории. Что предпринять? Виктория раздобыла мазь, добавила в нее немного сулемы, вымазала руки, ноги, часть лица. К утру все смазанные места покрылись волдырями. Особенно выделялся волдырь, расположившийся на самом кончике носа. В таком виде Виктория появилась на бирже труда. Ее временно освободили от работы.

Хотя с той поры прошло несколько недель, тело все еще ныло от ожогов. Мысль пробраться к Фогелю под видом больной, нуждающейся во врачебной помощи, и посмотреть лагерь карателей, казалась ей единственно верной.

— Как ты думаешь, Ниночка, согласится Фогель меня лечить? — спросила Виктория.

— Сразу ответить не могу. Но постараюсь выяснить. Только на третий день Нина сообщила:

— Завтра Фогель придет к тебе на квартиру. Он интересуется музыкой, а я сказала, что у вас есть фисгармония.

— Спасибо.

Фогель появился в квартире Кореневых, сопровождаемый Ниной. Виктория радушно его встретила, пододвинула стул. Но Фогель, казалось, не замечает этого. Он не отводил взгляда от фисгармонии. В семье Кореневых этот музыкальный инструмент — фамильная гордость.

— О! — воскликнул Фогель. — Можно поиграть немного?

— Конечно... Пожалуйста.

Немец подошел к инструменту, поднял крышку, уселся поудобней, потрогал клавиши, и загромел бравурный военный марш. Казалось, что прямо по клавишам зашагали гитлеровские полчища.

Марш оборвался неожиданно. Фогель встал и подошел к фотографии, висевшей на стене.

— Что это есть?

— Это Москва. Улица Горького.

— Москва — большой город. Но Берлин больше, — сказал с подъемом Фогель. — Берлин скоро будет столицей мира.

«Ну, этому никогда не бывать», — подумала Виктория. Она поморщилась.

— Что, девушка не хочет этого? — насторожился Фогель.

— Ой, живот болит, — продолжая морщиться, застонала Виктория, схватившись за живот. Это не было выдумкой. В последние дни желудок что-то часто напоминал Виктории о себе.

— Вы больны. Я могу вылечить. Я имею хорошие пилюли. Приходи с ней, — Фогель указал на Ниночку.

— Спасибо, — поблагодарила Виктория. И на минутку удалившись на кухню, вынесла оттуда корзиночку с яйцами. — Возьмите, пожалуйста, господин доктор.

Глаза Фогеля масляно заблестели. Он торопливо схватил корзиночку и, не прощаясь, двинулся к выходу. Уже из-за двери немец крикнул:

— Жду завтра утром.

— Чтоб тебя разорвало, — ворчал Максим Прокофьевич на немца.

Утром Виктория вместе с Ниной подошли к калитке двора, в котором расположился карательный отряд, но часовой грозно крикнул:

— Цурюк! Назад!

— Она со мной, — пояснила Нина, которую здесь все хорошо знали. — Это — Виктория, моя подруга. К доктору идем.

— Документ?

Виктория показала паспорт.

— Проходи!..

Справа во дворе, куда вошли девушки, находилось приземистое длинное здание.

— Там штаб, — шепнула Нина. — А нам надо воп туда, — и повела спутницу к небольшому флигелю.

Во дворе стояли грузовики, накрытые брезентом. Возле них — каратели. Человек пятьдесят или шестьдесят.

Фогель заранее подготовил для Виктории пилюли. Не успела она войти в его кабинет, как услышала:

— Пилюли очень, как это называется... горькие. Нужно глотать сразу. Здесь не задерживайся!

Пять дней ходила Виктория к Фогелю, получала у него пилюли, глотала их и тут же уходила. За это время Виктории удалось установить, что в лагере десять грузовиков, а всех карателей около сотни. «Что замышляют они? Сегодня надо как-то узнать. Обязательно!» — думала Виктория, переступая на шестой день порог кабинета Фогеля.

На сей раз врач встретил ее сурово:

— Приема нет! Прочь, — приказал он.

— А завтра?

— Завтра тоже нет...

— Послезавтра?

— Послезавтра, — буркнул, несколько смягчившись, Фогель. — Вск! Шнель! Бистро!

Виктория заметила, что сегодня во дворе было более оживленно: солдаты проверяли оружие, шоферы возились у машин. «Он сказал, что я могу прийти послезавтра, — рассуждала Виктория. — Значит, каратели выступают против партизан завтра».

Дома, даже не перекусив, она положила в кошелку сапоги, отремонтированные отцом, и носки. Если немцы ее остановят, то можно объяснить, что идет в деревню выменять на сапоги и носки каких-нибудь продуктов. Знакомая лесная тропинка показалась в этот день почему-то длинной. Виктория спешила, волновалась, боялась, что не успеет вовремя доставить донесение.

— Так говоришь, они собираются нас навестить завтра? — внимательно выслушав Викторию, переспросил высокий, плечистый партизанский командир, которого товарищи называли Батей.

— Думаю, что так.

— Что ж, встретим как полагается... — без колебания заявил Батя. Потом добавил: — Спасибо за сообщение. Радые мы тебе, но задерживать не имеем права. К вечеру ты должна быть в городе.

Уже вечерело, когда Виктория с кошелкой грибов пришла в город. Грибы по распоряжению командира насобирали двое молодых партизан. Они и проводили девушку почти до самой опушки леса.

Через день Виктория снова отправилась к Фогелю. Он был чем-то расстроен.

— Больше приема нет.

— Господин доктор, разрешите...

Фогель вытаращил глаза и, затонав погами, закричал:

— Воп!

Виктория поспешно покинула штабной двор, боясь, что разгневанный Фогель прикажет ее задержать. Но никто не обратил на нее внимания. Во дворе было тихо, безлюдно.

Через несколько дней неутомимая «летучая почта» донесла до Виктории весть, что партизаны хорошо потрепали карателей.

ОПЕРАЦИЯ «СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЮ!»

Чем активнее действовали партизаны и подпольщики, тем яростнее лютовал пачальник новозыбковской полиции Корсаков. Казалось, что в некогда тихого, неприметного инкассатора городского банка вселился бес. Создавалось впечатление, что Корсаков специально искал повода, чтобы придрататься к человеку, поиздеваться над беззащитным, продемонстрировать свою власть. А перед комендантом

Бергером ходил па задних лапках, с раскрытым ртом выслушивал каждое замечание и ревностно выполнял любое задание немецких властей.

В городской управе Корсаков признавал только бургомистра Немцева. Знал он его с довоенных времен, когда вечера просиживали за картами. Связывала их еще большая денежная афера, которая провалилась лишь благодаря бдительности бывшего заведующего продмагом при станции Новозыбков Пантелея Калиповича Бабенко.

Партизаны одного из Новозыбковских отрядов знали, что мать их командира Н. С. Чернобаева, восьмидесятилетнюю Александру Дмитриевну казнили по указке Корсакова. Начальник полиции лично ее допрашивал. «Кто твой сын?» — спросил он старую женщину, на что Александра Дмитриевна, не задумываясь, ответила: «Мой сын самый лучший, самый честный человек».

На совести Корсакова был расстрел сотен стариков, женщин и детей в Карховском лесу. Некоторых из них он хорошо знал, встречался с ними в бапке. Он приказал отправить в Гомель несколько десятков человек, заподозренных в связях с партизанами. А что такое гомельская тюрьма, хорошо знали в Новозыбкове. Редко кто из нее возвращался. Если и выходил, то полным инвалидом.

Командование партизанского отряда заочно вынесло Корсакову смертный приговор. Но одно дело вынести приговор, другое — привести его в исполнение. И вот появился план операции под кодовым названием «Смерть предателю». Срок приведения приговора в исполнение был указан ориентировочно, а исполнитель определен точно. Предателю предстояло умереть от рук своих хозяев — немецких оккупантов. Для этого командир Новозыбковского партизанского отряда Николай Степанович Чернобаев и комиссар Михаил Георгиевич Ющук разработали подробный план.

Прежде всего предстояло схватить «языка». Помог слушай. Однажды, возвращаясь с разведки, Михаил Ющук на пляху Новозыбков — Климов увидел группу русских, которые копали большую яму. Они рассказали, что яма предназначена для расстрела не угодных немцам людей, что роют ее по заданию какого-то немецкого офицера. Он отлучился до вечера, предупредив, что если люди вздумают бежать, то их семьи в Климове будут немедленно расстреляны.

Ющук попросил людей никому не говорить о встрече, а сам помчался в свой отряд. Надо было быстро возвратиться на шлях, устроить засаду и взять «языка», которому в задуманной операции «Смерть предателю» отводилась большая роль.

Вскоре комиссар отряда с группой партизан были уже у дороги Новозыбков — Климов. Они попросили климовских людей укрыться в придорожных кустах, а сами заняли их места в уже хотя и не особенно глубокой, но длинной яме.

...Подъехала грузовая машина. Сначала из кузова соскочили два вооруженных полицаи. Потом открылись дверцы кабины, из которой вышли рослый офицер и среднего роста шофер-немец.

— Ну, как... — начал было офицер, но его прервал строгий приказ: «Руки вверх! Ни с места!»

Офицер потянулся к автомату и тут же замертво упал, сраженный меткой партизанской пулей. Шофер поспешил поднять руки.

Полицаев партизаны отпустили, посоветовав, пока не поздно, бросить предательскую службу, делом искупить вину перед Родиной. Началом тому было задание: доставить в Климов невредимыми людей, согнанных на рытье ямы, и сообщить полиции о всем том, что произошло на дороге Новозыбков — Климов. А шоферу завязали глаза и повели в партизанский отряд.

Пленный, как оказалось, говорил неплохо по-русски. При первом допросе он охотно рассказал, что зовут его Вальтер, недавно исполнилось двадцать шесть лет и служит он шофером при комендатуре.

— Я ненавижу фашизм, — клялся он, подобострастно глядя то на Чернобаева, то на Ющука. — Я был социал-демократом и не хочу воевать с вашей страной. Готов выполнить любое задание, чтобы доказать...

— Уведите, — не дослушав до конца немца, приказал Чернобаев.

Вальтера поместили в небольшой землянке, где было сыро и пахло прелой соломой. Выбрав место посуше, он устроился там и стал уже засыпать, когда у входа в землянку послышалась возня. Кто-то повторял: «Только не расстреливайте. Я не виноват, я все расскажу». А бас ему отвечал: «Ишь, прихвостень фашистский. Еще оправдывается. Ну, живее ступай...»

Вслед затем в землянку втолкнули среднего роста, су-
хощавого парня. Он молча уселся рядом с Вальтером.
Первым заговорил Вальтер:

— Кто ты есть такой?

Незнакомец быстро отодвинулся.

— А ты кто? — спросил он после долгого молчания.

— Я шофер.

— А я переводчик.

— За что сюда попал?

— Сам не знаю...

Прошло несколько дней после этого разговора, а Валь-
теру казалось, что он уже все знает о соседе: он из пошо-
вичей, зовется Феофаном. Хорошо учил в школе немец-
кий язык. И теперь это пригодилось. Его взяли перевод-
чиком в комендатуру.

Однажды после очередного допроса Феофан вернулся,
едва волооча ноги. На вопрос Вальтера, не били ли его,
Феофан ответил, что, наоборот, с ним были весьма вежли-
вы. Расстроен же потому, что узнал потрясающую его но-
вость. Человек, которого знал, как верного сторонника но-
вого порядка, пачальник полиции Корсаков, оказывается,
имеет связь с партизанами.

— Как ты это определил? — заинтересовался Вальтер.

— На то у меня есть веские факты, — ответил Феофан.
Отвернувшись, он замолчал. И как ни старался Вальтер
возобновить разговор, ничего не получилось. Феофан упор-
но молчал.

Разговор этот произошел вечером, а утром Феофана
увели из землянки. «Прощай», — сказал он упавшим голо-
сом и, согнувшись, вышел. Раздались два выстрела. Вслед
им партизан, охраняющий землянку, громко воскликнул:
«Предателю туда и дорога!» Ему кто-то ответил: «А Кор-
сакову нашему — слава!»

«Надо же такому быть, — услышав возгласы у землян-
ки, подумал Вальтер. — Можно сказать под самым носом у
немецкой комендатуры действует партизанский агент. По-
стараюсь все сделать, чтобы его обезвредить. Но для этого
прежде всего надо завоевать доверие партизан». Что это
уже отчасти удалось, Вальтер подумал в тот день, когда
ему разрешили свободно ходить по территории партизан-
ского лагеря. «Рус хорошо! Гитлер канут», — повторял он,
добродушно улыбаясь партизанам. Сам же при этом рас-
суждал: «Пусть думают, что я антифашист. Мне бы только
вырваться отсюда».

Вальтера предупредили: вокруг все заминировано. Поэтому уходить за территорию лагеря не следует, и он этого придерживался. Не только потому, что хотел жить, а еще оттого, что надеялся больше узнать о поведении Корсакова.

И кажется, ему это удалось. Когда во время очередной прогулки Вальтер проходил мимо трех парней, до него доносилось: «Наш Корсаков в большой опасности. Надо его...» Хотел Вальтер остановиться, чтобы до конца послушать разговор. Но почудилось ему, что один из партизан слишком подозрительно посмотрел в его сторону. Вальтер ускориł шаг. Не мог он жертвовать растущим доверием русских. Одного не знал немец: разговор трех парней во время его прогулки был хитрой инсценировкой, рассчитанной на то, чтобы вконец убедить немца в предательстве начальника полиции Корсакова. Не догадывался Вальтер, что Феофан на самом деле комсомолец Вася Слепнев. Он действительно отлично знал немецкий язык и искусно разыграл роль переводчика комспдатуры, похищенного партизанами и расстрелянного за измену Родине.

Наконец пришел день, о котором так мечтал и на который так надеялся пленный немец. Его вызвал к себе командир отряда и сказал:

— Ты, Вальтер, всем нам пришелся по душе. И мы решили тебе доверить одно важное дело. Только пока оружие тебе давать считаем еще рано. А вот задание, которое сможешь выполнить без оружия, получай. — И Чернобаев протянул Вальтеру конверт. Заметив недоумение в глазах немца, командир отряда тут же разъяснил: — Это письмо следует вручить лично начальнику новозыбковской полиции Корсакову. Надеюсь, что с этим заданием ты постараешься справиться. Но на всякий случай тебя сейчас сфотографируют наши ребята. Если задания не выполнишь, тебя везде настигнет наша партизанская пуля. Ясно?

— Все ясно, господин командир.

— Тогда, хлопцы, приступайте к делу, — приказал Чернобаев.

Вальтера сфотографировали. Потом ему завязали глаза, взвалили на лошадь и двое партизан двинулись с немцем в путь.

— Как думаешь, не подведет фриц? — глядя вслед удаляющимся партизанам, спросил Ющук командира отряда.

— Полагаю, что все выйдет по-нашему, — убежденно ответил Чернобаев.

...Партизаны довели Вальтера до пригородного леса, спешились и, развязав немцу глаза, приказали:

— Стунай. Только еще раз запомни, что письмо следует передать лично в руки Корсакову.

— Обязательно, — обещал немец. Но, очутившись в городе, поспешил не к начальнику полиции Корсакову, а к коменданту, полковнику Бергеру.

— Шофер климовской комендатуры Вальтер Штимлер, — представился он, зайдя в кабинет Бергера.

— Шутить изволишь? — подозрительно посмотрел полковник. Ведь уже направлено донесение, что офицер Мюллер и шофер Штимлер погибли в ожесточенной схватке с партизанами. Они посмертно представлены к награде.

— Как видите, живой я.

— Тогда не иначе, что завербован партизанами.

— Вы угадали, господин комендант.

Бергер выхватил пистолет:

— Руки вверх!

— Что вы, — Вальтер шагнул вперед, опустив руку в карман, где лежало письмо.

Раздался выстрел. Пуля ударилась в косяк двери, едва не задев Вальтера.

— Что вы делаете, господин комендант?! — в отчаянии закричал Вальтер. — Ведь я вам доставил весьма важное письмо.

— Какое еще письмо?

— Вот оно.

Полковник взял письмо, нетерпеливо разорвал конверт, быстро прочитал.

— А ты уверен, что это правда? — пристально посмотрел он в глаза шофера.

— На то у меня имеются веские доказательства.

И вслед за тем Вальтер подробно рассказал полковнику обо всем том, что узнал о начальнике полиции Корсакове за время пребывания в партизанском отряде Чернобаева.

Полковник побагровел. Обильный пот выступил на его полном лице. За несколько дней до этого он получил анонимное письмо, в котором предупреждался, что Корсаков агент Москвы. Тогда Бергер решительно отбросил это, как провокацию. Не верил он, что Корсаков может так маскироваться. А тут живой свидетель доказывает, что начальник полиции действительно работает на партизан.

«Ну и сволочь,— повторял в неистовстве Бергер, расхаживая по кабинету.— А мы, дураки, верили этому крестину, собирались командировать его в Берлин. Позор! Теперь пошлем его, только в другое место».

— Господин полковник,— взмолился Вальтер,— только об одном убедительно прошу вас. Никому ни слова, что я вам показал письмо. Партизаны, прежде чем отпустить, сфотографировали меня и пригрозили, что найдут, где бы ни находился, они застрелят меня, если узнают, что не доставил письма лично Корсакову.

— Почему не доставил? — ухмыльнулся полковник.— Только об этом мы уже сами побеспокоимся.— Бергер взял новый конверт, аккуратно вложил в него письмо и заклеил.— А ты отдохни. Диван в соседней комнате. И шнапс туда тоже подадут. Небось уже позабыл его вкус,— дружелюбно похлопал комендант Вальтера по плечу.

...Поздно ночью, когда город спал, в дверь дома, где у любовницы находился Корсаков, сильно постучали. Из-за дверей не сразу раздался сонный, недовольный голос начальника полиции.

— Кого черт носит в такой час?!

— Откройте немедленно. Иначе стрелять будем,— последовал приказ.

— Я буду жаловаться господину Бергеру,— узнав в том, кто приказывал, видного сотрудника комендатуры, пригрозил Корсаков, все еще не открывая двери.

— Я здесь,— ответил с раздражением полковник Бергер.

— Сейчас, сию минуту,— услышав голос коменданта, заторопился Корсаков.

Послышался лязг отодвигаемого засова, скрипнула старая массивная дверь, впуская коменданта Бергера и сопровождающих его солдат комендантской роты.

Корсаков отошел в сторону, пропуская поздних посетителей. Он выглядел несколько помятым и старше своих лет.

— Чем обязан, господин полковник, такому необычному визиту? — спросил Корсаков, пытаясь заглянуть в бесцветные глаза Бергера.

Комендант протянул Корсакову конверт.

— Что это такое?

— Письмо.

— Знаю, что не тряпка, — раздраженно прошипел Бергер. — Какое письмо?!

— Нн-не знаю, — начиная чувствовать, что происходит что-то неладное, ответил Корсаков.

В минуты особого напряжения начальник полиции обычно заикался. Подчиненные уже знали, что если это случается с Корсаковым — добра не жди. На этот раз неприятности угрожали самому начальнику полиции, и как ни старался, не смог он подавить в себе испуг.

А комеданта поведение Корсакова начинало бесить.

— И-не знаю, — передразнил он Корсакова, сильно ударив его перчаткой по лицу. — Не знаешь, партизанская сволочь?! Читай, русская свинья!

Корсаков дрожащими руками пытался распечатать конверт. Но казалось, что кто-то ему подменил пальцы. Они, так ловко ставившие короткие резолюции «расстрелять», «повесить», «в тюрьму», сейчас отказывались повиноваться.

Бергер вырвал конверт, быстро его распечатал и сунул под нос начальнику полиции.

— Читай, большевистская свинья! Не можешь? Тогда я сам это сделаю. — И Бергер, чеканя каждое слово, прочитал:

«Товарищ Корсаков! Выражаем тебе большую благодарность за успешное выполнение нашего задания. Для получения очередного просим явиться на условленное место, где мы уже встречались. Входим в ходатайство о присуждении тебе правительственной награды. До скорой встречи, дорогой товарищ. Командование партизанского отряда».

Корсаков простонал:

— Это настоящая провокация, господин Бергер. — Я клянусь вам, что это специально придумали партизаны, чтобы меня подвести... Я не раз доказывал свою преданность фюреру...

— Кого обманывать вздумал? — с явной угрозой произнес Бергер. — Ты нам все расскажешь. Я попрошу об этом побеспокоиться господина Соколова.

Следователь абвера 315 Соколов был известен своей жестокостью. Зная об этом, Корсаков не раз направлял к Соколову патриотов, с которыми сам справиться не мог. Бывало и так, что Корсакову приходилось присутствовать при допросах Соколова, которые он обычно вел в одной из

камер местной тюрьмы. После этого Корсаков ночами не спал.

— Только не к Соколову, — взмолился Корсаков. — Я вам все сам расскажу...

— Давно бы так, — несколько смягчившись, сказал Бергер.

— Я вам расскажу, как партизаны меня несколько раз пытались завербовать на свою сторону, как я им...

— Довольно!

Корсаков почувствовал сильную боль в груди и едва устоял от сильного удара Бергера.

Как сквозь сон допелось до Корсакова:

— Даю пять минут на переодеваше. И вытрите лицо. На вас противно смотреть.

— Сию минуту, — засуетился Корсаков.

Не давая полного отчета своим действиям, он шарил по сторонам, заглядывал в углы, чего-то пытаясь найти.

Любовница, молодая полная блондинка, взяла Корсакова за руку и как ребеночка увела в соседнюю комнату. Она помогла ему одеться и перекрестила:

— Помогай тебе бог...

— ...На лесной поляне в Софиевском лесу собрался партизанский отряд. Были все, за исключением стоящих на постах и выполняющих боевые задания.

— Товарищи! Я рад вам доложить, что операция «Смерть предателю!» успешно завершена, — объявил торжественно командир партизанского отряда Николай Степанович Чернобасв. — Вчера немцы расстреляли врага народа, предателя, начальника полиции Корсакова. Такая же участь ожидает каждого предателя. Вопросы будут?

— Какие еще там вопросы, — ответил за всех старый партизан. — Собаке собачья смерть!

ПОЛИЦАЙ СПАСАЕТ ШУРУ

Фашисты развесили по всему городу большой красочный плакат: «Русские девушки! Направляйтесь добровольно на работу в Германию. Вас там ждет прекрасная жизнь». Плакат был богато иллюстрирован: роскошный стол, хорошо обставленная комната, великолепная постель.

— Умеют агитировать, — встретив Викторню, зло сказала Вера Замотаева. — Некоторые, гляди, и попадутся на эту удочку.

— Есть уже, которые попались, а теперь ревмя режут,— сказала Виктория.— На днях один человек принес сапоги починить, знал, что отец ремонтом обуви занялся. Пока чинил, заказчик ему письмо от дочери из Германии прочитал: «Живу отлично... Сплошная радость. Благословляю день, когда решила сюда поехать... Германия — чудесная страна. Нас отлично кормят, одевают, обувают. От такой жизни и умирать не хочется». «Что же,— сказал отец,— могут быть и в Германии хорошие люди. Счастье, что ваша дочь попала к таким».

— От такого счастья мы с женой уже второй день ходим, как в воду опущенные.

— Это же почему? — заинтересовался отец.

— Потому, что когда дочка уезжала, мы договорились, чтобы писала все наоборот. К примеру, если написала: «От такой жизни и умирать не хочется», то читай, что жизнь страшнее смерти. Видишь, что творится.

— Надо бы в листовке об этом «рае» рассказать... — сказала Вера.— Беру это на себя.

— Я получила записку от Шуры Палей. Сообщает, что в Семеновке немцы готовят собрание, на котором будут вербовать «добровольцев». Хорошо бы и ей передать такие листовки. Только вот как это сделать?

* * *

К счастью, Шура Палей сама пришла в Новозыбков.

— Вот потянуло меня к тебе,— говорила она, обнимая Викторию.— И ничего не могла поделать с собой. А видишь, что ни делается — к лучшему. Сегодня же возвращаюсь с листовками, чтобы поспеть к собранию.

В листовках, которые унесла Шура, было написано: «Дорогие товарищи! Не верьте фашистской агитации, что в Германии вас ждет счастливая жизнь. Это вранье и обман. В Германии вас превратят в рабочий скот. Будут над вами жестоко издеваться. Уходите, дорогие товарищи, в партизаны. Смерть немецким оккупантам!»

Из дома Шура Палей вышла в полдень. Пятнадцать километров отделяют Карповичи от Семеновки. Однако же успела к собранию. Мест уже не было. Молодежь заполнила проходы. Зал шумел, спорил.

— Тихо! — прозвучало вдруг со сцены, где находились несколько немцев и какой-то долговязый парень. Никто не услышал окрика.

Шура Палей. Снимок
1940 года.

— Молчать! — орал немец. Не дожидаясь, когда наступит тишина, он продолжал: — Слушайте, что скажет вам ваш соотечественник.

Залом овладело любопытство. Наконец стало тихо. Долговязый откинул со лба волосы и начал:

— Дорогие братья и сестры! Поезжайте добровольно в культурную, свободную Германию.

— А ты сам был там? — прервал его чей-то звонкий голос.

Глаза долговязого забегали по сторонам, он повернулся к гитлеровцу и сказал:

— Записывайте меня первым...

Одинокое прошлепали чьи-то аплодисменты. Люди зашумелись.

— На днях он выступал в Карюковке. Там тоже первым записывался, — раздался шепот за спиной Шуры. — Черта с два уговорит нас, пес паршивый.

Шура оглянулась:

— Правильно говоришь, — и протянула девушке руку. Та почувствовала в своей ладони бумажку. Развернула — листовка. Быстро прочитала и передала подруге. Та в свою очередь — соседке.

— Кто еще запишется добровольцем? — кричал гитлеровец. — Подходите смелее.

А Шурины листовки уже пошли по всему залу.

Немец, перед которым лежала толстая тетрадь для записи добровольцев, вдруг поднялся.

— Не желаете добровольно? Мы вас заставим! — озлобленно произнес он.

Зал загудел: «Ему рабочий скот нужен!» Шура пробралась к выходу, сошла с крыльца и села на ближайшую скамейку под сиреневым кустом. Огляделась вокруг. У главного входа в сквер стоял полицейский. «Тут не вый-

дешь», — тревожно подумала Шура. Она перевела взгляд на запасной выход. Но там... тоже стоял полицейский.

В это время к клубу подъехала машина с солдатами. «Сейчас оцепят. Попадется», — думала Шура.

Из клуба вышел молодой человек, одетый в новенькую форму полицейского. Он шел прямо к ней. «Копец!» — решила Шура. Она быстро выхватила из-под кофточки оставшиеся листовки, нагнулась, будто что-то разыскивая, и сунула их в кусты сирени.

А молоденький полицейский был уже рядом.

— Петя? Ты? — удивилась Шура.

— Я. Вот увидел тебя и решил подойти.

— А не проводишь ли ты меня, Петенька?

— С удовольствием... Нравлюсь я тебе в этой форме?

Шура хотела бы откровенно сказать, что не очень нравится, но не решилась. Молча взяла она под руку своего бывшего одноклассника и потащила к выходу.

Чем ближе подходили молодые люди к полицейскому, сторожившему выход, тем тревожнее, чаще билось сердце Шуры.

— Ну и дуры же наши девушки, Петенька! Не желают ехать в Германию. А я вот поеду! — говорила она громко, чтобы слышал полицейский.

Тот с любопытством посмотрел на нее.

— Ты чего это на мою барышню засмотрелся? — пропуская вперед Шуру, сказал полицейскому Петя.

— Приказано никого не выпускать!

— Остальных можешь не выпускать, а эта уже записалась. Так что, брат, сам понимаешь.

Молодые люди дошли до переулка, откуда уже не было видно сквера. Шура остановилась.

— Спасибо тебе, Петя. Теперь я пойду одна.

— Нет, я тебя не отпускаю.

— Что?! — Шура насторожилась.

— Меня не бойся, — успокоил Петя. Он некоторое время помолчал, — за тобой могут следить. Постарайся не давать повода ни для каких подозрений.

— Ты что-то путаешь, Петя.

— Знаю, Шурка, — вздохнул Петя, — что не доверяешь. Думаешь небось: продажная шкура. Променил совесть на повенькую полицейскую форму...

— Зачем ты так, Петя?.. Верю, что тебя силой принудили служить.

— Благодарю за такое признание. А теперь будь здорова. Мне пора возвращаться в клуб. Совет мой не забудь.

* * *

Спустя несколько дней Шура Палей повстречалась с Тимофеем Савельевичем Немченко. Тот похвалил:

— Молодец, Шура! Листовки действуют, как динамит. Молодежь идет к нам в отряд... В клубе ты вела себя отлично!

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ МИССИЯ ПОЛКОВНИКА БАККЕ

Несмотря на воскресный день в кабинете бургомистра Ивана Моисеевича Немцева собрались ведущие работники городской управы.

Когда старинные часы, висевшие в правом углу кабинета, глухо пробили десять, Немцев, подняв руку, призвал к вниманию.

— Господа, — объявил он. — Чрезвычайные обстоятельства вынудили меня сегодня потревожить вас.

Немцев повернулся в сторону сидящего рядом плотного мужчины в форме полковника немецкой армии. — К нам прибыл господин Бакке — представитель генерального уполномоченного по использованию рабочей силы гаулейтера Заукеля. Господин Бакке сейчас лично изложит суть дела. Пожалуйста, господин полковник.

Бакке раскрыл небольшой блокнот в том месте, где была закладка, и, не вставая, стал говорить:

— Наш великий фюрер наметил на территории России провести колоссальную строительную работу. Мой фюрер приказал в самый короткий срок построить сто шесть водокачек, сто шестьдесят авторемонтных мастерских, восемьсот восемьдесят восемь километров двухколейного железнодорожного пути.

Полковник вытер носовым платком вспотевшее лицо и продолжал:

— Для такой колоссальной работы потребуется около ста тысяч рабочих. Кроме того, нам нужны сотни тысяч людей для отправки в Германию. — Бакке сделал паузу. — А как известно, наше желание видеть добровольцев не дает нужных результатов. Так что мобилизация рабочей силы

для великой Германии должна стать важнейшей задачей каждого из вас. Справитесь с этой задачей — большое спасибо. Не справитесь — пеняйте сами на себя. Я кончил.

— Вопросы будут? — спросил Немцев, пристально посмотрев на членов городской управы.

— Будем действовать! — раздался бодрый голос нового начальника полиции Гойта. — Не желают добровольно — силой заставим!

Что означало «будем действовать» было хорошо понятно только Немцеву и Гойту. Накануне были они вызваны к коменданту, у которого находился полковник Бакке.

— Добровольная мобилизация, — сказал комендант, — не дает ожидаемых результатов. Поэтому в соответствии с инструкциями из Берлина вам надлежит организовать принудительную отправку в Германию.

Бургомистр и начальник полиции тут же получили от коменданта указания решительно действовать, принимая самые строгие меры, вплоть до расстрела, в отношении саботажников.

И теперь, на совещании в городской управе, выкрикнув: «Будем действовать», Гойт дал понять лишний раз важному уполномоченному, что он все понял и готов оправдать высокое доверие.

...О предстоящей отправке людей на принудительные работы управляющий подсобного хозяйства сельскохозяйственного техникума Владимир Павлович Харахопов узнал в понедельник, то есть на следующий день после совещания в кабинете Немцева. Был поздний вечер, когда в окно его небольшого домика на территории техникума тихо постучали.

Дом состоял из кухни и двух комнат. В одной из них в этот час сидела девочка лет восьми с книжкой в руках. Рядом жена Харахопова Нина Кузьминична вязала варежки. Как только постучали в окно, девочка мгновенно бросилась к гардеробу, стоящему в соседней комнате, а Нина Кузьминична прикрыла дверь в спальню.

Только после этого Харахопов открыл входную дверь.

В комнату вошла работница подсобного хозяйства Мария Яковлевна Свириденко. Обычно она сразу же передавала сведения о замеченных железнодорожных составах, следующих в направлении фронта. Но сегодня не торопилась это сделать.

— Извините, Мария Яковлевна, что заставил немножко обождать, — сказал Харахопов, указав на спальню. —

Придется Оленьку в деревню отправить. Здесь ей все опаснее становится.

Мария Яковлевна знала, что у Харахоновых прячется Оленька Капельсон, спасенная при массовом расстреле жителей Новозыбкова. Девочке грозила беда быть обнаруженной. И Мария Яковлевна тут же предложила:

— А что если девочку временно поселить у меня. Ведь домик наш особняком стоит.

— Спасибо, Мария Яковлевна. Об этом подумаем. Проходите, пожалуйста.

— Да на вас, милая, лица нет,— сказал Харахонов, когда женщина зашла в освещенную комнату.— Что случилось?

— Беда,— заплакала Мария Яковлевна.— Петеньку отправляют в Германию. Подскажите, что делать?

— Есть только один выход,— ответил Владимир Павлович после некоторого раздумья.— Переправить Петю в партизанский отряд.

— Да что вы говорите... Ведь он еще совсем молоденький, да и здоровьем слабоват.

— Иного выхода не вижу,— сказал Харахонов таким тоном, что стало ясно — двух мнений быть не может.

— А как же мы с мужем?— спохватилась Мария Яковлевна.— Ведь если немцы узнают, что Петенька ушел в партизаны, не миновать нам виселицы.

— Это уже иной разговор. Постараюсь так сделать, чтобы вас обезопасить.

— Ну, тогда я согласна.

Харахонов дотронулся до худого плеча женщины: «Не волнуйтесь, пожалуйста, все будет в порядке».

...Перед обеденным перерывом в подсобном хозяйстве техникума люди обычно толпились у амбаров. Вдруг появились два полицаи. Тот, который постарше крикнул:

— Кто здесь Свириденко?

— Я Свириденко,— вышла из толпы Мария Яковлевна.

— Нам не ты нужна, а сын твой Петр Свириденко. Почему он не явился в банк?

Мария Яковлевна хорошо знала, что банк объявлен местом сбора молодежи, отправляемой в Германию. Туда должен был по повестке городской управы явиться и Петя. Но, прикинувшись незнайкой, Мария Яковлевна с недоумением произнесла:

— Люди добрые, в какой еще такой банк являться? Да ведь все знаете, что отродясь у нас никаких вкладов не водилось.

Полицай заорал:

— Брось, тетка, дурить! Веди к сыну. Не то худо будет. Сопровождаемая полицией, Мария Яковлевна молча направилась к дому. Ее сочувственными взглядами проводили подруги.

...Через два дня у амбаров подсобного хозяйства сельскохозяйственного техникума появился начальник земства при комендатуре Радке в сопровождении начальника полиции Гойта.

— Куда девали моего сыночка Петеньку?! — с отчаянным криком кинулась им навстречу Мария Яковлевна. Она схватила Гойта за рукав:

— Сказывай, окающий, где мой сын?

— Ты чего? — оттолкнул Гойт женщину. — Сама нам ответь, почему сын твой Петр Свириденко не явился в банк?

Мария Яковлевна еще громче закричала:

— Люди добрые! Не вы ли видели своими глазами, как полицай увел моего сыночка? — Она ломала пальцы, рвала на себе волосы. — Ой, худо мне! Погубили моего единственного сыночка Петеньку...

Сбитый с толку Гойт с минуту молчал, а потом обратился к рабочим:

— Кто подтвердит, что эта женщина правду говорит?

— Я, — вышел вперед скотник Иван Ковалев. — Дело было позавчера, аккуратно в такое время, как сейчас. Появились, значит, два молодых полицая и заставили Марию показать, где находится ейный сын. А потом видели, как эти самые полицай, вроде под арестом, ведут парня. А Петя на прощание еще сказал: «Не горюй, мама! Я еще вернусь».

— Смотри у меня, старик. Если врешь — крепко накажем, — пригрозил Гойт.

— Я тоже видела, — послышался голос работницы подсобного хозяйства Елены Васильевой. — Истинный крест, своими очами видела, — перекрестилась она.

Между тем Мария Яковлевна, утихшая было, снова запричитала:

— Ой, где же мой родненький сыночек! Ой, как же мне сейчас жить на свете...

Она подошла почти вплотную к начальнику полиции:

— Ответьте, куда девали моего сыночка? Жаловаться буду!

Отмахиваясь от наседавшей Марии Яковлевны, начальник полиции отходил к бричке, на которой приехал. Рядом шел Радке. Они быстро уселись и погнали лошадь, сопровождаемые недобрыми взглядами рабочих подсобного хозяйства.

...Встретившись с Марией Яковлевной, Владимир Павлович похвалил:

— Молодец! Не знал, что в тебе такой артистический талант скрывается.

— Но и ваша, Владимир Павлович, работа не хуже артистической. Ловко действовали ваши парни. Натуральные полицейские и только. Мария Яковлевна спохватилась: — Не комплименты мне нужны, Владимир Павлович. Непоспокойно мое материнское сердце. Скажите только правду, как там дела у Петеньки?

Владимир Павлович взял ласково руку Марии Яковлевны:

— Нет такого дружка, как родимая матушка. Не зря люди такую поговорку придумали. И скажу вам, дружок, что Петя в партизанском отряде уже свой человек. Велел вам и отцу передать свой сердечный привет.

— Спасибо вам, дорогой, за такую добрую весточку. — Мария Яковлевна порылась в складках широкой юбки и вынула небольшую бумажку: — Тут я записала все составы, которые за последние дни прошли в сторону Брянска.

— Хорошо! — Владимир Павлович пожал руку Марии Яковлевны.

— Спасибо от лица партизанского отряда, в котором ваш сын Петя. Эти сведения очень пригодятся...

У амбаров, возле которых просекал этот разговор, стал собираться народ.

— Свириденко, возьмете гнедого и поедете вывозить навоз, — объявил Харахонов. — А ты, Оханова, — сказал он еще совсем молодой девушке, — повезешь хряка на опытную станцию.

В подсобном хозяйстве начинался обычный трудовой день. И только управляющий хозяйством Владимир Павлович Харахонов, да подпольщики знали, что Мария Яковлевна Свириденко будет не только навоз вывозить, но и оставит в условленном месте в поле сведения для партизанского отряда, переданные Харахоновым, что Вера Оха-

нова сдаст свинью на опытной станции надежному человеку, который затем переправит мясо в лес.

Настроение у Харахонова в этот день было отличное. Ему сообщили, что насильственная мобилизация молодежи для работы в Германии проваливается. В помещение банка, на сборный пункт не явилось пока и половины из числа тех юношей и девушек, которым были вручены повестки городской управы.

УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ

Вот уже полгода дружит Клавдия Алексеевна Чернышова с Верой Замотаевой.

Как-то задержалась Вера у Виктории Кореневой, а тут наступил комендантский час. Пришлось започевать у подруги. В тот вечер и познакомила Виктория свою подругу с Клавдией Алексеевной.

Комната, выделенная для Клавдии Алексеевны, была небольшой. У стены — самодельная тахта. Рядом стол и два стула. Зато было много книг. Они лежали на столе, тахте. Несколько стопок были сложены на полу.

В первый же вечер Клавдия Алексеевна, раскрыв одну из книг, стала читать:

Москва, Москва! Люблю тебя как сын,
Как русский, сильно, пламенно и нежно.
...Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя припелец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый
Один ты жив, наследник нашей славы.

Клавдия Алексеевна читала тихо. Девушки слушали, зажав дыхание.

— Да, эти слова забыть невозможно, — после непродолжительного молчания заметила Вера Замотаева.

Клавдия Алексеевна отложила книгу и внимательно посмотрела на Веру Замотаеву:

— Как думаешь, кто автор этих стихов?

— Вы за кого меня принимаете? — обиделась Вера. — Да ведь это «Сашка» Лермонтова.

— Извини, если обидела. А вообще молодец, — похвалила Клавдия Алексеевна.

После этого вечера Вера Замотаева стала часто бывать

у Клавдии Алексеевны. Они подолгу беседовали о литературе, искусстве, читали стихи. Виктория могла без конца слушать стихи Лермонтова, Пушкина, Есенина. Вера тоже любила этих поэтов, но самая большая ее радость была вчитываться в строки Виссариона Григорьевича Беллинского.

Еще в школьные годы на уроках литературы Вера любила цитировать «Неистового Виссариона». И когда зашел разговор с Клавдией Алексеевной о судьбе Родины, Вера вспомнила слова Беллинского: «В полной и здоровой натуре тяжело лежит на сердце судьба Родины... всякая благородная личность глубоко осознает свое кровное родство, свои кровные связи с Отечеством».

— У тебя, Верочка, восхитительная память, — заметила Клавдия Алексеевна.

Впрочем, бывали минуты, когда Клавдия Алексеевна начинала хандрить: «О, как я соскучилась по школе», — с тоской говорила она, чуть ли не плача.

— Вернутся скоро наши и вы снова будете учительствовать, — пытались в таких случаях успокоить Клавдию Алексеевну Вера и Виктория.

Но вот в конце сентября тысяча девятьсот сорок второго года Клавдия Алексеевна с радостью сообщила девушкам:

— Наконец, через пару дней я снова перешагну порог родного класса.

— Как это понимать? — насторожилась Вера Замотеева.

— А так, родная, что сегодня в городской управе мне сообщили, что с первого октября вновь начнут работать школы, и меня уже назначили учителем русского языка и литературы...

— Как вам не совестно, — возмутилась Вера. — Согласились на фрицев работать и еще радуетесь...

Виктория осуждающе посмотрела на Веру. Она в общем-то была согласна с Замотеевой, но ей не понравилась бестактность подруги. Ведь не обязательно рубить с плеча.

А Клавдия Алексеевна ничем не выдавала своей обиды. Напротив, она обняла Веру, как родную дочь, и нежно заговорила:

— Я тебя понимаю, девочка моя. Но и ты пойми меня, пожалуйста, правильно. Ведь работать в школе и служить пенцам не одно и то же. Важно в эти трудные дни делать все возможное, чтобы наши дети не забывали могучий и великий русский язык, нашу родную литературу. Поняла?

Вера Замотаева как-то сникла.

— Клавдия Алексеевна, хочу вас понять. Но вот с этим, — она показала рукой на сердце, — никак сладить не могу. — В школе, желаете ли вы того или нет, но придется преподавать по фашистским программам, подчиняться установкам гитлеровцев.

Призадумалась Клавдия Алексеевна, а потом решительно тряхнула головой:

— А я думаю, что все же поступаю правильно. И, видимо, Верочка, ты пока меня действительно понять в этом не сможешь. Чтобы меня понять, надо уже с детства мечтать быть учительницей, потом много лет входить в класс, встречать на себе десятки любознательных глазенок, видеть, как из несмышленишек вырастают вот такие как ты, Виктория, и вам подобным мыслящие, деятельные личности. Между прочим, я не одна. Сегодня в управе встретила Василия Николаевича Потейкина. Уж на что ершистый, а ведь тоже согласился идти в школу с первого сентября. Также говорит, что сильно соскучился по ученикам. И Михайлец Авксентий Евстафьевич там тоже был...

...Когда заведующий отделом народного образования Михаил Георгиевич Варно пригласил в управу Михайлеца, тот подумал, что старый товарищ ему решил помочь. И в самом деле Варно, дружелюбно встретив Авксентия Евстафьевича, сказал: — Я пригласил тебя, чтобы помочь. Мы с первого октября, слава богу, снова начинаем занятия в школах. И ты назначаешься учителем химии. Рад?

— Ты что? Что ты! — замахал руками Михайлец. — Да разве тебе не известно, что я того, — он показал на уши. — Вот и сейчас ты, Михаил Георгиевич, громко говоришь, а я едва слышу.

— Вопрос уже согласован с Немцевым. Только он может освободить тебя. Впрочем, по-дружески советую тебе, Авксентий Евстафьевич, не ходи к нему, неприятностей не оберешься.

— Пойду к Немцеву, — твердо ответил Михайлец.

— Ну, как знаешь. Только учти, что сегодня он не принимает. Так что приходи завтра с утра. А я постараюсь с ним переговорить, — Михаил Георгиевич придержал руку Авксентия Евстафьевича. — А все-таки я тебе по-дружески посоветовал бы не ходить к Немцеву. Может быть, передумаешь?

— Пойду,— повторил Михайлец.

На следующее утро бургомистр Иван Моисеевич Немцев встретил Михайлеца так, будто впервые увидел, хотя был хорошо знаком с учителем химии.

— Вы по какому вопросу ко мне изволите, господин Михайлец? — сугубо официальным тоном осведомился бургомистр.

— Говорите, пожалуйста, громче, — приложил правую руку к уху Авксентий Евстафьевич.

— Я вас спрашиваю: зачем ко мне припили? — громче повторил Немцев.

— Прошу вас освободить меня от учительской работы.

— Это еще почему?

— Я глухой. Как сами видеть изволите, слышу отвратительно.

Лицо бургомистра побагровело от злости:

— А при Советах учительствовать могли?!

— Сейчас я себя значительно хуже чувствую. Раньше только на одно ухо плохо слышал, а теперь будто оба загноупатили.

Немцев взял со стола указку и, подойдя к большой географической карте, стал ею водить, громко поясняя:

— Смотрите, упрямец. Ведь дни Советской власти сочтены. — Бургомистр показал на Сталинград, Северный Кавказ. Потом быстро скользнул указкой в направлении Орла... — Видите, везде уже немцы. И к старому возврата больше нет. Словом, положешне, слава богу, стабилизировалось прочно, и наши немецкие друзья сочли возможным разрешить начать учебный год в школах города.

Авксентий Евстафьевич и до того слышал, что немцы на подступах к Сталинграду и Северному Кавказу. Но был убежден, что успехи гитлеровцев временные, что скоро он увидит сына Юру, который воюет на Северном флоте, и что как бы фашисты не чувствовали себя в данный момент прочно, им все равно придется уходить с русской земли.

— Ну, что решили? — спросил Немцев, отойдя от карты и стараясь отгадать, какое впечатление все это произвело на старого учителя.

— Я вам уже сказал, что глух и учительствовать не могу, — ответил решительно Михайлец.

— Вот как! — Немцев был взбешен. — Тогда с сегодняшнего дня, с сей минуты я назначаю вас, бывший учитель Михайлец, начальником городского ассенизационного об-за. — И чтобы не оставалось сомнений, что решение

окончательное, вызвал начальника отдела благоустройства Александра Ивановича Митрофанова и распорядился:

— Примите к себе на службу господина Михайлеца.

— Кем? — удивился Митрофанов, зная, что в его отделе учителям делать нечего.

— Начальником ассенизационного обоза. Выделите ему две бочки и лошадь. Все!

...— Зря Авксентий Евстафьевич так упорствовал, — узнав о решении Немцева, с огорчением произнесла Клавдия Алексеевна.

— И совсем не зря, — возразила Вера Замотаева. — Я бы точно так поступила. Лучше возить г..., чем немцам служить.

— Поживем — увидим, — ответила Клавдия Алексеевна, смущенная грубостью Веры.

А Вера, уловив это, оправдалась:

— Извините, Клавдия Алексеевна, за крепкое словцо. Ведь не зря я в мореходке училась. Там и не такое услышишь.

Школа, в которую назначили Клавдию Алексеевну, находилась в здании пожарной команды. В довоенные годы на каланче, возвышающейся над этим зданием, неизменно дежурил пожарник, который в случае нужды тревожил город колокольным набатом. Теперь вход на каланчу был наглухо заколочен, а в самом помещении оборудованы небольшие классные комнаты.

Взволнованно забилося сердце Клавдии Алексеевны, когда первого октября тысяча девятьсот сорок второго года она вошла в седьмой класс. Вспомнилось довоенное первое сентября. Как на праздник шли тогда в школу ученики и учителя. Торжественно проходила липейка. Звучали взволнованно речи учеников, учителей, родителей. Потом десятиклассники вручали первоклашкам символические ключи от страны знаний. Звенел звонок как-то по-особому переливчато...

В городе, оккупированном немцами, сейчас все обстояло совсем иначе. Не было радостных улыбок, праздничного подъема. И, приветствуя учеников, Клавдия Алексеевна отметила с болью в сердце, что мальчишки и девчонки не по-детски озабочены, что большинство из них в старенькой, заштопанной одежде.

На дворе светило не совсем теплое, но еще по-осеннему яркое солнце. А в классе царил полумрак. Большинст-

во окон были забиты фанерой или цветными стеклами, сквозь которые пробивался тусклый свет. И от всего этого казалось, что уже вечер.

Если что и успокаивало Клавдию Алексеевну, то беседа с учениками, которые проявили такой интерес к русской литературе и с таким энтузиазмом встретили первое задание на дом: выучить наизусть одно из стихотворений Александра Сергеевича Пушкина, которое больше всего нравится.

На следующем уроке первым поднял руку Вася Мокров. На вопрос, какое стихотворение выучил, он ответил: «К Чаадаеву». Он читал стихотворение с чувством. Голос паренька задрожал, когда он начал декламировать: «Пока свободою горим, пока сердца для чести живы, мой друг, Отчизне посвятим души прекрасные порывы».

Ребята слушали внимательно. Было видно — они сопереживают вместе с Васей.

Клавдия Алексеевна похвалила Васю за дикцию, а затем спросила: — Быть может, объяснишь нам, как поэт понимает «Отчизне посвятим души прекрасные порывы?»

Вася немного подумал и ответил:

— Я так понимаю, что это означает, что надо вести себя, скажем, как Миша Давидович.

— А что сделал Миша?

— Он ушел в партизаны и погиб в одном бою.

— Садись, — испуганно оборвала Васю Мокрова учительница. — И чтобы на моих уроках я больше не слышала слова «партизан».

На этот раз Клавдия Алексеевна вернулась из школы сильно озабоченной. Мучила мысль, что кто-либо из учеников передаст о том, что случилось в классе. Тогда не миновать больших неприятностей семье Мокровых. О себе она как-то меньше всего думала.

К счастью, все обошлось благополучно. С Васей же Клавдия Алексеевна стала проводить дополнительные занятия по русскому языку. Через два месяца Вася перестал посещать классные и дополнительные занятия. Говорили, что он серьезно заболел. А в самом деле, как сообщила учительнице Вера Замотаева, Вася Мокров уже в партизанском отряде, том самом, в котором воевал Миша Давидович.

...Географию преподавал Василий Николаевич Потейкин. На первом уроке, знакомясь с классом, он сообщил: — Будем заниматься по старому учебнику. Только надо в нем

зачеркнуть слово «СССР». Везде вместо этого напишите «Россия». Вы, разумеется, знаете, что такое Россия?

— Конечно, знаем, — ответил за всех Витя Тюпич. — Это то же самое, что наш Союз Советских Социалистических Республик.

— Садись, — сделав вид, что ничего особенного не уловил в ответе, сказал Василий Николаевич. — Работенку я дам, конечно, задам большую. Ведь слово «СССР» встречается на многих страницах, да еще по нескольку раз. Разумеется, за день-два вы мое задание выполнить полностью не успеете.

И ученики не торопились. Некоторые из них никаких исправлений не сделали, а Василий Николаевич не замечал того.

Сам он иногда, увлекшись, как бы невзначай произносил «Советский Союз», но тут же поправлялся: «Извините, это есть Россия».

Василий Николаевич и Клавдия Алексеевна не были исключением среди учителей Новозыбкова. Большинство из них ненавидели фашизм. Они верили, что оккупация дело временное и, тщательно маскируясь, старались то же внушить ученикам.

Жил в ту пору в Новозыбкове профессор педагогического института Павел Андреевич Расторгуев. Бургомистр Немцев вызвал к себе как-то Павла Андреевича.

— Смотрю на вас, Павел Андреевич, — сказал бургомистр, — и искренне жалею. — Вы доктор филологических наук, можно сказать, гордость нашей русской интеллигенции, сидите без дела. А ведь русскому интеллигенту только сейчас по-настоящему развернуться можно.

— Кто вам, собственно говоря, доложил, что я сижу без дела? — сказал Павел Андреевич. — Да будет вам известно, что сейчас я работаю над словарем говоров на территории западных районов нашей области.

— Надеюсь, этому теперь никто не мешает?

Расторгуев снял очки, протер их и с удивлением взглянул на бургомистра:

— То есть, как никто не мешает?

— Я имею в виду вашу ссылку при Советах, — напомнил Немцев.

— Да, меня высылали из Москвы. Но потом разобрались. Реабилитировали. Признаюсь, что слишком тяжело перенес я несправедливость. Только ведь ни при чем тут

были Советы. И если бы не война, возможно, словарь говоров был бы уже составлен.

Немцева начинало раздражать поведение старика профессора. Но он вынужден был сдерживать себя. Задание немецкого коменданта было строгим — привлечь профессора Расторгуева, которого Советская власть жестоко обидела, для работы в управе. Комендант так и сказал: «профессора, которого Советская власть жестоко обидела», ничуть не сомневаясь в успехе своего намерения.

Профессор Расторгуев оказался крепким орешком и совсем не таким трусом, как его охарактеризовал начальник полиции.

Вконец сбитый с толку поведением Расторгуева, Немцев пытался придумать такое, что помогло бы уговорить упрямого профессора. Заметив, что Расторгуев истощен, Немцев с сочувствием сказал:

— А у вас, Павел Андреевич, вид неважнецкий. Истощены. Так долго не протянете. Глядишь, и работу не успеете закончить. А я гарантирую вам отличные условия. Мы выделим вам несколько хлебных карточек. Вы будете сыты. Поможем и дровами...

— Простите, что перебиваю,— ответил Расторгуев.— Мой хлеб — это родной русский язык, а его ручки — наши говоры. Работая над составлением словаря говоров, я как бы насыщаюсь калориями этого бесценного хлеба.

Так и не удалось властям завербовать русского профессора Павла Андреевича Расторгуева. Он недоедал, мерз, но с упоением продолжал работать, создавая ценнейший научный труд.

ПЕРЕПОЛОХ В ЛАГЕРЕ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Пршумело частыми грозами лето тысяча девятьсот сорок второго года, уступив место осени. Уже низко отклонялись спелыми автоновками яблони. Жители торопились убрать остатки урожая.

В один из таких дней Виктория, встретив Веру Замотаеву, сказала:

— Из леса требуют медикаменты и бипты. Придется тебе сходить к Аппе Макаровне. Мне бывать у нее часто нельзя.

— Понимаю,— ответила Вера.— Только я к этой по-

таскухе не пойду, — с присущей ей прямою и вспыльчивостью ответила Вера.

— Да ты что? — удивилась Виктория.

— А то, что не пойду. Твоя Анна Макаровна приняла к себе полиция. Я лучше схожу к Карпу Ивановичу.

Санитар городской больницы Карп Иванович Теслип — уважаемый в городе человек. Он знал пародную медицину, к его советам даже врачи прислушивались. Когда началась война и в одну из бомбежек загорелась аптека больницы, Карп Иванович бросился в помещение, обхваченное пламенем, и собрал в простыни медикаменты. Часть их он сразу же передал больнице, которую немцы почему-то не закрыли, а львиную долю оставил у себя. И теперь «теслинская аптека» являлась своеобразной базой снабжения партизан медикаментами.

— Тогда я сама схожу к Анне Макаровне, — решив лично проверить, в чем дело, сказала Виктория.

На том и порешили подруги.

Анна Макаровна, как всегда, была приветливой. Но разговор о постояльце Иване Пристреме не поддержала. Виктория не решилась ее пытаться. Взяла медикаменты, бинты, с тем и ушла.

Тем временем Вера узнала о полицейском Пристреме любопытную деталь от медицинской сестры Надежды Филипповны Синюк, соседки Анны Макаровны по квартире. Пристрем по ночам куда-то уходит.

— Что бы это могло означать? Ведь дежурит он, наверное, не каждую ночь... — закончила свой рассказ Вера.

— Сама не пойму, — неопределенно пожала плечами Виктория.

...С наступлением сильных морозов прекратилась связь подпольщиц с партизанами. А тут еще забарахлил радиоприемник в лагере военнопленных. И уже больше полутора месяцев ничего не знали о положении на фронтах.

Февральским днем Виктория заглянула к тете. Увидев сестру, четырнадцатилетний двоюродный брат Коля Дмитренко тайно сообщал:

— А у меня есть важный документ.

— Покажи.

— Сначала попляши.

— Не дури, Колька!

— Нет, попляши.

Пришлось Виктории выкинуть несколько колесов русской барыни. Только после этого Коля отдал ей розовую

бумажку. Нашел он ее на окраине города, куда бегал играть со своими одноклассниками. Это была листовка. Виктория, волнуясь, начала читать:

«...Соединившись в районе Калача, советские войска 23 ноября 1942 года полностью окружили ударную группировку фашистских войск численностью в 330 тысяч человек и 2 февраля 1943 года завершили ликвидацию окруженных войск». Далее шло перечисление многочисленных трофеев. Листовка заканчивалась призывом: «Советские патриоты, партизаны и партизанки, находящиеся на территории, временно оккупированной врагом, раздуйте пламя пародной борьбы с захватчиками. Помогайте нашей родной армии быстрее разгромить врага. Смерть немецким оккупантам!»

Виктория сначала почему-то не поверила напечатанному. Уж очень долго шли жестокие, упорные бои под Сталинградом и в самом городе. Об этом она даже слышала от самих немцев. Но они говорили об огромных потерях, которые несут советские войска. И вдруг такое... Вот почему в последние дни так свирепствуют фашисты. Вот почему угрюм Вилли Вольф и его подручные. Выпалили им, проклятым, по первое число.

— Коленька, ты себе еще найдешь, а эту мне отдай, пожалуйста, — попросила Виктория.

Мальчик некоторое время колебался, потом протянул:

— Ладно... Только не думай, что я ничего не понимаю.

Виктория побежала в дом Хабловых. Устроившись в дальней комнате, она торопливо выводила печатные буквы. Наконец распрямила спину, размяла онемевшие пальцы. Перед ней лежала стопка готовых листовок. Сейчас она пойдет к Вере Замотасовой и там вдвоем решат, как распространить эту радостную весть.

Вера сидела у постели больной матери. Виктория подала подруге ту самую листовку, которую нашел Коля. Едва пробежав ее глазами, Вера, позабыв про осторожность, восторженно закричала:

— Мапочка! Под Сталинградом наши немцев разбили!

— Тише, доченька, — с беспокойством поглядывая на дверь, попробовала остановить Веру мать. — Ведь немцы совсем рядом.

— Черт с ними! Вика, я сейчас же начну переписывать, — направляясь к столу, сказала Вера.

— Не надо, — остановила ее Виктория. — Пока и моих хватит. Давай-ка лучше подумаем, как распространять будем.

— А чего тут думать? Половину оставишь мне, а с остальными пойдешь в лагерь, нашим ребятам покажешь, порадуешь их...

— Я тоже так думала, — согласилась Виктория.

Часовой, как обычно, пропустил Викторию. Ведь не в первый раз приходила она сюда и ее уже все знали. У входа в здание ей повстречался Фабри. Остановились в дальнем, глухом и темноватом углу коридора.

— Читай! — не в силах скрыть радости, сказала Виктория, протянув Фабри розовую листовку. Тот пробежал ее глазами, хотел что-то сказать, но острый комок, подкатившийся к горлу, помешал. Странно заикаясь, он сказал:

— Н-надо с-сейчас же рассказать т-товарищам. — И выбежал из коридора.

Прошло каких-нибудь полчаса, а добрая половина военнопленных уже знала о победе под Сталинградом. Позабыв про осторожность, люди возбужденно обсуждали событие. Помощник коменданта сухопарый Роберт, самый злобный из всего лагерного начальства, заметил в руках одного из парней листовку. Взревев от бешенства, он отнял ее и помчался к коменданту. Вольф незамедлительно появился во дворе. Приказав всем построиться, он грозно спросил:

— Кто дал вам это? — Вольф показал трепещущую под ветром в его руках розовую листовку.

Военнопленные молчали.

Вольф ждал ответа. Желая выслужиться, Роберт подбежал к человеку со слезящимися глазами, стоящему на фланге.

— Ты?! — выкрикнул он и хлестнул пленного плетью по худому лицу. Человек упал. Не обращая внимания на него, Роберт подскочил к следующему, задал тот же вопрос и также нанес удар.

Стоя у выхода из лагеря, Виктория, чувствуя за собой тяжелую вину, мучительно размышляла, как предотвратить зверскую расправу над людьми. Она должна была все сделать как-то иначе, продуманнее. Во всяком случае нужно было предупредить, чтобы люди не собирались группами.

Думы Виктории прервал выкрик коменданта:

— Если не скажете, кто дал вам листовку, я передам вас в гестапо. Вас всех расстреляют.

«Возьму всю вину на себя,— решила Виктория.— Нельзя допустить, чтобы люди погибли из-за моей непредусмотрительности». И она сделала шаг в сторону коменданта. Но сильный толчок тут же отбросил ее в сторону. Виктория едва не упала.

— И что тут петляются под ногами ризны дивчата,— пробасил украинец из лагерной охраны и подошел к Вольфу.— Что вы так хвилькуетесь, господин комендант? Таких рожевых бумажек комо залезничи богато. Мы з них цигарки круtimo,— и он показал коменданту самокрутку, которую курил: она была из такой же розовой бумаги, что и листовка. Правда, охранник использовал не листовку, а обложку ученической тетради...

— ...Русские свиньи! — прокричал комендант.— Никогда не подбирайте никаких бумажек! Запрещаю! — Вольф круто повернулся: — Расходись!

«Пронесло,— облегченно вздохнула Виктория и, покинув территорию лагеря, направилась к Вере Замотаевой.

— Наконец-то! — радостно воскликнула Замотаева, обнимая подругу.— Ты и не представляешь, как я волновалась. С крыльца все видела, но не знала, что делать. Хотела уже поджечь сарай, чтобы отвлечь внимание фашистов...

— Как думаешь, на этом дело кончится? — спросила Виктория.— Думаю, что Вольф не станет в эту историю вшутывать гестапо. Он побойтся. Но как бы то ни было, мы должны сделать вывод из всего этого. Надо быть осмотрительней.

— Трудно, но, конечно, надо... А как же быть с листовками?

— Давай сделаем так. Ты расклеишь их на улицах у вокзала, а я на тех, которые прилегают к рынку и больнице. Там всегда народ бывает. Представляю, что будет в городе, когда люди узнают о такой победе!

— Еще бы! Ну, до встречи...

— Ты что это меня гонишь? — запротестовала Виктория.

— Не гошу, а оберегаю. Скоро комендантский час, нам надо спешить. Сама понимаешь, что сегодняшний случай...

— Да, теперь они будут задерживать встречного и поперечного.

Однако, как ни бдительны были немецкие патрули, все же подругам удалось выполнить свое намерение. Они расклеили листовки в разных концах небольшого городка.

Фашисты пришли в бешенство. Полицейские рыскали по Новозыбкову, срывая листовки, уничтожая их. Но было уже поздно: правда о великом подвиге советских войск, о разгроме фашистов под Сталинградом вышла далеко за пределы города.

ОСТОРОЖНО: ПРОВОКАТОР

Рядового Степана Медкина ранило недалеко от родных мест. Придя в себя, он кое-как добрался до деревни, где жили его отец и мать. Дома выходили его. Тем временем фронт ушел. К партизанам Степаи сразу не нашел путей. Устроился на железную дорогу.

Работа — работой, а долг — долгом, — говорит народная пословица. Степаи не забывал о долге советского гражданина. И некоторое время спустя, он все-таки связался с партизанами, находящимися в Софиевских лесах, стал передавать им важные сведения. Начал подбирать среди горожан людей, на которых можно было бы положиться в нужную минуту, как на самого себя.

Однажды на связь пришла Виктория Коренева.

— Степа! Помощь твоя нужна...

Был конец февраля тысяча девятьсот сорок третьего года. На дворе крутила метель. А они, чтобы отвлечь внимание патрулей, шли обнявшись, словно влюбленные. Только разговор был совсем не про любовь. Говорили о подготовке побега военнопленных из лагеря. Фабри просил Victорию привлечь кого-нибудь из верных людей, чтобы проделать в колючей проволоке лаз. Находясь под постоянной охраной, пленные сделать это не могли.

— Я сделаю лаз, — выслушав Викторию, сказал Медкин. — А ты не могла бы поработать табельщицей в питомнике, он недалеко от вокзала? Я порекомендую начальству тебя...

Отныне голубая повязка на рукаве открывала Кореновой дорогу на железнодорожные пути. В лагере приходилось бывать нечасто. Да и это не вызывалось необходимостью: там теперь работала патриотическая группа. Ее сколотил Фабри. Он был переводчиком при комендатуре лагеря, пользовался относительной свободой передвижения, вокруг него собрались надежные люди. Они разработали свой план побега из лагеря. Так что Степаи Медкин

мог не рисковать: лаз не потребовался. Состоял этот план в следующем.

Ежедневно военнопленные, под охраной, ездили с огромной бочкой за водой к ручью. Лучшей возможности для побега не придумаешь. Виктории оставалось только встретить их на опушке леса и довести до партизанского отряда. Однако Фабри, несмотря на всю сметливость и изворотливость, никак не удавалось устроить так, чтобы в водовозы попала вся его группа и чтобы охранниками были те, которые тоже стремились вырваться из лагеря.

В ожидании случая прошло несколько месяцев, в течение которых и Виктория и Вера продолжали писать и распространять листовки, доставать медикаменты для партизан, передавать сведения о воинских частях, которые по пути на фронт, временно, на неделю-две останавливались в городе.

В один из совсем уже летних теплых дней тысяча девятьсот сорок третьего года Виктория, закончив работу в питомнике, возвращалась домой. Она и не услышала, как кто-то увязался за ней. Вдруг возле бывшего клуба железнодорожников кто-то сильно свистнул. Силой воли Виктория подавила испуг и, не ускоряя шагов, продолжала идти.

— Смелая! — послышался голос за спиной, совсем рядом.

Виктория остановилась, медленно обернулась.

— И почему это я должна бояться свиста? — глядя в упор на белобрысого парня, спросила Виктория. В своем преследователе она узнала бывшего студента педагогического института Ланге, немца по национальности, работающего сейчас у фашистов переводчиком. «Негодяй, — подумала она, — приютила тебя страна наша, вскормила, выучила. А ты чем ей благодаришь?».

Виктории захотелось изо всей силы ударить Ланге по пухлым щечкам. Но она сдержала себя и, засунув под язык два пальца, так свистнула, что Ланге вздрогнул.

— Видишь, и я умею, — улыбулась Виктория.

— Да, здорово! — согласился Ланге. — Бойкость твоя мне даже приснилась. Видел, будто ты среди партизан.

— Партизан?! — Виктория негодовала. — Да я, если хочешь знать, этих бандитов всеми фибрами души ненавижу.

— Ненавидишь? За что?

— За то, что мешают мне, тебе, всем честным людям спокойно жить.

— Спокойно жить, говоришь? — по тону Ланге трудно было сделать вывод, что он Виктории не поверил.

А Виктория, расставаясь с Ланге, поняла: не к добру эта встреча. Теперь можно ожидать всяких неожиданностей и неприятностей.

...Пятого июня в контору питомника вошли два фашистских автоматчика.

— Собирайся! Шнель! Бистро!.. — приказали они. Задев на окне ватман, один из гитлеровцев зашипел: — Кому — партизанен?

— Эта бумага для господина коменданта лагеря Вольфа, — спокойно ответила Виктория.

Немцы поговорили между собой и один побежал, видимо, к коменданту лагеря, а второй остался сторожить Викторию. Положив автомат на колени, он сидел молча, поглядывая на дверь, где должен был появиться его товарищ.

«Что делать?» — лихорадочно соображала Виктория.

Высоко в небе зарокотал самолет. По звуку мотора Виктория определила: советский бомбардировщик. Понял это и немец, охранявший Кореневу. Он встал и направился к выходу. Виктория за ним.

— Назад! — крикнул немец, плотно прикрывая дверь. — Садись, — приказал он.

— Мне удирать незачем, — сказала Виктория, присаживаясь у окна.

Немец тоже сел. Он снял с шеи автомат, поставил его позади себя, начал прикуривать. Виктория ловко вскочила на стул и выпрыгнула в открытое окно.

— Хальт! — послышалось вслед. Загремели падающие стул, автомат.

А Виктория, миновав глухую стену дома, помчалась к кустарнику, а там оврагом добралась до окраины города, откуда было совсем близко до квартиры Веры Замотаевой.

— Беда, Вера, — вбегая в комнату Замотаевой, вытирая вспотевшее лицо, выдохнула Виктория.

— Что случилось?

— Кажется, нас предали... За мной в питомник приходили два фашиста, но мне удалось убежать...

— Дело дрянь. Тебе придется уходить немедленно из города.

— Но я не могу, понимаешь?! Мне надо повидаться с Фабри, предупредить его.

— Обойдется и без тебя, — решительно заявила Вера. — До ночи посидишь у меня под замком. Я за это время договорюсь с Фабри о встрече с тобой... А пока вот тебе хлеб, вот чайник. Перекуси... Сахара нет. Зато, — Вера с таинственной миной на лице вынула из пакетика маленькую таблетку, — есть немецкий сахарин. Кавалер, по имени Ганс, подарил...

Хотя Виктория с утра ничего не ела, однако кусок, как говорится, в горло не лез. С тревогой думала она о том, что ее арест в питомнике — это только начало, что еще кого-то из подпольщиков ждет такая же участь. А что дома? Что с отцом?

Вошла Вера.

— Плохи дела, Вика. Фабри увезли в Гомель под стражей. Мне рассказал об этом Андрюша Коробов. Бежал что-то достать для Пинки-комендантши. Он у нее вроде казачка на побегушках.

— Что же теперь будет?

— Я и сама не знаю. Но что-то надо придумать.

Долго сидели молча.

— Кажется, побег намечался на троицын день, — преврала молчание Вера Замотаева.

— Да.

— Значит, ждать еще больше недели. А тебе, Виктория, оставаться в городе нельзя.

— Не понимаю, как мог попасться Фабри? Такой осторожный...

— А почему думаешь, что он попался?

— Так повезли же его под стражей.

— Чудачка, все военнопленные ходят и ездят под стражей.

Вера встала, прошлась несколько раз по комнате, подошла к подруге, прижалась к ней.

— Вика! Ты сегодня уйдешь.

Виктория вышла из Новозыбкова глубокой ночью. Чтобы не попасть в руки гитлеровцев, она избрала кружной путь и два дня пробиралась до партизанского отряда, в котором уже не раз бывала, принося сведения или перевязочные материалы и медикаменты.

Большинство партизан спали. У землянки сидело несколько парней. Появление Виктории вызвало оживление.

— Глядите, Вика! Надолго?

— Не знаю... Как решит командир.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Карховка — пригородный поселок. Здесь в дни оккупации располагалась рота гитлеровцев. Она охраняла железнодорожные мастерские и железнодорожную ветку Новозыбков — Новгород-Северский.

В мастерских работали и жители Карховки и новозыбковцы. В их числе был Степан Медкин. Он исполнял обязанности мастера. Работали в мастерских и военнопленные из лагеря.

Когда Виктория ушла из города в партизанский отряд, самым главным и деятельным подпольщиком остался Медкин. Но вот уже больше недели Степан не давал о себе знать — словно сквозь землю провалился. Надо было выяснить, где он и что с ним. Только одна Виктория знала его квартиру. Ее и назначили проводником.

Одетая в комбинезон, скрывавший белое платье, она шла впереди. В кармане комбинезона лежала граната. Мужчины, кроме гранат, были вооружены автоматами.

Когда партизаны уже отошли от базы, их догнал комиссар отряда Раздорский. Он передал Виктории кисет с махоркой и сказал:

— Если будут преследовать с собаками, посыпь свой след.

До наступления темноты партизаны дошли до села Дубровка, расположенного в центре Софиевского леса, перекрестили у знакомого крестьянина и двинулись дальше.

Таинственно перешептывались столетние деревья. Свежий ветерок ласкал разгоряченные лица. Совсем близко квакнула лягушка и, как будто испугавшись собственного голоса, тотчас же смолкла. Глухо потрескивали сухие ветки. Чуткий ночной лес таил в себе угрозу на каждом шагу.

Партизаны шли цепочкой, прислушиваясь к звукам и шорохам. Откуда-то донесся хриплый, приглушенный лай собаки. И сразу оборвался...

Вскоре лес поредел и перед партизанами открылось полотно железной дороги. Это полотно и особенно мастерские тщательно охранялись. Чтобы войти в Карховку, надо было бесшумно преодолеть железную дорогу.

— Будем быстро перебегать по одному, — сказала Виктория. — Я пойду первой, а вы — за мной...

— Постой, постой, — остановил Викторину молодой партизан Вадим. — Огоньки.

Действительно, два красных елс, замстных огон мерцали на железнодорожном полотне. Вот они сонли разошлись в разные стороны.

— Немецкие патрули, прикуривают, — сказал кто

— Эх, нам бы покурить, — вздохнул Вадим.

— Я тебе покурю, — поднес ему к носу увесистый лак пожилой партизан.

Партизаны притихли в ожидании, и никто не замет как Виктория рванулась вперед, перебежала железн дорогу и упала в кювет. Она увидела, как один из партиз вскочил на полотно железной дороги. И в это время рвался из-под поворота луч яркого света. Он упал на рсы и сразу же затарахтела автоматная очередь. Но ре сам, с которых проворно соскочил партизан, бросивш в лес, грохотала дрезина, на которой сидело несколько вцев.

Застрочили партизанские автоматы. Завязалась пер стрелка.

Виктория отползла в кусты, где было надежней. «Что же теперь делать? Одной-то как? А может, это и к лучш му, — раздумывала она. — Одной же легче пробраться.

Улица, на которой жил Степан Медкин, тянулась п параллельно железной дороге. Прижимаясь к заборам, Виктор я почти дошла до заветной калитки. Но тут перед не неожиданно вырос немец. Он испуганно отпрянул, нырну за угол и открыл огонь. Виктория сжала в руке гранату готовая метнуть ее. Но немец побежал вслед за группо солдат, спешивших к железнодорожному полотну, где пр продолжалась стрельба.

Виктория перескочила невысокий забор, забежала в глубь двора и упала в высокую траву. Она тяжело дышала. Сердце так отчаянно билось, что казалось, вот-вот выско чит из груди.

Немецкие трассирующие пули полетели к лесу, в небе взметнулась ракета. Стало светло, как днем. Теперь Виктор я могла осмотреться. Она лежала возле молодого де ревка в высоком бурьяне. Почти напротив было окно квар тире Степана Медкина. Сейчас там стояли два немца. По том в окне появилась третья фигура, должно быть, офице ра. Дрожащими руками он застегивал китель и отдавал какие-то распоряжения.

«Так вот почему Степан молчит, — поняла Виктория. — Его, видимо, арестовали, а в доме устроили засаду. И я чуть не попалась».

Немецкие солдаты двинулись в ее сторону.

«Неужели заметили?» — Виктория вновь сжала гранату, готовясь к схватке.

Немцы подошли совсем близко. Еще несколько шагов и они будут рядом. В это время немецкий офицер высунулся из окна, что-то крикнул, и солдаты круто повернули назад.

«Гады! Убили Степу. Ну, получайте же свое!» — прошептала Виктория и, приподнявшись, метнула гранату в освещенный прямоугольник окна.

Прогрохотал взрыв. Кто-то закричал. А Виктория уже мчалась огородами к Рыловичам. Это был единственный спасительный путь.

КЛЫПИХА

Рассвет застал Викторию возле Рылович. После тревожной ночи страшно болела голова, ныло все тело. А до партизанского отряда лежал долгий и опасный путь.

Виктория осмотрела себя. Жалкий вид. Комбинезон изорван. Она сняла его, свернула в тугой узел и, положив на дно небольшой воронки, забросала землей.

Вблизи протекал родничок. Виктория напилась, умылась, пригладила растрепавшиеся волосы, расправила платье и вышла на большак Повозыбков — Климов. На встречу медленно брело стадо коров. Его гнали старик и мальчик-подросток.

— Доброе утро! — поравнявшись с ними, приветствовала Викторию.

— Доброго утра, доченька, — ответил старик, внимательно осматривая Викторию. — Откуда это ты в такую рань?

— Из Повозыбкова... Пропала корова, вот и ищем всю ночь. Сами знаете, как без коровы сейчас... Встретила какого-то человека, так сказал, что видел ее на этой дороге. А вы, дедушка, не видели? Рябая такая, со сломанным рогом.

— Нет, не встречалась.

— Чего это в Карховке всю ночь стреляли? Бой там был или что другое? — вмешался в разговор подпасок.

— Не знаю...

— Оттуда идешь, а не знаешь...

— Ну, чего пристал к человеку? — прикрикнул на подпаска старик. — А коровку твою ты, дочка, ищи дальше. Под лесом там пизинка есть. Ха-а-рошая трава! Толь-

ко недалеко на дороге полицаи стоит и без пачпорта никого не пропускает.

— А не видел ты, дедушка, шел сегодня кто-нибудь в Климов?

— Как же, шли, доченька, шли. У нас, в Рыловичах, две какие-то бабы ночевали, утресь пошли.

— Какие они?

— Одна в черной, другая в красной кофте...

— Дедушка, так это ж мои тетки! — радостно воскликнула Виктория. В этой информации было ее спасение. — Побегу догонять. Может, помогут коровку пайти.

Через полчаса Виктория уже подходила к высокому немолодому полицаю, стоящему на шляху.

— Дяденька, не проходили тут две тетки: одна в черной, а другая в красной кофте? — спросила Виктория, поравнявшись с полицаем.

— Зачем они тебе?

— Это мои тетки!

— Как будто недавно прошли. С корзинами?

— Ага, с корзинами, — обрадовалась Виктория. — У них мой паспорт.

— Ну и что?

— Как же я теперь без паспорта? — заплакала Виктория, растирая слезы кулаками. Вид у нее был до того растерянный, слезы казались настолько искренними, что полицай сжалился...

— Чего реवेशь? Беги, догоняй...

Не успел полицай закончить, как Виктория вихрем помчалась по дороге на Климов. «Пронесло!» Как вдруг:

— Стой! Стрелять буду! Стой!

Виктория нырнула в кусты. Пуля дзенькнула где-то в стороне. Наконец девушка вбежала в пахучий густой сосняк и упала наземь. Силы как-то сразу оставили ее. Трудно было пошевелить руками. Ноги казались чужими. Только отчетливо работало сознание: «Спасена!» Закрыла глаза, и тревоги как не бывало...

...Идет слет пионеров Донбасса. Мальтики и девочки в новых пионерских галстуках рапортуют о проделанной работе. Среди них Вика Коренева. Четко произносит она каждое слово заученного текста. Голос звонкий, чистый, выделяется среди других.

Потом ее подозвал первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Украины Павел Петрович Постышев. Погладил по голове: «Молодчина!»

Одна картина сменяет другую... Юзовка. Музей гражданской войны. Перед подростком Викой Кореновой большое художественное полотно. На нем толстомордый генерал. Он допрашивает девушку. Худенькая, стоит она, гордо вскинув голову. Особенно выразительны глаза девушки: они полны презрения и ненависти к белому генералу.

Шумит лес над головой Викторни. Он напоминает плеск морского прибоя. Море Виктория видела в Крыму, в пионерском лагере для детей шахтеров. Любила она кататься на катере, любила брызги солоноватой воды, морской бриз, такой ласковый и нежный...

А потом встала только что пережитая в Карховке тревожная ночь. На нее злобно смотрят сверлящие глаза немецкого офицера. «Ты убила меня гранатой!» — «Нет, я тебя не убила, а наказала за преступления». — «Убила! — кричит офицер. — Получай же!» — и бросается на нее...

Виктория вскочила вся в холодном поту, сунула руку за пояс, где была граната. Опомнилась. Это же сон! Как хорошо, что только сон.

Повеяло прохладой. Солнце уже клонилось к западу. Как долго она спала! Виктория продралась сквозь чащобу и снова вышла на Климовский шлях. Он был безлюден. Быстро перебежала на противоположную сторону. К железной дороге подошла, когда уже стемнело. Огляделась внимательно — никого не видно. Кинулась вперед, и пулей перелетела полотно железной дороги. «Кажется, все в порядке», — облегченно вздохнула она.

— Хальт!

Совсем близко стоял немец. Еще миг и застрочит автомат. Виктория опередила: метнулась в лес. Пробежав немного, остановилась. Услышала, что за ней гонятся и еще сильнее побежала. Ветки хлестали по лицу, она спотыкалась о пни, расшибая в кровь ноги. Платье уже давно было изодрано...

Напряженный бег совершенно лишил сил. Но, к счастью, погоня прекратилась. Теперь можно было остановиться, чтобы перевести дух, хоть чуточку отдохнуть. Она немножко полежала на влажной траве и двинулась дальше.

Летняя почва коротка. Даже в нормальной обстановке не заметишь, как она пролетает. Утренний холодок придал силы. И вот Виктория оказалась на опушке леса. Она осторожно раздвинула кусты. Узнала село Файки, лежащее по пути в партизанский отряд имени Ленина. В каких-

нибудь двадцати шагах от опушки виднелась деревенская избенка, крытая соломой. Рядом — ветхий сарай. И Виктория решила зайти туда.

Она уже направилась к сараю, когда увидела нескольких немецких солдат. Оживленно разговаривая и гогоча, они приближались. Бежать было поздно и некуда. «Как быть? — думала Виктория. — Вернуться в лес, значит, навлечь подозрение. Солдатам ничего не стоит ее, уставшую, догнать. А встретиться с фашистами — значит, объяснить им, зачем она была в лесу и почему у нее такой вид».

И тут Виктория увидела крестьянку, доившую корову.

— Бабушка! — подойдя к ней вплотную, тихо позвала Виктория и повела взглядом в сторону немцев. Старуха сразу же догадалась, с кем имеет дело.

— На печку, — тихо ответила она, продолжая доить корову.

Виктория шмыгнула в дверь, залезла на печь и задернула ситцевую занавеску. Будь что будет! В крайнем случае прикинется больной...

— Кто пришел к тебе из леса? — донесся до Виктории мужской голос.

— Да то же дочка моя, — ответила крестьянка.

— Что делала в лесу?

— По нужде, милые, ходила. Дизентерия у все...

— Черт! — выругался кто-то. И Виктория по удаляющимся голосам поняла, что солдаты уходят.

— Жива ты там? Ушли они, супостаты. Слезай, — позвала Викторию старуха.

Виктория отодвинула занавеску, морщась от боли, опустила с печи разбитые ноги.

— Постой, голубка, я тебе подсоблю, — подставляя плечо, участливо сказала крестьянка и, заметив замешательство девушки, добавила: — Ты меня не бойся. У меня сын тоже в партизанах. Знаю, как вам в лесах-то скитаться, врагов бить. — Она помогла Виктории сползти с печи, подставила ей старую табуретку: — Посиди, милая, а я сливочек достану. Хорошее средство от ран.

Виктория села на табуретку и задумалась. Бывают же на свете такие люди. Ходишь мимо и кажется, что они самые обыкновенные, никакого подвига совершить не способны. А придет беда и раскроются их сердца, как внешние цветы, засияют, залучатся добротой и лаской, мудрость свою и мужество покажут.

Старуха принесла сливки, осторожно смазала раны на ногах Виктории, особенно сильно разбитые коленки. Потом запарила красивые-жгучки.

— Попарь ноги, — предложила она, — очень полезно от ушибов.

Старуха слезила в подполье, достала баночку с медом. Поставила ее на стол и сказала:

— Вот сейчас я кипяточек из печки достану, попьешь с медком — сразу легче станет. Медок-то силу человеку придает.

Мелкими глотками пила Виктория обжигающий чай, а старуха, скрестив большие натруженные руки на груди, по-матерински заботливо разглядывала незнакомку.

— Ну как, полегшало? — спросила она, когда Виктория отставила в сторону чашку.

— Совсем хорошо стало, бабушка. Спасибо вам!

— На здоровье, детка... Что это у партизан обутки нет, что ли? Босые ходите, — глядя на разбитые ноги Виктории, спросила старуха.

— Обутки-то у всех есть, да с портянками беда.

— Вот оно что! — Крестьянка подошла к деревянной кровати и вытащила несколько вышитых по краям полотенец. Виктория залюбовалась, а старуха, заметив это, сказала: — Еще свадебные. В девичестве ткала и вышивала.

— Красивые они, бабушка.

— Красотой жив не будешь, — вздохнула старуха и без сожаления стала рвать полотенца на тряпки. — Заберешь с собой, хлопцам там или таким, как сама, передашь, — приговаривала она, завязывая свой подарок в узел.

— Ну, бабушка, мне пора, — встав с табуретки, сказала Виктория.

— Да что ты, голубка! Куда же тебе с такими ножками? Пожила бы у меня, молочка попила, подлечилась...

— И рада бы, да не могу, бабушка. Товарищи меня ждут и беспокоятся.

— Ну, коли так, я тебя провожу, — решительно заявила старуха. — Я в лесах-то этих родилась, все стежки-дорожки тут знаю.

Они дошли до развилки дорог и остановились.

— Здесь ты уже и сама дойдешь вот по той дороге, — сказала крестьянка и, обняв, поцеловала Викторию.

— Бабушка, — нежно прижимаясь к ней, как к матери, сказала Виктория. — Вот прощаемся мы с вами, а я так и не знаю, как вас зовут.

— Так и я же не спрашивала, как тебя зовут...
— Это другое дело, бабушка...
— Ну, коли тебе так уже хочется знать, то зовут меня Ксеней. Акси́нья Евдокимовна я, а по-уличному Клы́пиха. В селах-то наших это крепче, чем имя прилипает.
— А фамилия?
— Атрошешко.
Старуха с любовью посмотрела на Викторию.
— А тебя-то как же зовут, доченька. Может, сейчас скажешь?
— Викторией. Викой, бабушка.
— Будь же здоровенькой и счастливой, Вика, — снова обняв девушку, сказала Клыпиха.
Они быстро разошлись...

ВСТРЕЧА С ПЕТРЕНКО

Прошло больше недели, как Виктория Коренева вернулась в свой партизанский отряд. Без дела не сидит: шьет товарищам белье из трофейных парашютов. Привыкла к жизни партизанского леса. Просыпался он рано, когда солнце еще не появлялось. Люди усаживались у костров, получали свои порции картофельного супа или какого-либо крупяного отвара.

А чуть позже в штабной палатке бригады имени Пожарского собирались командиры отрядов, чтобы обсудить предстоящие дела. Оттуда каждый спешил в свое подразделение, чтобы поставить перед группой конкретные задачи. Одни направлялись в сторону железной дороги Гомель — Брянск, другие — на магистраль Бахмач — Конотоп. Третьим предстал путь до шоссеиной дороги Черчерск — Пропойск.

К полудню в лагере оставались только не получившие задания, да те, кому необходим отдых, а также больные и раненые.

Устроившись на земле под березами или елями, партизаны слушали беседы, как вести себя в лесу, узнавать по пезаметным приметам путь, умело замечать за собой следы. Новичков знакомили с тем, как обращаться с автоматом, гранатой, взрывчаткой.

Иногда Виктория ловила себя на мысли, что занимается не тем, чем нужно. Ведь, как ни говори, а она училась на курсах медсестер. А число раненых изо дня в день увеличивалось.

Ей вспомнился Медкин и раненый, которого она вырвала из рук смерти в лесу под Карповичами. Живы ли они?

Связь с Немченко уже давно прервалась. Но Шура Палей на днях передала с одним партизаном письмо, и в нем была приятная весть, что Немченко жив-здоров, что все те, кто знает Викторию, передают ей сердечные приветы, желают здоровья и успехов. В конце письма Шура очень сожалела, что они уже давно не встречались и, вероятно, не скоро еще увидятся. «Но ничего, Вика,— писала Шура,— победа будет за нами. И снова мы будем вместе, вместе учиться. Снова мы будем петь и веселиться так, как помнишь тогда, накануне войны, на мостике через озеро...»

Прочитав эти строки, Виктория невольно улыбнулась: Шура осталась прежней. Ей всегда все казалось легкодостижимым.

— Коренева! К командиру! — донеслось до Виктории.

— С бельем возиться другую подберем. А тебя раненые ждут,— сказал Виктории командир бригады Романенко, когда она явилась к нему.

Виктория уже давно ждала такого разговора и на миг даже растерялась. А Романенко это истолковал по-своему.

— Ты что, недовольна? Вернуть в строй одного раненого — это все равно, что убить на фронте трех фрицев,— сказал он.— И это понимать надо.

— Я понимаю, товарищ командир.

— Раз понимаешь, выполняй.

Вместе с другими медработницами Виктория промывала раны, накладывала повязки, ассистировала при операциях. Но мысль о Степане Медкине по-прежнему не давала покоя. Жив ли он или уже расстрелян?

Раз видела во сне отца. Совсем еще молодым. Он гневно глядел на нее. Виктория долго не могла успокоиться: «Неужели и его арестовали?»

Однажды ночью привезли новую группу раненых. Один был без сознания. Увидев его, Виктория вскрикнула:

— Степа?!

В землянке стоял полумрак. Но Виктория заметила, Медкин сильно осунулся, похудел, давно не брит.

— Что с ним?

Лежащий рядом раненный в ногу солдат сказал:

— Взрывали мост. Все погибли. Остались в живых я да Степан. Спасибо вашим ребятам, подобрали...

Крепкий организм, хороший уход сделали свое дело. Медкин быстро пошел на поправку. И однажды, когда Виктория несколько освободилась от ухода за ранеными, Степан рассказал о том, что так интересовало и волновало девушку.

Еще в мае Степан заметил, что находится под наблюдением. Следили не только за ним, но и за квартирой, видимо, рассчитывая установить тех, с кем он связан. Надо было срочно уходить из города. Но как уйти, чтобы не потащить за собой «хвост»?

В тот самый день, а быть может, в тот самый час, когда Виктория сидела в питомнике под охраной гитлеровца, Степан предложил своему знакомому Дорощенко поехать на рыбалку. Знал Медкин хорошо, что Дорощенко тайно работает на немцев и с ним можно совершенно безопасно выйти из города.

— Да, неплохо было бы порыбачить,— выслушав предложение Медкина, загорелся Дорощенко.— Червей припас?

— Позаботился... На двоих хватит...

Вечером Степан и Дорощенко с удочками пришли на берег Ипути. Солнце уже клонилось к закату, когда они закинули удочки. Но не успела еще даже проворная верховушка приблизиться к крючкам, как позади послышался голос:

— Ишь, расселись, господа!

Обернувшись, Медкин увидел за спиной вооруженных людей, в которых нетрудно было узнать партизан.

— Братишки, прихлопните вот этого гада. Он тайный агент, фашистский холуй,— обратился Степан к партизанам.

— А ты что за птица?

— Я свой, товарищи.

— Не верьте ему, товарищи,— подобострастно улыбаясь, залепетал Дорощенко.— Это он предатель. Он работает в мастерских старшим начальником.

— Это правда?

— Правда, но...

— Хватит! — оборвали Медкина.— Пойдем в отряд. Там разберемся, кто из вас прав.

Степана Медкина и Дорощенко доставили в партизанский отряд, расположенный далеко от Софиевских лесов.

Но там, к счастью, нашелся человек, который признал Медкина.

Предателя расстреляли. А Степана Медкина зачислили в отряд. Он уже несколько раз выполнял опасные задания, а во время взрыва моста — очередного задания — в завязавшейся перестрелке был ранен. Трудно сказать, чем бы все это кончилось для него и оставшегося в живых товарища, если бы не помощь подоспевших партизан из бригады Пожарского. Они и привезли раненых в лесной госпиталь.

Выслушав Степана, Виктория заинтересовалась:

— А нет ли у вас в отряде человека, который бы знал о делах в Новозыбкове?

— Есть. Тот самый, который за меня поручился. Вернулся с дурными вестями.

— С какими?

— Рассказывает, что немцы совсем расщипали после того, как наши стали активнее действовать. Наши до того осмелели, что в центре города большими буквами написали по-немецки: «Эс лебе геппе Сталин!» Да такой краской, что долго немцы не могли стереть. Ты знала Карпа Ивановича?

— Санитара?

— Расстреляли его за связь с партизанами.

— Какой ужас! — вырвалось у Виктории.

«А вдруг Карп Иванович не выдержал пыток, — подумала она. — Тогда конец и Аппе Макаровне и Вере Замотаевой. Да и отцу с Клавдией Алексеевной не поздоровится».

В это время в землянку заглянул командир отряда Малорусов.

— Коренева! Тебя зовет Романенко.

«Зачем я снова потребовалась командиру бригады? — думала с тревогой Виктория. — Сначала приказал заботиться о раненых, а теперь... может, допустила какую-либо оплошность?..»

Она дошла до штабной палатки и, несмело шагнув в нее, доложила:

— По вашему приказанию прибыла!

Романенко встал.

— Вот это и есть Виктория Коренева, товарищ Петренко, — сказал Романенко, обращаясь к чернявому молодому человеку. — Побеседуйте. А я пойду распоряжусь.

Долго разговаривал с Викторией Петренко. Расспросил о родителях, о родственниках, о том, как училась, когда вступила в комсомол. Виктория рассказала также, как начала работать в подполье, что делала в лагере военнопленных, какие задания по связи выполняла. Не утаила своих неудач, промахов.

Заметив, что Виктория внимательно осматривает рацию, Петренко усмехнулся:

— Вижу, дивчина ты любознательная. Это хорошо. Со временем все и узнаешь, и на ней научишься работать. А пока слушай и запоминай.— Он подошел поближе к Виктории.— Отныне ты разведчица. Сможешь порекомендовать хлопцев и девчат, на которых можно положиться, как на самое себя?

— В Повозыбкове такие есть.

— О Повозыбкове пока забудь. Туда тебе ходить нельзя. Ты мне дашь имена и, если помнишь, адреса этих друзей, а я с ними сам свяжусь. Кто самый надежный?

— Вера Замотаева. Она такая смелая, что позавидовать можно.

— Как раз такие и нужны.

— А что я у вас делать буду? — спросила Виктория.

— Пока будешь учиться... Да не смотри так удивленно, будешь учиться.

Петренко внимательно оглядел Викторию.

— Ты должна походить на деревенскую девушку. Понимаешь, что это значит?

— Отчасти,— скупо улыбнулась Виктория.

— То-то и оно, что отчасти. А надо полностью войти в роль деревенской жительницы, на имя которой получишь документы. Для начала подбери себе одежду. Вот там,— он указал на лежащие в углу вещи.

Виктория выбрала юбку, кофту, цветастый платок, отыскала ботинки нужного размера. Все это показала Петренко.

— Хорошо,— похвалил Петренко.— Когда переоденешься, подробнее поговорим,— и вышел.

Через некоторое время Виктория, переодетая во все деревенское, вышла из палатки.

— Ну, похожа я на селянку?

— Только пока по одежде. Ходишь по-городски, вроде бы пританцовываешь. А надо ходить так, как девушки и молодые женщины-крестьянки, с детства привыкшие к тяжелому физическому труду. Приглянись хорошенько,

и ты увидишь, что ходят они немножечко вразвалку, немножко сутуло, будто несут тяжесть за спиной. Вот посмотри.

И Петренко, сутулясь, немножечко вразвалку направился к берегу.

Виктория внимательно следила за Петренко и, когда тот вернулся, не выдержала, рассмеялась.

— Честное слово, — сквозь смех сказала она, — можно подумать, что это идет женщина и тащит на спине мешок с огурцами или картошкой.

— А ну, попробуй сейчас и ты так пройти, — посоветовал Петренко.

Виктория прошла раз, другой, третий, — до тех пор, пока Петренко сказал:

— Теперь почти все в порядке. Еще немного позанимайся, а потом мне покажешься.

Через пять дней Виктория показала Петренко свои достижения в «науке» ходить по-деревенски.

— Теперь можно и в путь, — сказал он.

— А куда?

— Все расскажу, не торопись. Пойдешь на станцию Злынка. Надо узнать, какие силы там накопили немцы. Какая у них техника. Если удастся — узнай маршрут движения эшелонов. И запомни, что теперь по документам ты уже не Виктория Коренева — горожанка. Об этом не забывай ни на минуту...

ПАНТЕЛЕЙ КАЛИНОВИЧ БАБЕНКО

Вера Замотаева, оповещенная через связного Васю Азбукина, шла на встречу с Петренко. Шла легко и смело. На руках у нее был пропуск. Получила его в комендатуре по без помощи заведующего пристанционным ларьком Пантелея Калиновича Бабенко.

Судьба не баловала Пантелея Калиновича Бабенко. Рос он сиротой на Харьковщине в бедной крестьянской семье. Уже с малых лет познал, что такое холод и голод, какой дорогой ценой достается ломоть хлеба.

В годы гражданской войны пошел крестьянский сын с оружием в руках отстаивать землю и волю и лучшую долю.

Вернулся к мирному труду двадцативосьмилетний Пантелей Бабенко, когда последний интервент был изгнан с советской земли.

Обстоятельства привели Бабенко на крупный железнодорожный узел Гомель. Стал он работать в железнодорожных мастерских, вступил в ряды партии большевиков в тот памятный год, когда не стало Ильича. Столяра Пантелей Бабенко уважали за честность, трудолюбие, принципиальность.

На станции Гомель решили открыть продовольственный магазин. Сравнительно быстро подобрали помещение, а вот с назначением завмага дело затягивалось.

Вызвали в те дни в партячейку коммуниста Бабенко.

— Ты подходишь на должность заведующего магазином по всем статьям, — сказал секретарь партячейки. А когда Пантелей Калинович стал возражать, секретарь нахмурился и произнес: — Да будет известно коммунисту товарищу Бабенко, что сам Владимир Ильич призывал нас научиться торговать.

Так по воле партии Пантелей Калинович Бабенко связал свою жизнь с торговлей. Некоторое время работал в Гомеле, потом, в году тысяча девятьсот тридцатом, переехал в Новозыбков, откуда была родом его жена. Вплоть до тысяча девятьсот тридцать седьмого года заведовал пристанционным продмагом. Показывал пример трудолюбия, честности. Не раз поощрялся за честную работу.

Но тут стряслась беда. Арестовали Бабенко, исключили из партии и посадили в тюрьму якобы за связь с белогвардейцами. Всё обвинение было шито белыми нитками. Вскоре в этом разобрались. Бабенко освободили, назначили заведовать буфетом при станции Новозыбков. Товарищи ему советовали подать заявление о восстановлении в партии, но он почему-то с этим не торопился.

Тем более был удивлен Пантелей Калинович, когда через полтора месяца после пачала войны его вызвали в районный комитет партии.

— Скажи честно, почему не добиваешься восстановления в партии, — спросил его секретарь райкома Семен Басин. — Не в обиде ли на нее?

— Партия у меня здесь, — показал Бабенко на сердце. — И за нее я готов, если потребуется, жизнь отдать.

— Я так и думал, — посветлел секретарь райкома партии. — Тогда у нас будет очень серьезный разговор.

Из этого разговора Бабенко узнал, что положение на фронте очень тяжелое. Что падение Гомеля — дело дней. Что Новозыбков готовится к эвакуации. А что такое Новозыбков в военном отношении, каждому понятно. Ведь

железнодорожный путь ведет на Москву, да еще и железнодорожная ветка связывает с Новгород-Северским, точнее с Украиной.

— И вот, — закончил Басин, — поразмыслив, мы на бюро райкома партии решили здесь оставить группу верных людей для подпольной работы. В числе их назвали и тебя. И вижу, что не ошиблись. — Секретарь райкома крепко пожал руку Бабенко: — Так что считай себя членом подпольной группы. А в нужное время получишь дальнейшие указания.

Так Бабенко оказался на территории, оккупированной фашистами. Тщательно собирал он данные о проходящих воинских эшелонах и полученные сведения передавал партизанам через «почтовый ящик» — дупло в столетнем дубе, стоящем в пригородном Карховском лесу.

В один из дней на станции Новозыбков остановился эшелон с русскими военнопленными. К вагонам побежали женщины. Они старались голодным, изможденным парням передать картошку, капусту, свеклу, огурцы. И тут раздалась автоматная очередь. Замертво упали несколько женщин.

Неожиданно всегда молчавший бывший бухгалтер дистанции пути Павел Донцов крикнул:

— Убийцы! И на вас скоро управа найдется!

Он готов был кинуться на автоматчика, но его вовремя остановил Пантелей Калинович, который рядом с Донцовым работал на ремонте пристанционных железнодорожных путей.

И вот случилось то, чего опасался Бабенко. Фашисты разыскали Донцова и куда-то увели.

Донцова люди, работающие на ремонте железнодорожных путей, увидели спустя несколько дней. В морозный день его с группой неизвестных привезли на грузовике. Руки у людей были связаны колючей проволокой. Разутые, раздетые они едва держались на ногах. Людей согнали с машины и погнали через железнодорожные пути к стоящему в стороне вагону. Вместе с другими, едва передвигая ноги, шел Павел Донцов. Его подвели к вагону и приказали взобраться. Он попытался это сделать, но упал. Тогда два дюжих немца схватили его за руки, раскатали и бросили в товарный вагон. Как стало известно, вагон отправлялся в гомельский лагерь.

Об этом, спустя день, узнали железнодорожники и рабочие мастерских, читая листовку. Написанная на развер-

Нутом листе из ученической тетради красными чернилами, она сообщала об отправке патриотов, заподозренных в связях с партизанами, на смерть в гомельский концлагерь. Листовка звала к усилению борьбы с немецкими оккупантами. Писал эту листовку Пантелей Калинович Бабенко. А вывесили ее юные друзья-подпольщики.

...Взлетели в воздух стоявшие на станции две цистерны с горючим. И здесь не обошлось без участия Бабенко. В это время был он уже назначен заведующим продовольственным ларьком при железнодорожных мастерских. На эту должность его рекомендовал сам начальник полиции бывший инкассатор банка Корсаков. Часто по роду работы встречался он с Бабенко, заезжая в магазин за выручкой. Рассчитывал, что Бабенко затаил злобу на Советскую власть, а потому и не эвакуировался.

Приглашенный к Корсакову для беседы, Бабенко постарался не разочаровать предателя. Да, он всеми фибрами души ненавидит Советскую власть, которая его незаконно арестовала. Он готов все сделать, чтобы только отомстить Советам. Потому добровольно пошел ремонтировать железнодорожные пути, хотя ему уже под пятьдесят и физически трудиться уже очень тяжело. Но только об одном хотел бы попросить Корсакова — денек повременить, чтобы посоветоваться с супругой. Ведь, как ни говори, она вторая половина и с ней не считаться нельзя.

Корсаков удовлетворил просьбу Бабенко. А тому это нужно было, чтобы испросить согласия товарищей из партизанского отряда, с которым был связан.

...В ларек к Бабенко несколько раз заглядывал знакомый железнодорожник Михаил Янков. В дни оккупации выехал он в село, заимел лошадь. По приказу фашистов он доставлял по тужповинности дрова на пристанционный склад.

Долго присматриваться к Янкову не приходилось. Бабенко знал его, как хорошего советского человека. А доверительные разговоры лишний раз убедили, что Янков свой человек, на которого можно спокойно опереться.

— Ездишь через Деменский лес? — спросил Бабенко.

— Случается, — ответил Янков.

— Тогда к тебе просьба. Когда придется ехать Деменским лесом, остановись возле колодца у домика лесника. Из него трижды почерпни воду. Журавль там скрипучий. Тебя обязательно услышат. Если тебя спросят: «Ну как,

лошадку напоил?» — ответ: «Хорошо напоил» и передай вот эту записку.

Янков понял, что дело срочное и сразу же направился в Деменский лес. Он сделал все так, как посоветовал Бабенко. В результате в руки командира партизанской группы Михаила Алексеевича Левченко попало донесение о цистернах с горючим на станции Новозыбков. А дальше уже удачно сработали партизаны-подрывники...

НОВЫЕ СИЛЫ

Вера Замотаева, как и Виктория Корепева, хорошо знала Пантелея Калиновича Бабенко. Не раз ему передавала листовки, и они сразу становились достоянием железнодорожников.

И когда Вере потребовался пропуск, она за помощью обратилась к Пантелею Калиновичу.

Писарь комендатуры долго не желал выдать Вере Замотаевой пропуск. Но Бабенко убедил его, что Замотаева на стороне «нового порядка», что побольше бы таких искренне преданных делу великого фюрера девчат. Писарь давно был знаком с Бабенко и не раз пропускал у него «в долг» стаканчик водки, которую Пантелей Калинович как-то ухитрялся доставать для начальства.

Идя к Петренко, Вера прикидывала, о чем может быть разговор. Подпольная молодежная группа, после ухода Виктории в партизанский отряд, выросла. В нее теперь входили молодая учительница Вера Белугина и Вася Шишкин — сторож склада.

Белугину Вера Замотаева еще знала с детства. Завидовала ее пещной и открытой влюбленности в жизнь. Она восхищалась новой стройкой и новой книгой не просто, а от души, да так, что заражала подруг. Бывало, журнал на стол кинет:

— Верочка, ты только посмотри. Гигантскую электростанцию строить начали. Эх, мне бы туда...

...Белугина как-то забежала к Вере Замотаевой взволнованная.

— Тяжело сидеть без дела, когда кругом такое творится.

— Мне тоже нелегко.

— Ты — другое дело. Смелая, напористая. Для тебя всегда работа найдется. А я... — и Белугина вздохнула, — умею только восхищаться.

Вера Белугина. Снимок
1940 года.

— Верка, да ты ведь неправду говоришь. Ты только чуточку растерялась. Разве тебе нечем заняться?

— Подскажи. Есть же такие счастливицы, которые листочки расклеивают...

— За такое расстреливают...

— А я думала, что ты меня хорошо знаешь, — обиделась Вера Белугина. — Ведь сама меня не раз хвалила за решительность.

— То было, а сейчас иные времена: война, да еще какая — жестокая, кровопролитная...

Несколько раз бывал у Веры Замотаевой Вася Шишкин. Зайдет, сядет и молчит.

Смотрит, смотрит на него Вера Замотаева и скажет:

— Ну, молчун, долго еще так сидеть будем?

Вася застенчиво улыбнется:

— А мне и так хорошо.

Однажды Вася разговаривался.

— Если бы не это, — указал он на свою изувеченную руку, — так только меня тут и видели...

«А Вася Азбукин уже партизан», — тепло подумала Вера Замотаева.

...Мало-Ленинская улица Новозыбкова. Здесь живут два друга, два Васи — Азбукин и Шишкин — и много других мальчишек. Среди них одна-единственная девчонка она, Вера Замотаева.

Васи родились в том памятном году, когда страна хорила Владимира Ильича Ленина. А Вера была на полтора года старше их. Рослая, ловкая, смелая, выступала затейницей разных игр. Особенно любила играть в «Чапаева». Уж очень ей хотелось быть полководцем, но друзья воспротивились, и она стала Анкой-пулеметчицей, хотя все-таки верховодила. Вася Шишкин — Чапаевым, а Вася Азбукин — его ординарцем Петькой.

В одном из «сражений», отбиваясь от «врагов» деревянной саблей, «Чапаев» упал и сломал себе руку. Было

бы полбеда, если бы только сломал, а то и какие-то связки повредил. Кость срослась быстро, но рука перестала сгибаться. Из-за этого Васю Шишкина не взяли на фронт. Из-за этого боялся он податься в партизаны.

...Мысли Веры Замотаевой оборвались — впереди показался дом лесничества, стоящий на пути к месту встречи с Петренко. Замотаева замедлила шаги, осторожно поднялась на ступеньки крыльца.

— Кто там? — раздался басовитый голос, и в дверях вырос плечистый мужчина.

Вера от неожиданности отпрянула.

— Чего испугалась? Замотаева? — спокойно спросил мужчина.

Вера молча кивнула головой.

— Сейчас Васю Азбукина разбужу.

Не прошло и пары минут, как Азбукин уже стоял возле Замотаевой.

— Пошли...

Стараясь не отстать от Васи Азбукина, Замотаева старалась представить, какой будет встреча с Петренко. Думалось, что, возможно, с ним появится и Виктория. Вот уж поговорили бы. Прежде всего она, конечно, сообщила бы, что неделю спустя после ухода Виктории в партизанский отряд возвратился из Гомеля Фабри. Бодрый, повеселевший. Правда, побег военнопленных из-за его отсутствия несколько оттянулся, но теперь, несомненно, очень даже скоро осуществится.

— Вася! — позвал кто-то из-за густых сосен, когда Вера Замотаева и Вася Азбукин поравнялись с небольшим мостиком через лесной ручей. Показался человек с широким веснушчатым лицом и покрасневшими, видимо, от усталости глазами.

— Здравствуй, дружище, — приветствовал незнакомца Вася Азбукин.

«И чего он так фамильярничает с Петренко?» — подумала Замотаева. Она себе совсем не таким представляла Петренко и даже расстроилась темного.

— Хорошо, что точно явились, — сказал веснушчатый. — Для нас это очень даже важно.

Они втроем направились в глубь леса. Прошли немного и остановились. У старой криницы, на полусгнившем срубе стояла банка из-под консервов. Человек, которого Замотаева все еще принимала за Петренко, взял банку, нагнулся и зачерпнул студеную воду.

— Пей,— предложил он Замотаевой, на уставшем лице которой блестели росинки пота.

Вера с удовольствием взяла банку.

— Большое спасибо,— поблагодарила она, напившись, и на минуту задержала банку, решая, кому ее передать.

— А мне тоже можно? — вдруг раздалось совсем рядом. Это сказал молодой черпавый человек. Он был роста выше среднего, по-военному подтянут, строен. Карие глаза были чуть-чуть прищурены и почти не мигая смотрели на собеседника.

— Петренко! — протянул он большую, сильную руку Замотасвой. — Добре добрались?

— С такими провожатыми не пропадешь,— улыбнувшись, показала Замотаева на Васю Азбукина и веснушчатого человека.

— Представь себе,— по рассказам товарищей я тебя такой и представлял,— сказал Петренко, разглядывая внимательно Замотасву.

— Виктории здорова? Можно с ней увидеться? — спросила Вера.

— Здорова и невредима. Только сейчас она далеко отсюда... Но это сейчас не главное. Садись вот сюда на травку, побеседуем. И ты, Вася, устраивайся поближе. Догодываешься, Вера, почему я тебя пригласил?

— Немного...

— Вот и хорошо. Надо организовать в Новозыбкове еще более активный сбор сведений о фашистах. Ты на это способна, но, разумеется, одна не справишься. Ведь в городе есть и военные склады, и части, которые отозваны с фронта на отдых, и такие, которые направляются на фронт. Обо всем этом нам надо иметь самые подробные сведения.

— Постараемся все сделать,— ответила решительно Замотаева. — Ведь мои друзья — советские люди с головы до пят.

— А чем они занимаются?

— Вася Шипкин работает сторожем на складе строительных материалов. Вера Безугна домовничают. У них большая семья. Матери помогает.

— Оба комсомольцы?

— Конечно!

— Побеседуй с каждым из них, расскажи о задачах, предупреди, чтобы были очень внимательны. Нам нужны не просто сведения, а точные. Старайтесь запомнить род

войск, нумерацию частей, количество и характер боевой техники и, что очень важно, расположение штабов.

— У нас есть и предприятия, и мастерские, работающие на фашистов.

— Это тоже важно нам знать... Не худо будет, если удастся выудить военные карты, приказы, распоряжения. Все это для успехов наших на фронтах требуется.

— А как дела-то на фронтах?

— Наши бьют немцев и в хвост и в гриву. А до победы еще далеко. И мы должны все сделать, чтобы помочь приблизить эту победу.

— Как же мы будем сведения передавать?

Петренко встал, подошел к старой сосне, спрятавшейся среди белоствольных берез и густого орешника, и показал на дупло в дереве:

— Вот здесь будет наш «почтовый ящик». Все донесения следует опускать сюда. Ни слякоть, ни завируха, ни даже болезнь не должны помешать этому. Действия нашей почты может прекратить только смерть.

УДАР! ЕЩЕ УДАР!

В летнем небе зажглись одинокие звезды. Темень все плотней окутывала город.

Расчесав волосы и надев ночную рубашку, Вера Замотаева подошла к постели, сняла тапки и...

Дом потряс страшный взрыв. Зазвенела посуда в шкафчике. В комнате стало светло, как днем.

«Они! — с радостью подумала Замотаева, прижимая руки к сердцу. — Сработала наша почта».

Три дня назад Вера ходила к ларьку у станции. Пантелей Капинович ей сообщил:

— На перегоне Повозыбков — Новгород-Северский, за первым переездом, немцы поставили эшелон горючего.

Вера Замотаева тут же поспешила к лесному «почтовому ящику» и опустила в дупло донесение. Все эти дни она тревожилась, ожидая какого-либо ответа от Петренко и — вот он, этот ответ.

— Мапочка, наши прилетели, — разбудила Вера спавшую Екатерину Ануфриевну и кинулась к двери.

В этот миг дом снова качнуло. Но Вера не остановилась, выбежала на крыльцо.

— Куда ты, доченька? Накинула бы что-нибудь на себя, — попыталась остановить ее Екатерина Ануфриевна.

Екатерина Ануфриевна,
мать Веры Замотаевой.
Снимок 1968 года.

За станцией к небу черной тучей поднимался дым, из которого выхлестывалось клокочущее пламя. Ясно было, что пылает горючее.

Вера взглянула на лагерь военнопленных и увидела, что десятки русских парней с радостью наблюдают за действиями советской авиации. Возле них мечется охрана, прикладами загоняя в помещение. Чтобы избежать зверской расправы, военнопленные нехотя покидали свои места, но и уходя, каждый старался обернуться, чтобы еще раз насладиться результатами бомбового удара.

Когда бомбежка прекратилась, Вера вошла в комнату.
— Что там, доченька? — тревожно спросила Екатерина Ануфриевна.

— Наши самолеты разбомбили немецкий эшелон с горючим! — задыхаясь от радостного волнения, ответила Вера.

— Слава богу! — перекрестилась Екатерина Ануфриевна.

— Не богу слава, а советским летчикам слава, — поправила Вера.

«Дела идут как будто неплохо, — лежа в постели, думала Вера Замотаева. — Пантелей Калинович — отличный человек. Он не только помогает Петренко, но выполняет задания подпольного райкома партии. И Вера Белугина — деловитая дивчина. Позавчера ей передали листовки, а вчера их уже увидели люди у входа на территорию бывшей спичечной фабрики, где сейчас мастерские. Хитро и быстро... Вася Шишкин, этот тихоня, ей сильно помогает».

С недавнего времени в пятницу, как только Вася Шишкин приступал к сторожевой службе, возле склада появлялась Вера Белугина. Знали ее здесь, как невесту Шишкина, и потому допускали. Да и такой совсем военный склад охранялся слабо. Туда заходили многие.

Молодые люди садились рядом, беседовали, громко смеялись, и Вера Белугина незаметно передавала Васе листовки. Он прятал их в штабелях брусьев, а утром, уходя домой, забирал с собой и почью тайком расклеивал или просто разбрасывал на заданных улицах.

Но в субботнюю ночь, после бомбежки эшелона с горючим, немцы увеличили число патрулей. Поэтому Шишкин решил выполнить задание ранним утром в воскресенье.

Он привычно обмотал листовками голени, обул сапоги, взял удочку, банку с червями, полузаполненную землей, и направился к озеру. Впереди показался немецкий патруль. Отступать было некуда, и Шишкин пошел навстречу немцам.

— Хальт! — приказал патрульный.

Шишкин остановился.

Один из немцев, постукивая пальцами по стеклу наручных часов, ждал ответа, куда дескать в такую рань идет парень.

Шишкин при помощи некоторых уже выученных немецких слов и жестов объяснил, что именно в такой утренний час рыба очень даже хорошо клюет.

Немцы переглянулись, еще раз с головы до ног окинули Шишкина, снова показали на циферблат часов и, погрозив пальцем, отпустили.

Едва патруль, видимо, к счастью Шишкина, состоящий из мобилизованных гражданских немцев, скрылся за углом, как Вася разулся. Он вынул листовки и принялся засовывать их в почтовые ящики домов, подворотни, забрасывать во дворы. Когда не осталось ни одной листовки, он перешел на другую улицу и пошел к озеру.

Озерная гладь сверкала, словно зеркало, на которое направлены фонари. Она уже начинала покрываться позолотой солнечного утра и среди этой позолоты то тут, то там серебряными искрами вспыхивали разыгравшиеся рыбешки.

Выбрав место поудобней под развесистой ивой, Шишкин закинул удочки.

Постепенно вдоль берега появилось несколько десятков рыболовов. Не только ради спортивного интереса, а главное, чтобы в какой-то мере восполнить скудную пищу, пришли они сюда в такой ранний час.

Утро вступало в свои права. И клев становился все хуже. Рыболовы, словно сговорившись, стали покидать бе-

рег. Смотав удочки, направился домой и Вася Шипкин.

— Накопец-то, Вася,— встретила Шипкина у калитки мать.— А я уже так волновалась...

— Зря, мама. Ничего со мной до самой смерти не случится. Не один же я хожу рыбачить.

— Так-то оно так, да беспокойное нынче утро.

Помолчав с минуту, Анна Дементьевна продолжала:

— У Иванихи на воротах полицейский утром сорвал листовку. Большими печатными буквами на ней написано, будто фашистам скоро капут.

— Так и написано: «Скоро капут»?

— Так, сынок, так. Это я хорошо запомнила. Вместе с другими смотреть туда ходила, когда полицейай срывал листовку. И знаешь, какая потеха была?

— Какая?

— На листовке было написано: «Срывать опасно. Заминировано!»

— И полицейай испугался? — рассмеялся Вася.

— Иваниху заставил сорвать, трус жалкий.

Вася вынул карасей из корзины и вместе с матерью начал их чистить.

Зашла соседка, перекрестилась, села на лавку, испуганно косясь на дверь.

— Ой, Дементьевна, что делается, родная,— стала причитать она.— Рассвирепели... Сказывают, ночью обыск был у врачихи нашей Анны Макаровны... Парнишка се так испугался, что заикаться стал...

— Так ей и надо. Пусть с полицаями не путается,— плюнула Анна Дементьевна.

— А мне жалко ее. Сколько девчат наших спасла...

— Ее арестовали?

— Отпустили. Говорят, заступился квартирант...

Внимательно слушал Вася этот разговор. Слышал он, что Анна Макаровна человек, что надо. Хороший хирург, врач-гинеколог, пользующийся очень большим авторитетом у населения и среди обслуживающего персонала больницы. «А полицейай, с которым она живет,— думал Вася,— видимо, не такой уж плохой парень».

Совсем недавно, приклеивая листовку к стене дома бургомистра Пемцева, Вася чуть не попался. Перед ним будто из-под земли вырос полицейай. Но не задержал Шипкина, а только сурово сказал:

— Осторожней надо, сопляк!

Вася заинтересовался полицаем. И узнал, что это Иван Пристрем. До войны вроде учился в юридическом институте.

Теперь, услышав, что полицай заступился за Мурзинову, Вася подумал: «А не работает ли парень на нас?» Но узнать такое было не так-то просто. Он решил об этом спросить Веру Замотаеву. Пусть попытается выяснить, кто же все-таки такой Иван Пристрем.

Почистив карасей, Вася разогрел сковороду. Весело затрещало на ней, запахло жареным. Анна Дементьевна стала готовить к столу.

— Все тяжелее и тяжелее жить, — садясь вместе с Шишкиными за стол, жаловалась соседка. — Раньше, бывало, пойдешь в село и чего-нибудь выменяешь, а сейчас они везде, как псы, рыщут, никуда не пускают.

И в самом деле гитлеровцы усилили посты на дорогах, стали тщательнее проверять документы. Но это не коснулось Пантелея Калиновича Бабенко. Он по-прежнему ходил свободно. Особая повязка на рукаве служила ему надежным пропуском.

Рапо утром, направляясь в ларек, Бабенко внимательно примечал все, что стоит на путях. Идя на обед, отмечал, какие изменения произошли за минувшие часы. А вечером как бы подводил итог, стараясь как можно отчетливее представить, что произошло за день на железнодорожном узле.

Но не только личные наблюдения служили информацией для Бабенко. По разговорам, которые вели рабочие, приходившие за продуктами, по обрывкам фраз начальства он узнавал дополнительные сведения, которые часто представляли значительную ценность.

Квартира Бабенко находилась за линией железной дороги, недалеко от ларька. В свободное время Бабенко поднимался на чердак и наблюдал, что делается на железнодорожных путях.

Жена его Елизавета Александровна догадывалась, что Пантелей Калинович занят не только ларьком. Она несколько раз даже примечала, что муж передавал какие-то бумажки Михаилу Ивановичу Янкову, когда тот уезжал в лес. Но Елизавета Александровна считала, что ей нечего вмешиваться в дела мужа и что не стоит его расспрашивать о том, что он сам сказать не желает.

Она только тяжело вздыхала, видя, как муж по ночам на некоторое время куда-то исчезает. Но раз, когда Пан-

телой Калинович задержался несколько дольше обычного, Елизавета Александровна, прикоснувшись к нему, чуть ли не плача, сказала:

— Пожалел бы хотя их. — И указала на кровать, где обнявшись спали дочери: десятилетняя Неля и трехлетняя Лиля. — И о Марии подумай. Ведь небось с детьми тоже на твоём изживении. А Георгия с того света не вернешь. — Елизавета Александровна имела в виду брата своего — мужа Марии, Георгия Александровича Простакова. До войны работал он в Бресте заместителем начальника дистанции пути по полнотчasti. Спасая железнодорожное добро, погиб еще в начале войны Георгий Простаков, а семья его приехала в Новозыбков, где и жила у Бабенко.

В ту ночь, когда Елизавета Александровна чуть ли не заплакала, Бабенко несколько раз стонал во сне. С ним такое бывало не раз. В такие минуты во сне Бабенко спорил с самим собой. И получалось так, что довоенный Бабенко был слабее Бабенко военных дней. Последний уступал физически, но выигрывал морально.

«Зачем ты, Пантелей, вступался в это дело? Заведовал бы ларьком, кормил семью и жил в свое удовольствие», — говорил довоенный Бабенко.

«Нет, не единым хлебом человек сыт. В такое суровое время тем более я не имею права оставаться в стороне», — отвечал Бабенко военного времени.

«Но ведь ты исключен из партии, тебе выразили политическое недоверие. И хотя выпустили из тюрьмы, ты все же был беспартийным и в должности тебя понизили. Пристанционный продмаг не сравнить с буфетом, куда тебя направили после возвращения из тюрьмы», — настаивал тот Бабенко из довоенных лет.

«Меня не партия исключила. И я — коммунист, хотя и без партийного билета, но коммунист», — отстаивал Бабенко, участник подпольной борьбы с немецко-фашистскими оккупантами.

Взрыв, прогремевший в субботний вечер на линии, где стоял эшелон с горючим, удесятерил силы Бабенко. Смысл его труда приобретал все более осязаемый и отчетливый характер.

Все чаще поступали от Бабенко важные сведения. Они передавались Петренко, ими пользовался подпольный райком партии. А где-то в штабах дивизий и армий эти сведения уточняли, наносили на карты, использовали для того, чтобы сильнее бить по фашистским войскам.

СЕРЕЖА КАЛМАКОВ И ДРУГИЕ

Отец Сережи Калмакова был страстным охотником. В свободное от работы время Кирилл Петрович Калмаков брал с собой в лес и сына. По едва уловимым приметам он обучал Сережу определять части света, угадывать, когда и какое животное или зверь прошли по тропке, где отыскать воду, как в сырую погоду разжечь костер, имея всего одну спичку. В общем, обучал охотничьей сметке и мастерству.

Но доучить сына машинисту не удалось. Простудился он на охоте, слег, да больше и не встал. Осталась жена Евдокия Павловна с детьми, младшему из которых, Сереже, едва минуло двенадцать.

Оставил покойный охотник в наследство своей жене и детям старое, выдавшее виды ружье. Уже в тринадцать лет Сережа частенько хаживал на охоту. Бродил по лесу, который знал, как свою родную улицу. И в редких случаях возвращался домой без добычи.

Вот уже и восьмой класс закончил. Осенью Сережа пойдет в девятый, будет учиться в школе железнодорожников, здание которой новенькое, двухэтажное, красуется на высотке, рядом с сосновым бором. Хорошо будет заниматься в светлых просторных классах, несколько не похожих на маленькие комнатунки старой школы.

Но война перепутала все планы и наметки Сережи. Она спугнула семью Калмаковых с насиженного места. Захватив с собой несколько узелков с самым необходимым, Евдокия Павловна с детьми направилась на восток. Но не уехала. Все дороги были перерезаны наступающими фашистскими войсками. Пришлось вернуться назад.

Улица Красина, на которой стоял дом машиниста Кирилла Калмакова, теперь казалась Сереже до странности чужой. Опасаясь бомбежек, ее покинули жители: одни успели уйти на восток, другие — в деревни, где было не так холодно и голодно. И только немногие, у которых не было родственников в селах, остались на месте. В числе их была и семья Калмаковых.

Тяжело было Сереже видеть разрушенное здание новой школы. Уцелевшие прочные стены ее фашисты долбили ломами, перевозя кирпич на станцию.

Не раз в те дни поглядывал как-то сразу повзрослевший Сережа на то место, где когда-то висело ружье, и с горечью думал: «И как это я не уговорил маму, чтобы не

Сергей Калмаков. Снимок
1950 года.

продавала она его? Ох, и пригодилось бы мне оно сейчас».

Так прошла суровая осень тысяча девятьсот сорок первого года, протянулась тревожная зима тысяча девятьсот сорок второго года. Школа не работала, и Сережа не знал, куда ему деваться. Он тяжело раздумывал над тем, что делать, как жить дальше.

В марте тысяча девятьсот сорок второго года, как-то возле ларька Пантелея Калиновича Бабенко Сергей неожиданно встретился с Иваном Степановичем Кузьменко, другом своего покойного отца. Слышал от матери Сережа, что Иван Степанович живет в селе Паломы, затеряншемся в Софиевских лесах,

что там он раздобыл лошадь, которую использует, чтобы сводить концы с концами.

— Здравствуйте! — поздоровался Сережа с Кузьменко. — Вы меня не узнаете?

— Ты не сынок ли покойного Кирилла Петровича?

— Ага, — обрадовался Сережа и тут же погрустнел. — Без бати вот теперь тяжело.

— Да, тяжело вам приходится, — посочувствовал Кузьменко. — Что же ты до сих пор не заявил о себе?

— Да так, не приходилось встречаться, — краснея, ответил Сережа. — Ведь теперь вы в Паломах, кажется, живете?

— В Паломах. А что?

— Партизан там много?

— Тише ты! — цыкнул на него Кузьменко, оглядываясь по сторонам. — А собственно говоря, почему это тебя интересует?

— Хочу уйти к ним, дядя Ваня.

— Ишь ты, шустрый какой, — усмехнулся Иван Степанович, и глаза его потеплели. — Приходи ко мне в Паломы, там поговорим. Но-о, милая! — Кузьменко дернул поводьями, увидев работницу столовой Кубрикову. И, не попрощавшись с Сережей, поспешно уехал.

Поутру Сережа двинулся в Паломы. Весенняя распутица была еще полной хозяйкой на дороге и идти было очень тяжело. Пот покрыл лицо, рубашка прилипла к телу. Но он не обращал на это внимания — спешил.

Иван Степанович принял Сережу радушно, накормил досыта.

— Значит, хочешь повидать живого партизана? — с улыбкой спросил он, а когда Сережа утвердительно кивнул головой, предложил:

— Пошли!

Как показалось Сереже, лесом они шли очень долго и, когда Иван Степанович сказал «пришли», он уставился на него, полагая, что дядя Ваня шутит, так как никаких партизан не было видно. Но вдруг, как из-под земли, появился молодой парень в форме советского лейтенанта.

— Кого это ты привел, Степаныч? — пожимая Кузьменко руку, спросил он.

— Да вот малец, Сережа, сын моего покойного друга, с которым ездил на одном паровозе. Захотел, видишь ли, посмотреть на живого партизана. Не смог отказать, — ответил Кузьменко.

— Отец погиб?

— Нет, он еще до войны умер, — сказал Сережа. — Простудился на охоте. Хороший охотник был. И меня учил. Я хорошо стреляю. Метко.

— Так что же ты хочешь? — спросил лейтенант.

— В партизаны хочу. К вам...

— Ты, браток, нам пока не подходишь, — окинув худенькую фигурку подростка, сказал лейтенант. — Маловат.

— Это я маловат? Да мне семнадцать! Я уже могу все, все...

— Это ты, браток, можешь делать и в Новозыбкове.

— Как это... в Новозыбкове? — удивился Сережа.

— А так вот. Иван Степанович тебе все расскажет и покажет, — сказал на прощание лейтенант. Он пожал Кузьменко руку, похлопал успокаивающе по плечу Сергея и, циагнув в густые заросли, словно провалился.

— Почему, дядя Ваня, партизан в военной форме? — полюбопытствовал Сергей.

— Для солидности, — то ли всерьез, то ли шутя ответил Кузьменко.

— Нет, я серьезно спрашиваю.

— Я серьезно и отвечаю... Сейчас главная твоя задача устроиться на работу. Лучше всего на железную дорогу или в мастерские.

— На работу я устроюсь быстро,— заверил Сергей.

— Когда устроишься, скажешь мне. Тогда и расскажу, что тебе надо делать,— закончил Кузьменко.

Однако прошло немало дней, пока Евдокия Павловна, используя свои еще довоенные связи, устроила сына учеником в железнодорожные мастерские. Здесь рядом с большинством вольнонаемных трудились и военнопленные из трудового лагеря, где комендантом был Вольф. Военнопленных пригоняли на работу под конвоем, часто оставляли без обеда. Сергей делил свой скудный завтрак пополам с военнопленным Борисом Сурковым. Горе сблизило их, душевно породнило.

От Суркова-то Сергей узнал, что в лагере военнопленных есть художник, к которому часто ходит девушка Виктория. Есть еще там маленький по росту чернявый человечек, которого все зовут Фабри. То ли имя такое, то ли фамилия — никто не знает. Фабри и Фабри. Человек этот хороший, и военнопленные его уважают, хотя комендант Вилли Вольф его часто использует как переводчика.

— А ты с кем сам дружишь? — поинтересовался Сергей.

— С Андрюшей Коробовым. Славный малый! Да я тебе о нем как-то рассказывал,— и Сурков умолк.

Встретился Сергей с Кузьменко. Поговорили. И когда Сергей заговорил о задании, Иван Степанович сказал:

— Для начала будешь мне раз в две недели сообщать обо всем том, что происходит в ваших мастерских. Какую продукцию и в каком количестве производят. Куда отправляют. Что говорят между собой рабочие. Прислушивайся к разговорам начальства. Одним словом, ты будешь нашими глазами и ушами в мастерских.

Во время очередной встречи Сергей заговорил о более ответственном задании.

— Не торопись! На все свое время,— ответил Кузьменко.— Но учти, что сейчас ты выполняешь ответственное и рискованное задание. Если узнают немцы — расстреляют немедленно.

Однажды, когда, вернувшись с работы, Сергей отдыхал, неожиданно-негаданно объявился Кузьменко. Обождав, пока Евдокия Павловна выйдет на кухню, Иван Степанович сказал:

— Дело у меня к тебе есть очень важное, только не знаю, сможешь ли ты его исполнить. В лагерь военнопленных надо...

— Так у меня же там друзья, дядя Ваня! — воскликнул Сергей. — Целых два — Борис и Андрей.

— Значит, мы не зря решили привлечь тебя к этому делу, — удовлетворенно сказал Кузьменко. — Слушай и запоминай. Из лагеря к партизанам надо вывести группу военнопленных. Ты будешь проводником. Я тебе потом скажу, куда вести людей, а пока свяжись... Познакомься... Там есть такой Кузьма...

Но знакомству не суждено было состояться. Двенадцатого июня, когда Сергей пришел домой на обед, прибежал Андрей Коробов. Он отдышался от быстрого бега и сообщил:

— Кузьма арестован... Просил предупредить, чтобы ты, пока не поздно, уходил в лес. — И, показывая солдатский котелок, добавил: — Благодаря вот ему до тебя добрался. Сказал охраннику, что комендантша послала за сметаной.

Сергей взглянул на свою сестру, и та, сообразив, в чем дело, выбежала на улицу покараулить. Но тут же возвратилась и испуганно крикнула:

— Охранник!

Сергей и Андрей мгновенно выбежали во двор и огородами побежали к лесу, до которого было рукой подать.

— Здесь военнопленный Андрей Коробов?! — входя в квартиру Калмаковых, спросил охранник. — Предупреждаю, что за укрывательство понесете суровое наказание.

— У нас, мил человек, никакого постороннего не было, — ответила Евдокия Павловна и, заметив, что охранник косится на накрытый стол, пояснила: — Вот обедаем с дочерью. Милости просим к столу.

Охранник нахмурился.

— Сосед сказал, что Коробов зашел к вам.

— Это какой же сосед? Врет он...

— Врет?! А это что? — указал охранник на котелок, второпях забытый Коробовым на окне. — Отвечайте, где Коробов? Не то всем вам будет плохо! — Охранник прошелся по комнатам, но никого не обнаружил. Тогда он слезил под кровать, заглянул в подпечье... Открыл дверь чулана и испуганно отпрянул: там что-то шевелилось!

Охранник с криком «Партизаны!» выбежал из дома.

Андрей Коробов. Снимок
1950 года.

Скоро улица Красина напоминала поле боя. Ее заполнили солдаты из эшелона, следовавшего на фронт и задержавшегося на станции Новозыбков. Они стреляли, хотя никого не видели.

— Тут,— указал охранник на дом Калмаковых.

В это время к калитке подошли две женщины — Евдокия Павловна с дочерью Верой.

— Матка, где есть партизан здесь? — подскочил к Евдокии Павловне немецкий офицер.

— Да какие партизаны... Никаких партизан здесь не было и нет,— стараясь скрыть волнение, ответила она.

— Врешь! — фашист зло толкнул женщину. С трудом

удержавшись на ногах, Евдокия Павловна как можно тверже повторила:

— Никаких партизан здесь не было и нет...

Немцы буквально перевернули все в доме Калмаковых, но обнаружили в чулане только... кошку.

...Охранник доставил Евдокию Павловну и Веру в лагерь.

— Партизаны. Помогли бежать Андрею Коробову,— доложил он Вилли Вольфу и стал как вкопанный, ожидая распоряжений.

— Ее,— указал Вольф на Евдокию Павловну,— в подвал. А девка останется у меня.

Евдокию Павловну втолкнули в темный каменный мешок. Падая, она разбила колени. Но волновало ее другое — судьба дочери. «Что сделает комендант с Верочкой? Не ровен час...»

Приподнявшись, она стала шарить, отыскивая место, чтобы удобнее сесть. Руки коснулись оконных рам. Вдруг под ногами сильно запищало — наступила на мышь или крысу. В разных местах неприятно зашуршало.

Евдокия Павловна потеряла счет времени, когда звякнул замок и приказали: — Выходи!

Думала, что сидела по мещиной мере день, а за окном только вечерело. Значит, прошло лишь пару часов с тех пор, как ее разлучили с дочерью. «Где она сейчас? Что с ней сделали?» Едва передвигая затекшие, поцарапанные ноги, шла она с этими мыслями по коридору, когда неожиданно услышала радостный возглас: «Мамочка!» Крикнула Вера, которая сидела в самом конце коридора, у окна.

Калмаковым приказали подождать.

Мимо прошел невысокий человек с пышной шевелюрой. Незаметно для охранника дружелюбно подмигнул женщинам.

Появилась Нинка-комендантша. Она была в цветастом платье. Разные перстни блестели на ее холеных пальцах.

— Мама, да ведь это Нина, моя хорошая знакомая. Сейчас с ней поговорю... — шепнула Вера матери.

А Нина сделала вид, что совершенно незнакома с Верой. Высокомерно подняв голову, прошла она мимо, направившись в кабинет Вольфа.

Но вот Евдокию Павловну и Веру повели во двор лагеря. Там уже были выстроены военнопленные.

— Покажите тех, которые знали вашего сына, которые заходили к вам в дом, — сказал комендант, обращаясь к Евдокии Павловне.

Медленно обошла строй Евдокия Павловна. Встретилась взглядом с одним, вторым, которые заходили к сыну. В усталых, печальных глазах парней была просьба — не выдавай нас, мать. И Евдокия Павловна их не выдала.

— А ты? — обратился Вольф к Вере Калмаковой. — Узнаешь, сразу же отпустим и тебя и маму.

Вера тоже медленно обошла строй. Она делала вид, что готова все сделать, чтобы выполнить просьбу коменданта, возле некоторых дольше останавливалась, всматриваясь в их лица.

— Ну? — нетерпеливо спросил комендант.

— К сожалению, не могла выполнить вашей просьбы, — ответила Вера. — Все эти люди совершенно незнакомы мне.

Пленных увели, а Евдокию Павловну с Верой ввели в небольшой кабинет. Там за столом сидел пожилой немец — представитель комендатуры. Рядом с ним стоял человек, подмигнувший Калмаковым в коридоре лагеря. Напротив находился охранник, который задержал Калмаковых.

— Что ты знаешь об этих женщинах? — обратился охраннику следователь.

— Они связаны с партизанами, — бойко ответил охранник. А Фабри, то был он, перевел: — Они, кажется, связаны с партизанами.

— Что значит «кажется», — возмутился немец. Фабри перевел: — Что тебе еще известно о них?

— Я только раз был в их доме, — сказал охранник. Фабри же перевел: — Я больше ничего об этих женщинах не знаю.

— Так на кой черт затеяли весь этот спектакль?! — закричал следователь. — Разве у нас нет дел поважнее!

Фабри перевел: — Тебя надо наказать за такое поведение!

Охранник забеспокоился: — Скажите ему, что я хотел все по-лучшему сделать. Потому и привел их...

— Чего он так? — заметив беспокойство на лице охранника, спросил следователь.

— Спрашивает, сильно ли его накажут.

— Скажите этому идиоту, что больше он здесь не требуется...

Фабри перевел: — Следователь приказал тебе немедленно убираться. И чтоб ты больше никому не говорил об этом деле, которое не стоит выеденного яйца.

— Ухожу, ухожу, — пяťясь к двери, залепетал охранник. — А я, дурья башка, думал еще благодарность заслужить. — Заметив недружелюбный взгляд немца, он уже у двери сказал: — Передайте следователю, что я крест на все это положил.

— Вы, женщины, свободны, — объявил немец.

— Поздравляю с освобождением, — перевел Фабри. И уже в коридоре, направляясь с Калмаковыми к выходу, предупредил: — Учтите, что вас могут в любую минуту снова задержать. Так что уходите как можно скорее из города...

ВЗРЫВ ВОДОКАЧКИ

Предчувствие какой-то беды тревожило Сергея Калмакова. Ну хорошо, он сейчас у партизан, под их надежной защитой. А как там дома мать, сестренка?

— Ты что нос повесил, Сережа? — увидев парня, участливо осведомился Петренко.

— За семью свою беспокоюсь.

— Напрасно. Там все в порядке. Мама твоя ушла в Лакомую Буду. Там, кажется, твоя тетя живет.

— Откуда вы знаете?

— На то я и разведчик.

— А где сестра, не знаете?

— Она тоже в надежном месте, — схитрил Петренко. Он знал, что Веру угнали позавчера в Германию, но не хотел огорчать Сергея. Тем более, что помочь ничем нельзя, а Сергею предстоит выполнить весьма серьезное задание.

— Для тебя, Серега, — переменял тему разговора Петренко, — есть очень важное задание.

— Какое?

— Станционная водокачка у нас все равно, что бельмо на глазу. Поят из нее немцы паровозы для своих эшелонов. А мы, выходит, наблюдаем.

— Так может ее тово... уничтожить?

— Об этом и пойдет разговор. Там вроде твой приятель работает?

— Ага... Виктор-моряк.

— Это очень кстати... А не смог бы ты, Сергей, связаться с ним?

— Могу.

— Тогда пойдешь в город.

— Когда?

— Чем быстрее, тем лучше.

— Я хоть сейчас готов.

— А успеешь засветло?

— Вряд ли.

— Тогда пойдешь рано утром.

— Что я должен сделать?

— Пока договориться с Виктором о дне и часе взрыва водокачки. Надо, чтобы приятель твой заблаговременно открыл вход в водокачку для подрывников.

— Это, думаю, он сможет.

— Когда узнаешь все, доложишь.

— Есть! — козырнул, улыбаясь Сергей...

Июньский день был ясным, но на городских улицах редко встречались люди. Не повстречались Сергею и патрули. Он уже радовался, что скоро увидит друга, расскажет ему обо всем. Но Виктора дома не оказалось. И куда он ушел, спросить не у кого было.

«Наверное, на водокачке», — решил Сергей и направился окраинными улицами к вокзалу.

До войны он много раз бывал на водокачке, знал все входы и выходы. Тогда возле водокачки паходился парк, а

теперь немцы вырубили его. Остались чахлах два дерева в самом дальнем углу. Под ними не спрячешься. Вон разве кусты... Под кустами кто-то лежал и насвистывал матросскую песенку.

«Не иначе Виктор», — подумал Сергей и позвал:

— Витя, ты?

Никто не ответил.

— Витя, это я, Сергей, — повторил Калмаков.

Из кустов выполз Виктор.

— Ну, здоров! — протянул он руку Сергею.

— Чем, Витя, занимаешься?

— Любуюсь, как паровозики водицу нашу пьют. Наглотаются ее досыта и тянут па фронт эшелоны, чтобы наших бить... Здорово? Не правда? А ты зачем пожаловал?

— По тебе соскучился.

— Брось хитрить. Выкладывай правду, а не то отчаливай...

Тут Сергей и рассказал дружку, зачем пришел.

— Все будет в ажуре, — заверил Виктор. — Мы их фьютъ — и в дамки. Так и передай Петренко...

Петренко встретил Сергея возле своей палатки.

— Повидался с Виктором?

— Так точно!

— Все в порядке?

— Да!

— Отдохни, а потом приходи с Коробовым и Свергуном. Кажется, ребята они надежные.

— Ручаюсь за них, как за себя.

— Вот с тобой они и пойдут...

Встреча Петренко с парнями была короткой. Он тщательно проверил, как умеют обращаться с минами, взрывчаткой. Остался доволен. И провожая Сергея с друзьями в путь, пожелал: — Ни пуха ни пера!

Было 30 июня тысяча девятьсот сорок третьего года.

До опушки леса подрывников сопровождал возница. На телеге лежали шесть пакетов взрывчатки и мина замедленного действия. Когда солнце коснулось горизонта, впереди показался рассвет — лес кончался. Переходя осторожно от дерева к дереву, парни выбрались на опушку, по одному переползли через дорогу и залегли в кустах.

Солнце, взмахнув последний раз алым вымпелом, скрылось. Как маленькие светлячки, сперва едва заметные, по-

том все более разгорающиеся в вышине, засияли звезды. Но вскоре тучи затянули все небо. Тьма сгустилась. Это было на руку подрывникам. В темной одежде они совсем не были заметны.

Впереди была железная дорога. Чтобы добраться до водокачки, надо было переползти через железнодорожное полотно.

— Пора! — тихо сказал Сергей и первым пополз. За ним бесшумно следовали товарищи. Но едва добрались до бровки полотна, как послышался шум приближающегося состава. Друзья свалились в кювет, переждали, пока прогромыхал последний вагон, и быстро переползли через рельсы.

Теперь явственно было слышно дыхание водокачки. Еще работала вечерняя смена, значит, и Виктор был там.

Ожидая, пока кончится смена, подрывники залегли на краю бывшего парка, в тех самых кустах, которые облюбовал Сергей и где встретился с Виктором. Отсюда до здания водокачки — рукой подать. Но высокий забор мешает и надо его обойти, чтобы на территорию водокачки попасть через калитку.

Тревожное нетерпение овладело подрывниками. Минуты ожидания казались часами. Слух и зрение напрягались до предела.

Но вот смолк шум машин. Потом, громко переговариваясь, из здания водокачки стали выходить рабочие. Прошло немного времени — и наступила мертвая тишина.

Подрывники лежали как раз в том месте, которое находилось напротив входа в водокачку. Если бы не высокая стена... Из-за нее вдруг послышались возня, немецкая речь и приглушенный стон.

«Неужели Виктор попался? — мелькнула у Сергея страшная мысль. — Тогда как же проникнуть в здание водокачки?»

Как бы подтверждая его мысль, в тишине раздалось:

— Сволочи! Все равно вам амба!

— Чего ждем? Надо парня выручать, — заторопил всегда горячий, отчаянный Смергун.

Сергею тоже хотелось немедленно броситься на выручку, но он понимал, что тогда все дело сорвется. И он приказал:

— Оставайтесь тут, а я выясню...

Он полз вдоль забора, где вокруг шпеш поднималась молодая поросль. Вот и калитка. Ее вырвал из темноты фонарь часового. И стало еще темнее. Мимо Сергея, притаившегося за шпеш, немцы провели кого-то.

Снова вспыхнул фонарь часового. Но он был уже метрах в двадцати пяти от калитки, ведущей на водокачку. Часовой совершал обход всей ее обширной территории.

Наступил самый удачный момент проникнуть на территорию водокачки. Сергей быстро побежал к ожидавшим товарищам, заторопил их. Мигом добравшись до калитки, все трое незаметно шмыгнули на территорию водокачки.

В тот же миг слышались шаги. То часовой, заканчивая очередной обход, снова был у калитки.

Друзья замерли. Что если часовой вздумает заглянуть во двор? Но немец, с минуту постояв у входа, снова зашагал вдоль забора, временами посвечивая фонариком.

Передохнув и выждав, пока немец удалится, подрывники поползли дальше. За спиной каждого покоился груз — по 16 килограммов плотно упакованного тола.

Надо было торопиться. Рядом с водокачкой — нефтехранилище. Его тоже следовало уничтожить. Подрывники подняли осторожно крышку самого большого люка. Калмаков сунул туда руку и наткнулся на вторую крышку. Нащупал кольцо, вцепился в него, рванул кверху. Прислушался. Шагов часового не слышно было. Он находился на значительном расстоянии. Сергей опустил в люк мину замедленного действия с прикрепленным к ней пакетом толовых шашек. В цистерне булькнуло — мина пошла ко дну. Сергей вытер пот, облегченно вздохнул.

Теперь оставалось главное — взорвать водокачку. Она находилась рядом. В машинное отделение вели два входа. Но первый оказался на замке: пудовой массой висел он на толстых железных петлях. О том, чтобы взломать его, не могло быть и речи — это отняло бы много времени, вызвало сильный шум.

Прижимаясь к стене водокачки, ребята двинулись ко второму входу. Широкие массивные ворота вели в тамбур. Но что это? Калитка, вмонтированная в ворота, оказалась незапертой. Почему?

«Наверно, работа Виктора, — подумал Сергей. — А может, ловушка? Может, специально оставили открытой дверь? — тут же мелькнула тревожная мысль. — Эх, семи смертям не бывать, одной — не миновать...» И Сергей ре-

шитительно шагнул в дверь, ведущую в тамбур. За ним Свергун и Коробов.

Под ногой что-то хрустнуло. Сергей пагнул: трубка. Сомнений не было, то была трубка Виктора-моряка: разинутую пасть какого-то чудовища он узнал бы среди тысячи других.

И сразу Сергей себе представил ту борьбу, которая велась здесь, у входа в водокачку. Сколько было немцев? Очевидно, двое или даже трое. С одним моряк легко бы справился. Почему никто из немцев не остался? Видимо, никто не решался один на один оставаться с Виктором. Вот и повели его вместе. Впопыхах даже забыли закрыть вход в тамбур.

В помещении водокачки лежали разные запасные части, которые за последнее время стали исчезать. И, видимо, немцы решили, что Виктор хотел уворовать эти детали. А может быть, они сдадут Виктора в комендатуру, а сами вернутся? Но почему часовой так себя ведет? Ни разу не зашел на территорию водокачки. Боятся?

Так или иначе, а надо было торопиться, чтобы выполнить задание.

— Мы с Андреем заложим взрывчатку, — тихо сказал Сергей, а ты будешь караулить. — Гранату береги на самый крайний случай, — приказал Сергей Свергуну.

Свергун тотчас же вышел из тамбура и с гранатой в руках застыл, прижавшись к стене водокачки, а Сергей, подойдя к двери, ведущей из тамбура в помещение, слегка дернул ее. Дверь не поддавалась. Изнутри она была закрыта на крюк. Значит, можно открыть. Щель вполне подходит для этого. Будто нарочно. Стоит только откинуть крюк. Но чем это сделать?

Сергей вспомнил, что в углу тамбура валяются куски проволоки. Он видел их, когда приходил к Виктору на работу. Проволока сразу нашлась. Теперь оставалось тихо пропустить конец ее в щель. Аккуратно сделав это, Сергей дернул рычаг вверх — и крюк соскочил. Вход в водокачку был свободен.

В машинном отделении водокачки были два зала — локомотивный и дизельный, соединенные широким проходом. Калмаков пошел к дизелю, а Коробов остался у локомотива.

Заученными движениями быстро вложили подрывники в толловые шашки капсулы-детонаторы с бикфордовыми шнурами.

— Поджигаем, — скомапдовал Сергей.

Спички вспыхнули одновременно. Сверкающая, быстрая звездочка появилась на кончике бикфордова шнура, который держал Андрей. А шнур у Сергея никак не загорался. Уже три спички истратил он — толку никакого. Холодный пот выступил на лбу.

Определив на глаз, сколько шнура уже могло сгореть у Коробова, Сергей резанул свой шнур и мгновенно поднес четвертую спичку к оставшемуся концу — тут же сверкающая звездочка, шипя и дымя, побежала к дизелю.

— Скорее! — крикнул Сергей.

В несколько прыжков товарищи очутились возле Свергуна и, толкнув его, побежали подальше от помещения водокачки.

Шум вспугнул часового, который в этот момент подходил к калитке. Он наугад выпустил в темноту автоматную очередь. Где-то совсем рядом просвистели пули.

— Ложись! — крикнул Свергун, метнув гранату в направлении калитки. Грянул взрыв. Стрельба прекратилась. Едва друзья успели преодолеть песчаную насыпь, как небо озарилось ярким пламенем. Почти одновременно два мощных взрыва потрясли землю.

Потом все стихло, будто и не было взрывов. Только слышен был в небе рокот советского самолета. То ли случайно это произошло, то ли в результате донесения Петренко, только немцы подумали, что начался налет нашей авиации. Охрана станции долго не решалась открыть огонь, боясь массированного удара с воздуха. Пришли гитлеровцы в себя лишь тогда, когда самолет, покружившись над местом взрыва, улетел. Началась беспорядочная стрельба. Но Сергей и его друзья были уже далеко от места взрыва.

Поутру из Гомеля спешно прибыла авторитетная немецкая комиссия. Начались аресты, обыски. Хватали всех, кого хоть в малейшей степени подозревали.

В то утро жители Новозыбкова в последний раз видели Виктора-моряка. Избитого, окровавленного увезли его в гомельский лагерь смерти.

А в одиннадцать часов утра возле водокачки, где еще находились члены авторитетной комиссии, сработала мина замедленного действия. Огромный столб нефти всхлестнулся к небу и огненным водопадом обрушился на фашистов. Они бросились врассыпную, истошно воя: «Партизаны! Партизаны!»

ЗАПАДНЯ

Ранним июльским утром в палатку Петренко вошли Калмаков, Коробов и Свергун.

— Задание выполнено! — доложил Сергей. — Водокачка и нефтехранилище уничтожены!

— Молодцы! — крепко пожал всем руку Петренко и добавил: — Теперь пару дней — отдых.

Но уже на следующий день Сергея Калмакова с друзьями, которые на досуге просто забивали «козла», вызвал Петренко.

— Виноват, ребята, перед вами, — встретил их в палатке Петренко. — Обещал отдых. А дело иначе обернулось.

— И что тут особенного. Чай, не маменькины сыночки, — ответил Калмаков.

— Я так и знал, — сказал Петренко, ласково глядя на молодых партизан. — Есть, ребята, дело и не менее ответственное, чем то, которое вы успешно выполнили.

Петренко сообщил, что как стало известно, после взрыва водокачки немцы спешно прокладывают шланг до реки, чтобы подать воду застрявшим на станции паровозам. Они пока еще стоят. Но могут очень даже скоро снова двинуться в сторону фронта.

— Вот это да! — свистнул Свергун. — Так, пожалуй, вся наша работа полетит насмарку.

— Не вся, — возразил Петренко. — Но если мы вовремя не уничтожим паровозы, считай, что цель лишь частично достигнута. А это означает — сами понимаете...

— Что же делать? — взволновался Сергей.

— Для этого я вас и вызвал. Выход один — взорвать паровозы. Вы сначала доберетесь до поселочка Вербы, там живет наш связной Пахомыч. А он уж ближайшей дорогой доведет до станции.

— Пахомыч? — переспросил Свергун. — Не тот ли, который на рынке в Новозыбкове среди бела дня торговал толком?

— А ты откуда знаешь? — заинтересовался Калмаков.

— Длинная история. Но если разрешит товарищ Петренко, расскажу.

— Валяй, — согласился Петренко. — Вам полезно знать о человеке, с которым предстоит встретиться и, так сказать, в руки которого вверить свою судьбу.

— История эта произошла тогда, когда ни тебя, Сергей, ни тебя, Андрей, еще не было в партизанском отряде, —

начал рассказывать Свергун. — Случилось так, что потребовалось срочно доставить в город тол человеку, которому предстояло взорвать здание комендатуры. Решили это поручить Пахомычу. Старик он находчивый, смелый, хорошо знает дорогу в Новозыбков.

Положил, значит, Пахомыч на дно корзины свой «товар», то есть толовые шашки, листовки и несколько номеров газеты «Правда», которые самолеты доставили с Большой земли, а сверху насыпал картошку. С этим грузом пришел в назначенное место. Но на воротах дома, куда следовало зайти, заметил небольшой крестик, нарисованный мелом. Это был знак, что заходить опасно.

Прошел Пахомыч мимо, а сам думает: «Что же я буду теперь делать с толom? Не выбрасывать же зря такое добро. Но и нести назад в лес — риск. Везде стоят немецкие посты. Если с трудом пробрался в город с таким товаром, то где гарантия, что на обратном пути не задержат. А тут на ум пришли ему слова комиссара партизанского отряда. — Помни, Пахомыч, — сказал он, — тол для нас очень важен. Но куда важнее твоя жизнь. Так что учти...»

Дело было в пятницу. Как раз базарный день. И решил Пахомыч продать тол.

— Да, да, продать тол на рынке, — повторил Свергун, уловив недоумение на лицах друзей.

Устроился Пахомыч возле столиков, где торговали всяким продовольствием, разложил кучками картошку, куски мыла, то есть тола, и стал зазывать покупателей.

Быстро распродал картошку, за которую брал дешевле других, а заодно сплавил по дешевке женщинам и «мыло». Они, правда, интересовались, что это за такое мыло с дырочками, на что Пахомыч совершенно серьезно отвечал: — Дырочки это, чтобы мыло было посуше. Сами знаете, что сухое мыло спорнее.

Освободившись таким образом от тола, а вместе с тем от листовок и газеты «Правда», в которые заворачивал свой товар, Пахомыч благополучно возвратился из города.

— Ловко придумал дед! — восхитился Сергей.

— Ловко-то, ловко. Да только Пахомыч не все до конца продумал, за что укорял себя. — Хорошо, — говорил он, — что так все обошлось. А ведь могло так случиться, что кто-либо из полицаев или других гадов, заметив странное мыло, начали бы таскать невинных людей.

— Выходит, что помимо всего, Пахомыч еще и очень совестливый человек, — сказал Андрей.

— Теперь знаете, кто такой Пахомыч! — произнес Петренко. — Он вас безопасным путем доведет до станции Повозыбков. А потребуется, и там поможет.

— Когда отправляться? — спросил Андрей.

— Немедленно, — ответил Петренко. — Командиром группы снова назначаю Сергея Калмакова. Гранаты и взрывчатку получите сейчас.

Не прошло и часа, а Сергей, Андрей и Виктор уже лесной тропой двигались в сторону Верб. Еще через час группа подрывников была возле двора Пахомыча. Стоял его дом на самом краю поселочка. Лишь небольшое поле отделяло его от вековых сосен да раскидистых верб.

На огороде, за домом, старуха и двое молодых женщин окучивали картофель. Увидев незнакомых мужчин, крестьянки переглянулись. Но тут появился Пахомыч.

— Вам кого? — спросил он, внимательно разглядывая Свергуна.

— Неужто не узнал? — блеснул глазами Свергун.

— Стой, стой! Да я ж тебя видел в отряде, — обрадовался Пахомыч. — Заходите, хлопцы, в хату. Там и побалакаем, — пригласил он.

Вошли. Большая русская печь разделяла комнату на две части. Одна половина была завешена старым цветастым сатином. Там, видимо, была спальня. В другой половине комнаты стояли стол, большая скамья, на которой свободно могла усесться семья. Да еще в углу была широкая лавка, которая при нужде служила постелью.

Узнав о причине их появления, Пахомыч предложил немного переждать.

— А пока суд да дело, маленько подкрепитесь. Ведь в отряде, знаю, не жирно кормят, — сказал он.

Вскоре на столе уже стояли кувшин с молоком, миска с молодым картофелем да три глиняных кружки.

— Кушайте, ребятушки, на здоровье. А я сейчас приду, — сказал Пахомыч.

Нарни сняли вещмешки, автоматы, помыли руки и уселись за стол. Но не успели они и по картофелишке съесть, как раздался стук в окошко. То был Пахомыч.

— Ребята, немцы, — предупредил он. — Я сейчас...

Из окна было отчетливо видно, как Пахомыч, прихрамывая, направился по полю к лесу, откуда двигалась колонна фашистов. Впереди их плелась изможденная крестьянская лошадь, впряженная в борону. Лошадь погонял мальчишка лет двенадцати.

К немцам подошел Пахомыч. Было видно, как он снял старый картуз и что-то объяснял фашистам, указывая рукой то на паренька, то на поле, то на себя.

— Не иначе объясняет фрицам, что ничто не заминировано, что парнишку надо отпустить, что он готов сам вести за собой солдат по полю, — наблюдая из окна, сказал Андрей Коробов.

Вдруг один из фашистов ударил Пахомыча по голове так сильно, что старик упал.

Свергун тотчас же рванулся в угол, схватил автомат и побежал к выходу.

— Что ты задумал? — только и успел крикнуть Сергей.

Выбежав, Свергун сразу же выпустил автоматную очередь по фашистам.

Лошадка рванулась, потащив за собой паренька. А немцы открыли ответный огонь.

Когда Сергей с Андреем выскочили из дома, он уже горел. А со стороны леса, стреляя, приближался отряд гитлеровцев.

Отходя с боем, Сергей с Андреем звали Свергуна, но тот как сквозь землю провалился.

Вдруг Андрей вскрикнул и упал. Сильно обожгло ногу.

— Держись, браток! — Сергей подхватил Андрея и поволок к густому кустарнику — опушке леса.

Нога у Коробова горела. Но надо было торопиться. И, опираясь на Сергея, Андрей двигался, преодолевая боль.

Постепенно выстрелы становились глуше. И, наконец, стало тихо.

— Считай, что нам еще жить суждено, — сказал Сергей и повалился на землю рядом с Андреем.

...Истекая кровью, лежал на огороде Пахомыча тяжело раненный Виктор Свергун. Казалось, что кто-то тупой пилой режет тело, а ноги не его — чужие. И только пальцы рук еще подчинялись. В них была зажата граната. Только теперь Виктор понял всю трагичность обстановки и свою роковую опрометчивость. Ведь не поторопись он, и, может быть, всего этого не случилось бы.

Виктор давал себе отчет, что поставил под угрозу жизнь невинных людей, гостеприимно принявших его под свой кров. Это он, Виктор Свергун, не оправдал доверия Петренко. И вот задание не выполнено.

Свергун на миг представил себе, как паровозы, напоенные водой, трогаются один за другим с места и мчатся на

фронт, неся смертоносные грузы. До боли сжимал он зубы, создавая свое полное бессилие.

Временами Виктор терял сознание. Как-то раз ему почудилось, что совсем где-то рядом его зовут Сергей и Андрей. Но Виктор не смог ответить. Из горла вырвался лишь слабый хрип, и парешь снова потерял сознание.

На этот раз он очнулся, видимо, от страшного женского крика. Напрягая силы, Виктор чуть приподнялся. Он увидел возле пылающего дома старуху. Она дико кричала:

— Ироды! Да бога побойтесь! Живого человека в огонь бросили. Да что вы, звери, сделали?! ...Ой, люденьки добрые, ратуйте!

Виктор снова потерял сознание. Очнулся он, когда совсем близко раздалась чужая речь. Фашисты, прочесывая огород, двигались в сторону леса. Что-то острое ударило Виктора в шею. Он почувствовал во рту солоноватый привкус. Теплая влага растекалась по сухим губам.

«Только бы не умереть сейчас. Только бы продержаться, пока они подойдут вплотную», — думал Виктор Свергун, сжимая гранату. Он чувствовал, что сможет продержаться совсем мало, минуты...

Наконец к нему совсем близко подошла группа солдат, впереди офицер. Они пренебрежительно равнодушно смотрели на распростертого русского.

«Ну, держитесь, сволочи!» — Свергун выдернул предохранительную чеку.

По ушам ударили взрыв и крики фашистов. Это было последнее, что слышал Виктор Свергун.

РОЖДЕНИЕ И СМЕРЬ ТЕАТРА

Вера Белугина, волнуясь, рассказывала:

— Во время антракта вдруг на галерке кто-то зашел «Интернационал». А в зале, в первом ряду, сидел сам Немцев. Вскочил с места бургомистр, уставился на балкон. С трудом удалось восстановить порядок.

— Запевалу задержали? — встревожилась Вера Замотаева.

— Видимо, через запасной выход скрылся. Мне почему-то кажется, что то был Сергей Калмаков. Ведь накануне я с ним встретила. Был страшно огорчен. Обещал выкинуть какой-то номер...

— Придется о нем сообщить Петренко. То и гляди нам всю обедню испортит, — возмутилась Замотаева.

Тамара Моисеенко. Снимок
1941 года.

Сама она иногда позволяла себе вольности. То язык покажет немецкому солдату, то даже в пререкания вступит. Но все это пока сходило с рук. То ли выручала обворожительная улыбка, то ли смелость, или — просто счастье. Только пока ее ни разу не задержали.

Когда же нарушал дисциплину кто-либо из товарищей, Замотаева была беспощадна. Нет, она не кричала. Она подбирала такие меткие, злые слова, которые не могли не задеть за живое.

Возмутилась Замотаева и сейчас. Она знала Сергея Калмакова еще до войны.

Тогда вся его семья выступала в ансамбле железнодорожников. И поведением Сергей правился Замотаевой — компанейский парень. Но она решила серьезно Сергея предупредить, если предположения Веры Белугиной подтвердятся. Подпольщики имели планы, связанные с театром. Его закрытие было весьма даже нежелательным...

Театр в городе возник при необычных обстоятельствах. Осенью тысяча девятьсот сорок первого года стало известно, что фашисты собираются отправить большую группу молодых горожанок в офицерские публичные дома.

Особая угроза нависла над девушками из балетных кружков при клубе спичечной фабрики и Доме пионеров, которыми до войны руководил Олимпий Иванович Светлов. Девушки были как на подбор — стройные, красивые. Их всех наперечет знали в небольшом городке. И, конечно, им в первую очередь грозила отправка в публичные дома. Понимая это, они пошли к своему бывшему руководителю.

— Миленький Олимпий Иванович, — слезно умоляли они Светлова. — Вы хорошо знаете бургомистра Немцева. Поговорите с ним, пожалуйста, о том, чтобы создать театр. А мы будем артистами.

Уговорили девушки Светлова. Бургомистр встретил его радушно, пригласил присесть. Положив выхоленные руки

на стол, он внимательно смотрел на Светлова, дав понять, что готов слушать.

— У меня, Иван Моисеевич, созрела идея создать в городе народный театр,— без обиняков предложил Светлов.

— Что ж, идея совсем даже неплохая,— поддержал Немцев.— Между прочим, я и сам подумывал об этом. Ваши «Наташка-Полтавка» или, скажем, «Запорожец за Дунаем», честное слово, недурственные. Так что категорически готов, уважаемый Олимпий Иванович, выслушать ваши конкретные условия и поддержать, ежели в силах буду их выполнить.

— Требуется,— пояснил Светлов,— чтобы все указанные мною лица были зачислены в штат театра. Это, во-первых. А во-вторых, чтобы они получали довольствие...

— Вы что-то еще хотели бы сказать? — заметив некоторое замешательство Светлова, спросил Немцев.

— Видите, тут несколько щекотливая ситуация. Все артисты театра — девушки. И надо их уберечь от отправки в немецкие бардаки...

— Я вас понял. И в этом отношении обещаю вам полный порядок. Сегодня же переговорю с комендантом и считаю, что вопрос будет решен положительно.

Немцев вышел из-за стола, пожал руку Светлову:

— Всех благ вам, Олимпий Иванович.

Так без особых трудностей разрешился вопрос о создании в Новозыбкове театра.

С радостью встретили это девушки. Когда они собирались на репетиции, казалось, что снова вернулось доброе довоенное время. Артисты с благоговением смотрели на Светлова, считая его своим спасителем.

А вскоре состоялся первый концерт. О нем известили большие афиши, вывешенные в нескольких местах города.

Концерт, как потом и многие другие, был бесплатным. Публика заполнила зрительный зал до отказа. Среди почетных гостей в первом ряду сидели бургомистр Немцев, заведующий отделом просвещения Варно и заведующий здравотделом Корнеев.

Концерт открылся выступлением хора. На сцену вышли артисты, одетые в русские народные костюмы. Светлов взмахнул дирижерской палочкой, и полилась волнующая песня «Вниз по матушке, по Волге».

Точно зачарованный внимал зрительный зал песне. Когда она смолкла, раздались дружные аплодисменты. Вме-

сте с остальными, правда, несколько сдержанно, аплодировали и почетные гости.

Потом на сцену вышла девушка. Волнуясь, исполнила она «Средь шумного бала». Ее волнение передалось слушателям. Они также наградили исполнительницу шумными аплодисментами.

Всех очаровал молодой, прихрамывающий на правую ногу вокалист. Он зашел:

Вижу чудное приволье,
Вижу пивы и поля...

Зрительный зал, словно сговорившись, подхватил: «Это русское раздолье, это родина моя».

Это явно не понравилось Немцеву. Он шепнул рядом сидящему Варно: — Так, пожалуй, нетрудно и в неприятность попасть. — Варно утвердительно кивнул головой.

Затаив дыхание, слушали песню за кулисами хористки. Они еще не успели снять костюмы, и сквозь дырочки в занавесе наблюдали за тем, что делается на сцене и в зале.

— Ох, как хорошо! — зажмурив глаза и прислонившись к подружке, мечтательно произнесла одна.

— Только не всем нравится. Посмотри на этих, воп в первом ряду, — ответила подруга, указывая на Немцева и Варно. — Надулись, как индюки...

Девушки засмеялись, но сразу же смолкли, вспомнив, что совсем недавно проходил Манге. Его надо остерегаться. Верно служит фашистам.

После концерта у Немцева состоялся разговор со Светловым. О чем — неизвестно. Но вскоре из репертуара театра были исключены сколько-нибудь патриотические песни. Немного спустя, театр вовсе перестал давать концерты. Место их заняли оперетки и безыдейные интермедии, повесть откуда взятые Светловым. Оркестром руководил сам Светлов, а солисткой неизменно выступала его жена Паталя.

Но и тут не все шло гладко. Однажды Светлов получил задание обслужить полк, направляющийся на фронт. Срочно собрали всех артистов. Светлов несколько задержался. Наконец он, запыхавшийся, вбежал за кулисы и с ходу объявил:

— Через час нам предстоит показать немецким солдатам «Жрицу огня». Надеюсь, вы уже все готовы к выступлению?

— Уж больно быстро,— раздалось в ответ. Это сказала обычно всегда тихая Тамара Моисеенко. Короткая реплика оказалась спичкой, брошенной в порох. Точно встревоженный улей зашумели артисты.

— Хватит над нами измываться!

— Кому приспичило, тот пусть и выступает!

Опешивший Светлов попробовал уговорить артистов:

— В чем дело? Нам же не впервые показывать «Жрицу»?

— То мы показывали своим. Теперь другое дело,— не сдавались артисты.

— Начинайте гримироваться. Потом поговорим. Теперь каждая минута дорога,— распорядился Светлов.

И тут произошло то, чего он никак не мог предположить — артисты наотрез отказались гримироваться.

— И без грима нас узнают,— кричали наиболее бойкие.

— Пожалейте меня,— взмолился Светлов.— Из уважения ко мне сделайте...

Ответила та же тихоня Тамара:

— Мы вас, Олимпий Иванович, за все то, что сделали для нас, уважаем. И готовы вам помочь. Но только не в этом...

Спектакль состоялся, хотя большинство артистов играли без грима. Солдаты, идущие на фронт, оказались не особенно требовательными.

Светлов считал, что все в общем-то обошлось благополучно, что Немцеву ничего неизвестно, и успокоился.

...На этот раз в театре был сам Немцев. Он любил смотреть «Наташку-Полтавку». И когда в антракте зазвучал с галерки «Интернационал», возмущению бургомистра не было предела. Он распорядился немедленно закрыть все входы и выходы, тщательно осмотреть помещение. Косого задержали, но запевалы так и не удалось установить. Тем не менее, как правильно решила Замотаева, выслушав сообщение Белугиной, над театром нависли черные тучи. Им занялась немецкая комендатура.

Через несколько дней после инцидента в театре, Светлова срочно вызвали в городскую управу. На этот раз бургомистр Немцев был хмур, не вышел навстречу Светлову, не пожал ему руки, молча лишь кивнул головой в ответ на приветствие.

Светлов остановился у стола, за которым восседал Нем-

цев, чувствуя, что от волнения у него подкашиваются ноги.

Бургомистр не торопился. Он молча рассматривал свои холеные руки. Наконец, будто вспомнив, что перед ним Светлов, сердито произнес:

— Прибыть изволили, господин Светлов?

Так Немцев обращался к Светлову впервые. Знали они друг друга по меньшей мере два десятка лет, не раз встречались в компаниях и обращались друг к другу не иначе, как по имени и отчеству.

Светлов чувствовал, что силы его оставляют, но без разрешения Немцева сесть не осмеливался.

Немцев заметил смятение своего старого знакомого и, несколько смягчившись, предложил:

— Присядьте.

А Светлов продолжал стоять. Никогда не считал он себя смелым. А тут и вовсе сдрсйфил.

— Да садитесь же, — раздраженно произнес Немцев.

Светлов присел на край стула, уставившись испуганными глазами на Немцева. До него, как сквозь сон, донеслось:

— Как вы могли допустить подобное? Исполняют советский большевистский гимн и где?! Во вверенном вам театре!

— Ума не приложу, Иван Моисеевич, как это могло случиться. Все ребята у нас в театре вроде благонадежны.

— Именно, что вроде. А на самом деле? Вы думаете, я не знаю, что произошло с «Жрицей огня», или вы меня за олуха считаете, господин Светлов?!

Светлов вздрогнул. Он почему-то был уверен, что об этом инциденте Немцев не знает.

— Вы имеете в виду, Иван Моисеевич, видимо, то, что некоторые артисты играли без грима, — чувствуя, как силы его слова покидают, произнес Светлов. — Так ведь это произошло по чистому недоразумению. Спектакль надлежало в пожарном порядке показывать. И некоторым артистам просто не хватило времени, чтобы загримироваться.

Разговор прервал вошедший начальник полиции Гойт. Назначенный после расстрела Корсакова, он ревностно нес службу.

— Олимпий Иванович, — сказал он тоном довольно дружелюбным, как про себя отметил Светлов, — сейчас пойдете со мной к коменданту. Он очень желает вас видеть.

— Заступитесь, Иван Моисеевич. Ведь я ни в чем не виноват, — взмолился Светлов.

— Ну и трусливы же вы, Светлов! — с презрением проговорил Немцев. — Стушайте...

Не знал Немцев, зачем потребовался коменданту Светлов. Не то по-иному разговаривал бы с ним. И Светлов не мог догадаться, зачем нужен коменданту. А Гойт, хотя и знал, получил от коменданта приказ, пока никому ничего не говорить.

Комендант занимал бывший хирургический кабинет поликлиники. Встретил Светлова радушно, а Гойта тотчас же отослал.

Однако ни доброжелательный тон, ни предложенный стул не успокоили Светлова. Он столько плохого слышал о коменданте, что несколько не верил ему и со страхом ожидал, что будет дальше.

Когда дверь за Гойтом плотно закрылась, комендант сказал:

— Я, господин Светлов, считаю вас преданным нашему великому общему делу, а потому буду с вами откровенен. Театр, которым вы руководите, нас не устраивает.

— Вы имеете в виду «Жрицу огня»? — насторожился Светлов.

Но комендант, не обратив внимания на вопрос, продолжал:

— Русскому человеку театр только вреден. А потому я решил ваш театр распустить.

Комендант пристально посмотрел на Светлова, будто изучая его: — Но это не касается вас, Олимпий Иванович. Думаю, что вы еще сможете принести пользу рейху.

— Совершенно верно, господин комендант, — поспешил ответить Светлов.

Сообщение о том, что театр закрывают, Светлов встретил даже с некоторым облегчением. Ему самому все больше и больше не нравилось, что в театре крепки патристические настроения. Он вспомнил, как радовались девчата, когда узнали о разгроме немцев под Москвой, как загорались их глаза, когда говорили об очередной удаче партизан.

Светлов опасался потерять репутацию благонадежного. Вот и сейчас он чувствовал, что похвала коменданта ему приятна. И страху уступило место другое чувство — желание скорее узнать, чем кончится разговор. А что он ему уже не грозит большими неприятностями, — понял.

— Итак, — сказал комендант, — будем считать, что на театр, как это говорят по-русски, поставлен крест. Вместо него я решил создать концертную бригаду. — Комендант сделал паузу и закончил: — Руководителем бригады назначаю вас, Олимпий Иванович.

— Спасибо за доверие, — не скрывая радости, ответил Светлов. Он еще опасался коменданта, но держался уже более уверенно.

— Позвольте узнать, господин комендант, а чем будет заниматься наша бригада? — полюбопытствовал Светлов.

— О, конечно, не тем, чем ваш бывший театр, — улыбнулся комендант. — Вы будете обслуживать наших доблестных солдат. Ваши медведи будут для них танцевать. Немецкий солдат любит, когда танцует русская девушка. А перед жителями будете выступать с песенками, стихами, которые высмеивают коммунистов, комиссаров, Советскую власть. Да, — как бы спохватился комендант, — я уже и название вашей бригаде придумал: «Ванька-встанька». Неплохо, правда?

Светлову не очень понравилось название, и он ответил не сразу.

— Вам это не нравится? — удивился комендант.

— Нет, почему же. Очень даже нравится. Это же здорово: «Ванька-встанька».

Так в Новозыбкове перестал существовать театр, который помимо воли его руководителя Светлова и бургомистра Немцова сыграл известную роль в борьбе молодежи против «нового порядка».

НА ВОЛОСКЕ ОТ СМЕРТИ

5 июля тысяча девятьсот сорок третьего года началась Курская битва — одно из крупнейших сражений второй мировой войны. Немцы, готовясь к ней, старались укрепить свои тылы. А это значило, что необходимо в первую очередь уничтожить партизан, число которых росло из дня в день.

О намерениях гитлеровцев блокировать Софиевские леса докладывала партизанская разведка. На станции Злынка, сообщала она, разгрузился эшелон с солдатами и техникой. В Климов прибыли дивизия с танками, артиллерией и полк «Десна».

Петренко стало известно и то, что немецкие войска высадились в Клиниках, Добруше. А в записке, присланной

Верой Замотаевой, сообщалось, что на Повозыбковском аэродроме приземлились более двадцати бомбардировщиков.

В этих условиях самым разумным было, не ввязываясь в бой, выйти партизанским отрядам в Добрушский лес, находящийся западнее Софиевского.

Но как раз в это время в Софиевку прибыло соединение черниговских партизан под командованием Попудренко. После тяжелых, кровопролитных боев соединение нуждалось хотя бы в кратковременном отдыхе, в пополнении боеприпасами. И по просьбе украинских товарищей бригады имени Суворова и Пожарского решили на несколько дней задержаться.

Когда же в ночь с 6 на 7 июля партизаны двинулись в сторону Злынки, рассчитывая передислоцироваться в белорусские леса, было уже поздно. Им преградили путь гитлеровские войска. И после короткого, но кровопролитного боя, партизаны вернулись на исходные позиции.

Оставалась одна надежда: прорваться у села Рогов. Но несколько разведчиков, направленных туда, не вернулись. Тогда Петренко решил направить в район Рогова Викторию Кореневу.

— Задание очень ответственное. От его выполнения зависит судьба нас всех,— сказал он Виктории.— Одежду тебе менять не надо. Пойдешь, как деревенская девушка. Для тебя собрали чернику,— он протянул разведчице небольшую корзиночку.— На всякий случай. Но лучше будет, если никому не попадешься на глаза... Постарайся быть незамеченной.

И вот Виктория уже идет в Рогов. Вдруг над головой заурчал самолет. Круг, еще круг — и словно белокрылые птицы запорхали сотни листовок. Виктория подняла и прочитала:

«Партизаны! Вы находитесь в окружении. Место вашей стоянки окружено железным кольцом мажарских войск и гибель большей части вас неизбежна. Опомнитесь и переходите к нам. Вы сохраните свои жизни и жизнь ваших детей. Эта листовка служит пропуском для неограниченного числа перебежчиков».

«Выходит, пробраться в Рогов почти невозможно», — подумала Виктория.

Спрятав корзиночку с черникой в кусты, Виктория проворно взобралась на высокую ель. Она увидела широкое поле. По нему сновали солдаты. Одни рыли окопы, другие

выравнивали площадки для пулеметов, третьи тянули провода связи. Ближе к лесу стояло несколько десятков машин, на кузовах которых Виктория с трудом разобрала букву «Р».

Наблюдая, Виктория и не заметила, как под слью появились два солдата. «Попалась», — мелькнула мысль. Но солдаты, о чем-то поговорив, ушли. «Пронесло», — Виктория облегченно вздохнула и соскользнула вниз.

Она уже прошла несколько десятков шагов, когда внезапно из-за кустов на нее навалилось что-то тяжелое и так придавило, что трудно стало дышать. Рослый немец скрутил ей руки, заставил подняться и идти к опушке леса.

— Партизанен, — сказал он, передавая Викторию в распоряжение офицера.

— Партизанен?! — изо всей силы офицер ударил Викторию тяжелым сапогом в живот.

Она упала.

— Встать! — тут же заорал офицер.

Виктория медленно и тяжело подпнулась. Это окончательно взбесило немецкого офицера. Лицо его стало багровым.

— Где партизаны? — прошипел он.

— В лесу, — невозмутимо ответила Виктория.

— Сколько их?

— А я откуда знаю.

Викторию снова сбили с ног, топтали, пока она не потеряла сознание. Так, избитую, окровавленную, ее приволокли в поселок Парасочки, где было полным-полно фашистов. Она уже пришла в себя и молча следила за их приготовлениями. «Сообщить бы сейчас и тогда можно умирать, — думала Виктория. — Эх, увидеть бы кого-то из своих, кто бы мог выполнить это».

— Видишь, какая у нас сила? — вода парабеллумом из стороны в сторону, бахвалился фашистский офицер. Неожиданно голос его изменился, стал каким-то мягким.

— Расскажи нам все, и мы отпустим тебя.

— Я ничего не знаю.

— Значит, не скажешь? Хорошо же... — и офицер толкнул Викторию солдатам. Те схватили ее, едва устоявшую на ногах, подняли и с маху ударили оземь.

Нестерпимая боль пронзила все тело. Викторию снова били, топтали, бросали, но она молчала. Последнее, что ощутила, это было впечатление, что куда-то проваливается, летит, а над ней сгущается тьма.

Сколько времени пролежала в беспамятстве, Виктория не знала. Очнулась она в непроглядной тьме и гулкой тишине. Откуда-то донесся храп. Напрягла слух до предела и поняла, что храпит человек, который находится где-то рядом.

Виктория пошарила вокруг и нащупала бревно. Догадалась — это бревенчатая стена. По запаху прелого зерна определила, что находится в каком-то амбаре. Попробовала приподняться, но острая боль прижала ее к земле. Виктория обождала, пока станет чуточку легче, и снова, сжав зубы, чтобы не крикнуть, попыталась встать. Боль по-прежнему тянула вниз, но она, вся напрягаясь, цеплялась пальцами за бревна и медленно, медленно поднималась.

Наконец она встала. Рука ее коснулась соломенной стрехи. Значит, амбар старый, осевший и невысокий. Машинально, еще не соображая, что в этом ее спасение, Виктория начала выдергивать из стрехи пучки твердой, спрессованной от времени соломы. Горсть за горстью, горсть за горстью. Вот уже почная прохлада коснулась пальцев ее рук, исколотых соломой. Сквозь образовавшуюся щель она увидела звезду. Она как бы подмигивала и звала: «Быстрее, быстрее, пока не наступил рассвет, пока можно уйти незамеченной».

А солома все падает и падает пучками под ноги. И Виктории кажется, что это не она сама выдергивает ее из стрехи, а кто-то из товарищей, пришедших на помощь. Когда же в проделанной дыре она увидела звездное небо, — остановилась. «Не все еще пропало, — подумала она, — попробую выбраться».

Затаив дыхание, прислушивалась: храп раздавался с противоположной стороны. По-видимому, там, у закрытой двери, спал немецкий часовой. Надо было спешить, пока его не разбудил приближающийся утренний холодок.

Виктория попыталась подтянуться, чтобы пролезть в дыру, оперлась на правую ногу и тут же присела — острая боль молнией прошла тело. Но левая нога болела терпимо. Виктория собрала под себя всю солому, которую надергала из стрехи. Теперь дыра была на уровне груди, можно пролезть. Виктория просунула в образовавшееся отверстие руки и голову, оперлась на локти — и вот она на крыше. Еще усилие — и скатилась на землю. Чуть не вскрикнула от боли, но заставила себя и звука не проронить.

С минуту Виктория лежала, прислушиваясь. Все кругом спало. Невдалеке что-то чернело. Медленно поползла

Виктория в том направлении и очутилась в лесу, который оказался совсем близко. Здесь, только здесь было ее спасение.

В лесу она отыскала сучковатую палку и пошла, опираясь на нее, в партизанский лагерь. Сознание, что скоро будет среди своих, прибавляло сил, поднимало настроение. Боль несколько утихла, и она уже могла идти без палки, с радостью подмечая, что ноги снова стали послушными.

Вдруг лес загудел, застонал, заухал, будто под него подложили тысячи тонн взрывчатки. Дробно застучали осколки по коре деревьев.

Виктория остановилась у густого орешника, подлезла под ветки и залегла. Она обождала, пока стихнет обстрел, и собралась было идти дальше, но услышала шум самолетов. Стервятники сделали разворот и от них стали отделяться какие-то точки. «Бомбежка», — поняла Виктория, плотнее прижимаясь к земле. Раздался режущий свист. Казалось, что бомба летит точно в то место, где лежала Виктория. Но вот ухнуло где-то совсем рядом. «Хорошо, что так. Могло быть и хуже», — вытирая вспотевшее лицо, подумала Виктория.

...Она стремилась в бригаду имени Пожарского, где находился Петренко, а очутилась рядом с палаткой командира бригады имени Суворова — Остапа Гавриловича Казанкова.

Остап Гаврилович несколько осунулся. Глаза его устало рассматривали Викторию.

— И где это тебя так? — сочувственно спросил он.

— Об этом потом, Остап Гаврилович, — вы мне лучше скажите, далеко ли до нашей бригады?

— Близко. Только никуда я тебя сейчас не отпущу. Садись сюда, — показал Казанков на невысокий пенек.

Виктория присела, потому что и в самом деле ей тяжело стало стоять.

А к палатке подходили люди. Коротко докладывали они командиру бригады о создавшемся положении. Оно было прямо-таки критическим. К утру 8 июля кольцо, в котором находились партизаны, нескольких бригад, сомкнулось до шести-восьми километров.

— Двинем на север. Авось, там и удача, — предложил один из командиров, которого Виктория видела впервые.

— Удача-кляча. Садись да и скачи, — ответил Казанков. — Не на удачу, товарищи, надо надеяться. Нам сле-

дует разработать такой план, который помог бы перехитрить немцев. — Да, пере-хитрить, — подчеркнул он, — потому что силы неравны и только хитростью мы сможем обмануть врага и вырваться из кольца.

— Вот и надо немедленно действовать, — снова вмешался в разговор тот же незнакомый Виктории командир. В ответ кто-то пошутил:

— Поспешность пужна в двух случаях: при ловле блох и при поносе.

Казанков обождал, пока стихнет смех, и приказал:

— А теперь, товарищи, идите в отряды. Посоветуйтесь с народом.

Когда у палатки никого, кроме Виктории, не осталось, Остап Гаврилович сказал ей:

— Ну сейчас, пожалуй, я тебя отпущу. Ваша бригада находится вон там, — указал он рукой на север.

Они тепло попрощались.

Только Виктория скрылась за густыми березами, как снова начался обстрел. Он несколько раз возобновлялся. Не утихнул и с наступлением темноты.

Всю ночь не знал покоя партизанский лагерь. На него обрушивался шквал огня. Как в сильную бурю, стонали деревья. Обезумев от страха, метались сорвавшиеся с привязи лошади.

На рассвете канонада прекратилась. В лесу опять стало страшно. На этот раз от наступившей тишины.

Но вот в небе снова появились самолеты. На партизанский лес посыпался дождь листовок. На каждой была напечатана карта Софиевского леса и ярко очерчено кольцо, в котором находились партизаны. Тут же крупными буквами было напечатано: «Ваше положение безнадежно. Выход один — сдаться. Эта листовка может служить пропуском для каждого, кто решит сдаться».

— Ишь, до чего обнаглели, — брезгливо держа листовку, негодуя, произнес Казанков. Перед его глазами еще живо стояла картина недавнего боя, который стоил жизни командиру бригады украинских партизан Попудренко. Во время второй попытки прорваться в добрушском направлении он был смертельно ранен. Прорваться партизанам снова не удалось.

Один за другим из ночной разведки возвращались разведывательные группы Балицкого, Житенева, Чепурнова, Иванова, Иващенко.

Разведчики докладывали:

— Немцы заняли большак Дубровка — Софиевка. Основные их силы располагаются тут...

— Они роют окопы вдоль большака...

— Немцам подвезли цистерну со спиртом...

— Валят лес в сторону нашего лагеря...

Казанков мучительно думал над тем, какое же принять решение. Мысли его прервал разведчик Николай Иващенко.

— Товарищ командир, — доложил он торопливо и взволнованно, — немцы загорают на солнце. Вот когда бы их...

— Загорают? — лицо Казанкова оживилось. — Так ты говоришь, что загорают на солнце? Так ведь это отлично! Немедленно созвать всех командиров, — приказал он.

— Товарищи, — обратился Казанков к быстро собравшимся командирам. — Мы сегодня можем и должны обязательно вырваться из кольца.

— Сегодня? — послышались удивленные возгласы.

— Да, сегодня, сейчас, днем, — четко ответил Казанков.

Уловив недоумение на лицах товарищей, он тотчас же подробно рассказал, почему у него возникло такое решение:

— Судя по последним данным нашей разведки, немцы уверены, что после гибели Попудренко мы не посмеем сунуть к ним носа, тем более днем. Этим нам следует и воспользоваться. Надо ударить по врагу там, где он меньше всего ожидает этого и в такое время, когда он менее всего рассчитывает на это. А теперь давайте детально обсудим план...

Командиры быстро договорились обо всем, что было связано с внезапным нападением на основные силы немцев, окопавшихся у большака Софиевка — Дубровка. Установили точно, как и где действовать, в какое время и кому нанести удар.

Часы показывали 14.30, когда разведка доложила Казанкову: — У немцев начинается обед. Они выстроились с котелками у полевых кухонь.

— Отлично! — воскликнул Казанков. — Скоро они получат от нас отличную закуску.

В 15.30 партизаны заняли согласно плану исходные позиции для атаки. Немцы в это время начали отдыхать после обеда.

Тремя группами приближались партизаны к большаку.

В первой паходились самые сильные и выносливые. Им предстояло нанести главный удар и сломить сопротивление врага. На небольшом расстоянии от них замерли в ожидании бойцы второй и третьей групп.

Осторожно, по-пластунски доползла первая группа автоматчиков до деревьев, сваленных фашистами. Несколько десятков метров теперь отделяли их от врага. Но какими длинными казались они!

Проглядывались фашистские окопы за большаком. Виднелись солдаты, греющиеся на солнце. Доносилась недружная песня подвыпивших вояк.

— Чего тянут? — слышался нетерпеливый шепоток среди партизан.

И как бы в ответ на это в небо взметнулась ракета — сигнал штурма.

В тот же миг сотни людей с криками: «Ура-а!», «За Родину!» устремились через завал на фашистские позиции.

— Рус! Партизанен! — в панике закричали ошалелые и перепуганные фашисты.

Застрекотал вражеский пулемет, отозвался второй, третий. Но сразу смолкли.

Не было теперь силы, которая могла бы остановить наступление партизан. Вслед за автоматчиками шли те, которые послабее. А за ними на подводах сжали женщины, дети и тяжелораненые. Все это создавало впечатление огромной силы.

И фашисты дрогнули. Бросая оружие, оставляя раненых, они бежали неведь куда.

Бой закончился так же неожиданно, как и начался. Главная задача — прорвать вражеское кольцо и сохранить силы, людей — была успешно выполнена.

Уходил летний день. Солнце клонилось к закату. Партизаны покидали Софиевский лес, который был им другом, но мог стать и братской могилой.

...В то время, когда бригада Казанкова думала, как вырваться из вражеского окружения, из бригады имени Пожарского была направлена группа под руководством командира отряда имени Ленина Малорусова, в которой находилась и Виктория. Группе предстояло отыскать наиболее уязвимое место в блокадном кольце.

Всю ночь шла группа, надеясь найти такое место. Наступал рассвет, а с ним лес окутал такой густой туман, что в нескольких шагах нельзя было ничего разглядеть. Но

вот первые лучи солнца позолотили верхушки сосен. Туман стал рассеиваться. И тут партизаны увидели, что находятся в ложбине, с трех сторон окруженной фашистами. Вражеская подкова оцетинилась пулеметами и минометами.

— Рус, сдавайся! — заметив партизана, закричали фашисты.

— Назад! — приказал Малорусов, и разведчики стали поспешно отходить.

Впереди показался заболоченный лес. «Сюда фашисты не посмеют пойти», — подумала Виктория. Обернулась и увидела, что ее преследует немец. Виктория выстрелила в него почти в упор. Фашист упал.

Виктория оглянулась по сторонам. Из их небольшой группы еще оставался в живых Малорусов. Казалось, что он все время оберегает ее.

Неожиданно Малорусов споткнулся и, качнувшись, повалился на бок. Забыв об опасности, Виктория поспешила к командиру, быстро перевязала ему сквозную рану на груди.

— Беги! — с трудом произнес Малорусов. — Передай...

Что-то забулькало в горле командира. Глаза закатились. Страшно потяжелевшая голова упала на колени Виктории.

К болоту совсем близко из-за деревьев выкатились несколько солдат. Они, видимо, решили живой взять Викторию.

Подпустив солдат поближе, Виктория метнула в них гранату, а сама по вязкой, топкой жиже устремила вперед. «Мне надо обязательно предупредить товарищей о грозящей опасности», — думала она.

Под ногами булькала вода, над головой вились стаи комаров. Она отмахивалась березовой веткой, но это мало помогало. Ноги и руки горели от укусов.

Времнами Виктория ложилась в липкую жижу и противной, вонючей водой смачивала губы.

Когда было уже за полдень, Виктория услышала где-то в стороне стрельбу, до нее донеслось приглушенное «Ура-а!»

«Что могло случиться? Стрельба в эти дни — не новость. Но крик людей?» — никак не могла понять Виктория, что же случилось.

Она шла еще долго. Теперь ко всему прибавилось чув-

ство голода. Но что найдешь на болоте? Осока, мох да рыжая жижа.

Потом голод как-то сам по себе притупился. Вновь завладела Викторией тревога: что с партизанским лагерьем? И тут совершенно неожиданно перед ее глазами выросло поле, за которым она наблюдала, направляясь в разведку в Рогов. Виктория по всем признакам определила, что находится возле Рогова. Краем леса обогнула поле и почти вплотную подошла к деревне. Ползком добралась до крайней избы, осторожно заглянула в открытую дверь.

— Прячься, немцы! — предупредила хозяйка Викторию, поспешно заталкивая ее в чулан.

А через некоторое время вошла и позвала в дом. Налила стакан парного молока. Подала незваной гостье.

— Пей... Ушли проклятые...

Виктория сделала глоток и отодвинула стакан:

— Нет ли у вас кусочка хлеба?

Хозяйка дома принесла краешек:

— Ешь на здоровье.

...Теперь можно было идти дальше. И Виктория, поблагодарив добрую женщину за радушие, направилась в Роговский поселок. Там было так тихо, будто все вымерли. А надо было обязательно кого-либо увидеть, чтобы расспросить, куда дальше держать путь.

И тут на счастье из калитки, опираясь на дубовую палку, вышел старик. Сел на завалинку, закурил самосад.

— Добрый день, дедушка, — поздоровалась Виктория.

— Здравствуй, — разглядывая ее исподлобья, ответил старик. — А ты вроде не наша.

— Ага. Иду в Карповичи. Как мне туда быстрее добраться?

— Была одна лошадка на всех, да и ту супостаты забрали, — не поняв Викторию, ответил старик.

— Я не о том, дедушка. Я пешком пойду, — рассеяла недоумение старика Виктория. — Дедушка, а наши здесь не проходили?

— Ишь, девка, чего вздумала, выпытать, — усмехнулся старик.

— Так я же, дедушка, своя. Не веришь?

— Верю, доченька. Только мало их шло. Оборванные, голодные, усталые. И детишки с ними...

— А не слыхал, дедушка, куда они шли?

— Кажется, что в Соловьевские леса. Но точно за это не ручаюсь.

— Где же эти Соловьевские леса?

— За селом Крапивное... верст этак двадцать отселе...

— Спасибо, дедушка. Я пошла...

«Стало быть, вырвались наши из Софиевского леса!» — решила Виктория.

— Может, доченька, березового сока попьешь? — спохватился старик. — Дорога, чай, не близкая. А он, сок-то березовый, аж с самой матушкой-землей связан. Быстро силы восстанавливает.

— Попью, дедушка.

— Тогда маленько обожди. — И старик, необычно ловко поднявшись, заспешил во двор. — Смотри не уходи только... Я мигом...

Холодный, чуть кисловатый березовый сок приятно разлился по усталому телу Виктории. Был в нем едва уловимый аромат леса и трав.

— Большое спасибо, дедушка, — поблагодарила Виктория и направилась дальше.

СЛУЧАЙ В СЕЛЕ КРАПИВНОЕ

Словно море, волнуется желтеющая нива. Подует ветерок, и волны катятся по созревшим хлебам. В тот год особенно тучными были они в районе села Крапивное, что находилось в тридцати с лишним километрах от Новозыбкова. Глядели крапивенцы на поля и вздыхали. Знали они, что все это отберут проклятые фашисты.

Такой нивой, примыкающей к лесу, шла Виктория, направляясь к селу Крапивное.

Небольшая дорога, петляющая среди хлебов, вела к окраине села. Теперь на ней не было видно людей. Прохладный ветерок, будто играясь, временами крутил песчаную пыль, слепящую глаза.

Виктория протерла глаза. Остановилась, стараясь внимательнее рассмотреть окрестность. Но только, перейдя ржаное поле, она увидела баню, в которую вошла женщина. Виктория решила спросить у нее, как дойти до Соловьевки. Но тут ветер донес чей-то злобный окрик:

— Стой!

Виктория обернулась и увидела всадника, на рысях приближающегося к ней. «Полицай», — мелькнула догадка, и разведчица ускорила шаги. Этот день мог стать последним, если бы перед девушкой не встала преграда — глубокий ров, растянувшийся на несколько километров. Берега его были обрывисты. «На коне через этот ров не

переберешься», — сообразила Виктория. Она побежала вдоль обрыва, отыскивая сносное место для спуска.

А всадник уже почти достиг ее.

— Стой, стрелять буду! — отчетливо слышалось за спиной.

Думая сейчас только о своем спасении, она, уже не разбирая ничего, прыгнула вниз, скатилась по крутому откосу и нырнула в густой кустарник, пересиливая вновь появившуюся во всем теле боль. Цепляясь за ветки кустов, Виктория выкарабкалась из оврага, вбежала в предбанник, проворно сорвала с себя свои лохмотья, зарыв их вместе с единственной гранатой в конопляную тресту, горкой сваленную в углу предбанника, и вошла в баню.

Моющиеся женщины окаменели, увидев перед собой незнакомку, тело которой было все в кровоточащих ссадинах и синяках.

Одна из женщин громко прошептала:

— Из леса, наверно?..

— Не пугайтесь, — услышав это, успокоила Виктория. — Я из города шла к вам за хлебом... Привязался какой-то...

В это время раздался голос полиция:

— Эй, бабы, не заходила к вам сейчас девка? Говорите только правду, не то слезу с коня и проверю. Если увижу чужую, добра от меня не ждите.

Перепуганные женщины вопросительно смотрели на Викторию, и она поняла, что должна действовать. В одно мгновение очутилась она возле горки тресты, вытаскивала оттуда гранату, сорвала кольцо и, высунувшись из двери, метнула что было силы.

Расстояние до всадника, находившегося по ту сторону обрыва, было порядочное, граната не долетела, но от взрыва лошадь встала на дыбы, едва не сбросив уцепившегося в страхе за гриву всадника, и, закусив удила, с диким ржаньем понесла его в поле.

Недомышленные женщины торопливо оделись. Виктория тоже набросила на себя лохмотья: нужно было уходить. Не могла же она допустить, чтобы из-за нее пострадали ни в чем не повинные люди.

Выскочив из предбанника, она очутилась рядом со старухой, лицо которой показалось очень знакомым. Та повернула в Заречье. Виктория не отставала. Какое-то шестое чувство подсказало ей, что старуха эта укроет, сна-

сет. Она лихорадочно рылась в памяти, стараясь вспомнить, где она ее видела.

На краю Заречья старуха остановилась.

— Ты чего это ко мне привязалась? Хочешь беду на нас, старых, накликать?

И тут Виктория вспомнила ее.

— Бабушка, неужели вы не узнаете меня? — с горькой улыбкой спросила она.

— Да кто же ты такая? Откуда будешь?

— Из Повозыбкова.

— А где же там живешь?

— На Наримановской улице.

— А не слыхала там про учителя Сулимова?

— Мы с ним соседи, бабушка, — уже окончательно убедившись, кто перед ней, ласково ответила Виктория.

— Постой, постой, — остановилась старуха и, взглядываясь в лицо Виктории, сказала: — Та ты не Трофимовны ли дочка?

— Она самая, бабушка.

— Господи! А я гляжу-гляжу и все признать не могу. Сдается, знакомая, а чья — не определяю.

— Да, трудно, наверное, — согласилась Виктория.

— Где ж это тебя так?

— Несколько дней назад в лапы к ним попала. Еле живая осталась.

— Ох, ироды проклятые! Придет и на них божья кара, обязательно придет! — И старуха, повернувшись назад, погрозила кулаком. — Пойдем скорее, милая.

Они шли теперь рядом. Старуха поглядывала все на Викторию и вздыхала. Но вот она остановилась возле небольшой деревенской избы, под окнами которой росла си-реня, и сказала:

— Заходить тебе к нам пока нельзя. Иди вон в гумно, — указала она на строение, видневшееся в конце огорода. — Когда вернется дед, сообща обмозгуем, как быть дальше.

В гумне пахло рожью. Виктория устроилась за снопами необмолоченного хлеба и стала ждать.

Вот в щели гумна повеяло уже вечерней прохладой. Дышать стало легче. Виктория наслаждалась неожиданным отдыхом.

Вдруг до ее слуха донесся мужской голос:

— Как же ты, Фрося, не подумала, что в гумне ей не место. Ведь она, сказываешь, нобитая вся...

— Вся как есть, Гриня, — прозвучал в ответ уже знакомый голос старухи. — Места живого на ней нет.

Дверь отворилась, и на ток ступил старик с бородой. Он подошел почти вплотную к Виктории.

— Ты уж прости, дочка, что так получилось. Посиди еще немного, а как совсем стемнеет, заберем тебя отсюда, — сказал он и ушел.

Виктория снова осталась одна. «Похоже, что хорошие люди, — подумала она. — Должны помочь».

А сумерки все сгущались. Заглянув в щель, Виктория уже не увидела домов, ни улицы — кругом была мгла.

Снова пришел старик.

— Ну пошли, дочка, на новое местожительство. Пропишем тебя без паспорта, — пошутил он, взяв ее за руку. — Тебе, может, подсобить немного?

— Большое спасибо вам. Я пойду сама...

Новым местожительством Виктории стал чердак, набитый почти до самого конька крыши свежим душистым сеном. Теплота и запахи разнотравья ошпарили Викторию, и она не заметила, как уснула. А на завтра уже не смогла встать — тело сковала острая боль, кровоточащие раны начали гноиться.

Теперь к Виктории на чердак забирались и Григорий Павлович Сулимов, и жена его Ефросинья Никитична, и их дочь Маня, и невестка Ксюша. Они приносили ей пищу, обмывали гноящиеся раны то чебрецом, то грудисником, то настоями других целебных трав. Кормили хорошо, хотя сами жили впроголодь.

— Я у вас, как на курорте, — пыталась шутить Виктория.

— Какой там курорт, — ворчал Григорий Павлович. — Все лучшее забрали...

Однажды утром к дому Сулимовых подъехали конные, загрохотали в дверь:

— Открывайте быстрее!

У Виктории сердце затрепетало. Ей очень знакомым показался этот несколько хрипловатый голос. Где она его уже слышала? «Стой!», «Если увижу чужую, добра не ждите!» — вспомнила она полиция у бани. Это, несомненно, был он.

Из дома донесся кашель. Открылась дверь, ведущая в коридор, и Виктория услышала щелчок запора и недовольный голос Григория Павловича:

— И кого это в такой ранний час носит?

— Веди в хату, — приказал тот же хрипловатый голос незваного гостя.

Полицейских было двое. Один — высокий, тощий. Другой — низкий, но толстый. Войдя в дом, они подскочили к кровати, на которой еще спали Маня и Ксюша.

— Кто из них партизанка? Ну, быстрее рассказывайте! — приказал высокий полицейский.

— Да побойтесь же бога. Это же дочка моя и невестка, — запричитала Ефросинья Никитична, отойдя от печи, у которой хозяйничала.

— Не кричи, старуха, люди сами разберутся, — успокоил ее Григорий Павлович. Он вынул большой кисет с табаком: — Закурите.

Толстый полицейский потянулся тотчас же к кисету.

— погоди, — остановил его второй. — Не видишь, что старик задабривает. Пусть рассказывает, где скрывает партизанку? — закричал он.

— Ироды проклятые! Вот я и есть партизанка, — подскочила с ухватом к полицейским Ефросинья Никитична. — Ни стыда у вас нет, ни совести.

— Окаянная, — отмахиваясь от старухи, заряжали полицейские. — Благодарите бога, что мы сегодня того самого... в настроении.

— Да я вижу, что где-то уже хватанули первача. Вот вам и наш подарок, — и Ефросинья Никитична сунула каждому полицейскому по кисету табака. — А теперь ступайте с богом. Не мешайте нашей молодежи спать.

— Нн-о, ты смотри у меня, — водя пальцем перед лицом Ефросиньи Никитичны, пьяно пригрозил высокий полицейский и двинулся к выходу. За ним пошел и второй.

— Слава тебе богу, — перекрестилась Ефросинья Никитична.

Виктория слышала громкий разговор в доме, но о чем идет речь понять не могла. «Неужели обыск?» — тревожно думала она, находясь в самом глухом углу чердака, который мог для нее стать ловушкой. — Надо перебраться в более безопасное место».

Но тут на чердаке появился Григорий Павлович. Едва усаkali полицейские, он поспешил к Виктории.

— Слышала, как только что шумели? — спросил он.

— Слышала.

— Так вот выходит, что больше тебе здесь оставаться нельзя.

— И я так думаю. Да я уж почти здорова. Вот только печего на ноги обути.

— Достанем.

Когда Виктория переоделась и обулась, как-то сразу ушла расслабленность.

— Совсем не та Виктория, — залюбовался Григорий Павлович.

Ушла Виктория от Сулимовых почью следующего дня. Расцеловалась со всеми, как с родными. Расставаться было как-то грустновато. Но нужно было идти. Еще раз обняла Ефросинью Никитичну и растворилась в летней ночи.

Дорога повела ее в село Карповичи.

От Крапивного до Карпович не так уж далеко. Туда можно добраться часа за три. Но Виктория, еще не совсем окрепшая, подошла к дому Палеев, когда на востоке заалела заря. Пробралась во двор, хотела постучать в дом, но передумала.

«Не буду тревожить. Обожду», — решила она и направилась к телеге, стоящей у сарая. На ней лежало сено. «Совсем хорошо», — обрадовалась Виктория. Положила под голову сумку, которую дали ей Сулимовы, зарылась в сено и быстро уснула.

— Вика! — кто-то ее легонько толкнул. — Проснись!

— Кто? Где? — подскочила Виктория.

— Не пугайся. Это я, — гладила Шура подругу по голове.

— Ты, Шурочка? — наконец сообразив, где находится, сказала Виктория. — Здравствуй! — И подруги обнялись.

— Сколько это мы с тобой не виделись?

— Пожалуй, больше года.

— А ты молодец, Шурка. Вроде подросла, похорошела и косы носишь по-прежнему. Ведь с ними такая возня.

— «Коса — девичья краса. Не расплетать косы, до вечерней росы. Суженый придет, сам расплетет». Так, кажется, написано в словаре Даля?

— Кажется так, Шурка.

Подруги немного помолчали.

— Тебе, наверно, было нелегко, — внимательно разглядывая похудевшую Викторию, вповь заговорила Шура.

— Была в Софиевском лесу. Лечила раненых партизан. Потом попала в блокаду. Как видишь, осталась в живых. А теперь вот, как дуреха, лежу на сене и не знаю, что дальше делать.

— Говори, пожалуйста, тише. За нашим домом, кажется, следят, — попросила Шура Палей.

— Так, может быть, мне уйти?

— Я тебя отведу к бабушке. Там безопаснее. Но это потом. А сейчас пошли завтракать. Мама уже приготовила.

Они умылись тут же на дворе и вошли в дом.

— Вика, дорогая! — бросилась навстречу Мария Григорьевна. Они обнялись, расцеловались. — Садись. Рассказывай, как там у вас?

— Мама, — с укоризной посмотрела Шура на Марию Григорьевну. — Человек есть хочет, а ты...

— Сейчас, доченька, сейчас...

Мария Григорьевна достала из печи большой чугуи. Запахло картошкой.

— Ешьте, — ставя на стол миску с рассыпчатым молодым картофелем, сказала Мария Григорьевна. — С огурчиками будете или с простоквашей?

— С тем и другим, мама, — ответила Шура.

Рассыпчатая картошка таяла во рту. Свежие огурчики приятно хрустели. Викторини казалось, что она никогда в жизни еще не ела такого вкусного блюда.

— Ох и наелась, — сказала она, когда в миске исчезла последняя картофелина.

— Может, добавить? — предложила Мария Григорьевна.

— Спасибо...

Вошел Павел Григорьевич. Тоже похудевший. Небритые щеки словно мукой обсыпало. Поздоровался с Викторией сдержанно, будто ее только вчера видел.

«Что-то не такой он, как всегда», — подумала Виктория.

— Придется тебе, Виктория, перейти к моей матери, — сказал он как-то смущенно. — Уж больно приглядывается Мазепа к нам. До вечера-то побудь у нас. С Шурой поговоришь. Ведь давно не виделись. — Глаза Павла Григорьевича подобрели.

— Вика, пошли на сеновал, — потянула Шура подругу за руку.

— Не верится, что снова вместе, — укладываясь рядом с Викторией на сеновале, сказала Шура. — Думаю, что скоро война кончится. Правда, Вика?

— Нет, еще тяжелая борьба предстоит.

— Хочется, чтобы наши скорее победили. Видишь, как

тяжело отцу, да и Мише нашему нелегко,— продолжала Шура.

— Миша в партизанах? — спохватилась Виктория.

— Нет.

— А где же он?

— В управе. Он там служит.

«Неужели предатель?» — с горечью подумала Виктория.

А Шура продолжала:

— Вызвал его наш староста Грищенко и сказал, чтобы пошел служить в полицию. Но ты же знаешь, какой у нас Миша. Он ответил, что в холуи не годится и пусть этим сам Грищенко занимается, если ему так нравится служить на немцев. Успокоился только тогда, когда узнал от старосты, что такова воля Немченко.

— Не пойму,— пожимая плечами, сказала Виктория.— То Мазепу старостой пазывают, то Грищенко.

— Так ведь Грищенко был первым старостой, а Мазепа у нас старостой недавно.

— Толком расскажи мне, Шурка, кто же все-таки Грищенко? — попросила Виктория.

— Иосиф Емельянович Грищенко — бывший председатель колхоза имени Димитрова. Не знаю, как удалось ему войти в доверие к фашистам, только они назначили его старостой и долгое время был он у них на хорошем счету.

— А как он себя ведет сейчас?

— Чуть не застрелил Мазепу.— И заметив удивление на лице Виктории, Шура добавила: — Не удивляйся. Я же тебе еще до конца не все рассказала. Так вот слушай. В марте Тимофею Савельевичу стало известно, что какой-то предатель передал гестапо список двадцати партизанских семей, проживающих в Карповичах. В списке значилась и фамилия Грищенко. Тут же Немченко связался с Грищенко и приказал ему готовиться к уходу в партизанский отряд.

Шура вздохнула.

— Знаешь, как свирена наша Сновь весной? Грищенко сумел достать немецкий баркас, погрузил на него партизанские семьи и по бурной реке в темную ночь перебрался в лес. Знала бы, как радовался он, когда очутился в партизанском отряде. Прыгал, как мальчишка, и кричал: «Кончилась моя собачья жизнь!»

А Немченко обнял его и при всем народе сказал:

Т. С. Немченко. Снимок довоенных лет.

— Ты, Иосиф Емельянович, славно потрудился для общего дела. За это тебе большое наше общее спасибо!

«Откуда она так много знает?» — слушая подругу, задавала себе вопрос Виктория. И чтобы рассеять малейшие сомнения, глядя в глаза подруге, спросила:

— Кто тебя обо всем этом информировал? Говоришь так, будто сама все видела.

— Видеть не видела. А слышать слыхала. Ведь не раз в это время бывала в лесу у наших. Миша через меня передает сведения для них.

Теперь, когда Виктории стало совершенно ясно, что Миша не предатель, а Шура крепко связана с партизанами, ей захотелось подробнее узнать о Тимофее Савельевиче Немченко.

— Не сможешь сегодня устроить встречу с Тимофеем Савельевичем, — спросила Виктория и испугалась, заметив, как изменилась в лице подруга.

— Что с тобой? — беспокойно спросила она Шуру.

Шура молчала.

— Ну, говори же скорее...

— Тимофея Савельевича уже нет, — с трудом выдавила Шура.

— Как нет?! Погиб? — вплотную приблизилась к подруге Виктория.

— Да... погиб...

— Давно?

— Месяца три с лишним назад. В апреле...

ГИБЕЛЬ КОМИССАРА

Апрельским днем тысяча девятьсот сорок третьего года руководителю карповичских партизан Тимофею Савельевичу Немченко стало доподлинно известно, кто предатель,

из-за которого едва не погибли Грищенко и партизанские семьи.

«Надо проучить гада, чтобы и другим не повадно было», — решил Немченко. Он взял с собой Павла Нечипоренко, и они отправились на выполнение задания. Оно прошло успешно. Предатель был расстрелян. Но, возвращаясь назад, партизаны наткнулись на засаду полицеев. Завязалась перестрелка. Немченко был ранен в ноги и в правую руку. Павел Нечипоренко подхватил его, взвалил на спину и, пользуясь темнотой, ушел от преследователей.

Дотащив Немченко до относительно безопасного места, Нечипоренко пошел искать человека, который смог бы оказать раненому помощь. Нашел ветеринарного врача Михаила Голуба, привел его к Немченко. Когда раны были перевязаны, решили перенести комиссара партизанского отряда в дом Марфы Никитовны Нечипоренко. Молчаливая и угрюмая, жила она на отшибе, никто из соседей к ней не заглядывал.

Приняв в дом гостей, старуха преобразилась. Она скорее всего подготовила постель, помогла удобнее уложить комиссара, поднесла ему стакан молока.

— Пей, Савельич. Молоко козье очень даже полезное.

Немченко жадно выпил молоко.

— Пей еще, касатик. Легче станет...

— Спасибо, Марфа Никитовна, больше не могу, — тихо ответил Немченко.

Он был бледен. Говорил с трудом. Кивком головы подзывал Нечипоренко.

— Пусть фельдшер немедленно уходит.

— Тебе, Михаил, и в самом деле надо немедленно отсюда уйти, — поддержал комиссара Нечипоренко. — Никто не должен знать, что ты связан с партизанами. Понял?

— Понятно, — ответил Голуб и сразу же покинул дом Марфы.

Теперь в небольшой комнатухе оставались только Немченко и Нечипоренко.

— Что скажешь, — уловив тревогу во взгляде комиссара, спросил Нечипоренко.

— Скоро будут возвращаться наши. Надо их предупредить...

Нечипоренко сразу понял, что имеет в виду Немченко. Дорогой, по которой они недавно прошли, скоро должна была возвращаться группа подрывников. Они могут натол-

кнуться на засаду. Их надо было во что бы то ни стало заблаговременно предупредить.

— А как же вы, Тимофей Савельевич? — Нечипоренко дал понять, что не решается оставить раненого товарища.

— За меня не беспокойся. Я полежу. Здесь безопасно. Едва затихли шаги Нечипоренко, в комнату вошла Марфа Никитовна.

— Полегчало, Савельич? — участливо спросила она.

— Немножко легче.

— Ну и слава богу...

Немченко попросил Марфу Никитовну подойти поближе. Ему все тяжелее становилось говорить.

Женщина склонилась над изголовьем, ожидая, что скажет Немченко.

— Тебе, Марфа Никитовна, тоже надо уйти отсюда, — собравшись с силами, сказал Немченко.

— Из отцовского-то дома? — не понимая, почему ее отправляет Немченко, запротестовала Марфа Никитовна.

— Хочешь, чтобы меня убили?

— Да как тебе не совестно, Савельич, об этом говорить. Да я...

Не дав ей кончить, Немченко прошептал:

— Тогда сходи в Красные Лозы и передай, что я в твоём доме.

Знал, конечно, Немченко, что в Красных Лозах Марфа Никитовна никого не найдет. А посылал для того, чтобы уберечь ее от гнева фашистов, если те обнаружат его в доме крестьянки.

— Иду, Савельич, иду, родной, — засуетилась Марфа Никитовна.

Она была уже у порога, когда Немченко, постучав здоровой рукой о край деревянной кровати, вернул ее:

— Положи на табуретку, — сказал он едва слышно, — и указал на немецкий парабеллум, в котором после ночной перестрелки оставалось два патрона.

Марфа Никитовна тяжело вздохнула, но просьбу выполнила.

— Я закрою тебя, Савельич, на замок. Добре?

Немченко молча кивнул головой.

Марфа Никитовна направилась в Красные Лозы.

Быть может, все кончилось бы благополучно для Немченко, если бы не предатель Анищенко. Кулак, сосланный в годы коллективизации, недавно объявился в Карповичах и теперь выслуживался перед фашистами.

Проходя мимо дома Марфы Пикптовны, он заметил на дверях ее избы большой ржавый замок.

Знал Анищенко, как и другие жители, что Марфа Нечипоренко не запирает двери. Знали люди и шутили по этому поводу, что к пустой избе замка не надо.

«А вдруг партизаны спрятались у старухи?» — подумал Анищенко. Тихонько подобрался он к окну и заглянул в избу. В комнате стояла старая деревянная кровать. Возле нее на самодельном стуле лежал парабеллум.

Анищенко прилип к стеклу. Но в это время человек, лежавший к окну спиной, зашевелился. Анищенко отпрянул от окна и что есть духу побежал к старосте Мазепе.

— Ищите комиссара, а он, может, у вас под носом, — закричал Анищенко, вбегая в дом Мазепы.

— Где? — взревел Мазепа, не заметив, как побледнела его жена. Училась она у Тимофея Савельевича, уважала его и сейчас не знала, что предпринять, чтобы обезопасить учителя.

— Да врет он, — указала женщина на Анищенко. — Это ему почудилось.

— Не встревай в разговор, баба, — рассердился Мазепа. — Говори, где? — повторил он свой вопрос.

— У Марфы Нечипоренко!

— Если врешь... — И Мазепа, схватив Анищенко за ворот, потряс его.

— Вот те истинный крест! — размахисто перекрестился Анищенко.

Мазепа тут же вскочил на коня и помчался в Семеновку. «Кукиш ты, Анищенко, получишь, а не награду, — думал он, уже видя самого себя с наградой и огромной суммой марок, хрустящих в жирных ладонях. — А ежели даже там не Немченко, а другой партизан — все равно будет награда».

Отряд карателей быстро прискакал в Карповичи. Фашисты окружили дом, сбили замок. Но войти в помещение не решались.

— Если есть кто — выходи! Гарантируем жизнь, — повторяя слова командира карателей, крикнул Мазепа.

Никто не ответил.

— А может, там никого и нет? — высказал подозрение командир карателей. — А пу, посмотри в окно, — приказал он Мазепе.

— Мазепа, дрожа от страха, подполз к окну.

— Немченко! — крикнул он, увидев в комнате Тимофея Савельевича и встретившись с ним взглядами.

Щелкнул выстрел. Мазепа рухнул наземь. «Кажется, уничтожил предателя», — с радостью подумал Немченко, не заметив, что, стреляя левой рукой, с непривычки промахнулся.

И сразу затараторили десятки автоматов. Зазвенели разбитые стекла.

Немцы с полицией ворвались в коридор.

— Сдавайся! Мы тебе гарантируем жизнь, — кричал Мазепа, выполняя распоряжение командира карательного отряда.

В ответ раздался выстрел. В страхе фашисты отпрянули от двери и долго не решались войти, боясь, что у Немченко есть еще и гранаты.

Наконец солдат рывком открыл дверь. Осмелевшие каратели влетели в комнату. Немченко лежал, откинув руку. Из виска струилась тоненькая ниточка крови. Последний патрон, прибереженный комиссаром, не подвел...

В бешеной злобе враги поволокли еще не остывшее тело комиссара на улицу, бросили на телегу и, окружив конвоем, двинулись в Семеновку. Даже мертвый комиссар наводил на них страх!

ПАРОЛЬ: «ВИКТОРИЯ! ПОБЕДА!»

Поняв, что в Карповичах оставаться рискованно, Виктория решила немедленно уйти.

Шура не стала отговаривать подругу. Только спросила: «Когда?»

— Уйду рано утром. До леса быстро доберусь. А там, как у себя дома.

Еще солнце не взошло, когда Виктория направилась к ближайшему лесу. Набрела на старых женщин, собирающих по утренней росе грибы и тихо перекликавшихся между собой.

— Далеко ли путь держишь, девка? — спросила одна.

— В Соловьевку.

— Так вот послушай совет. Будь осторожна. Сказывают, недавно немцы в Соловьевке охотились за партизанами.

— Спасибо! — поблагодарила Виктория, обрадовавшись сообщению о том, что где-то недалеко находятся

партизаны, быть может, даже из отряда Тимофея Савельевича, хотя Шура сказала, что вот уже несколько недель, как сама их найти не может — куда-то передислоцировались. «А где сейчас Вера Замотаева, что делается в лагере военнопленных?» — с тревогой подумала она.

А в лагере военнопленных подпольная работа не прекращалась ни на один день. Теперь главным в ней было распространение сводок Совинформбюро. В необыкновенно трудное время люди, находящиеся на временно оккупированной территории, должны были знать, что наша армия гонит врага и недалеко час освобождения от фашистского ига. Сообщения Совинформбюро по-прежнему принимали по радиоприемнику, который находился в кабинете коменданта лагеря Вольфа. Приемник периодически включал Фабри.

В середине июля состоялась очередная встреча Веры Замотаевой с Паисием Калпновичем Бабенко. Он был необычно возбужден.

— Наши прорвали блокаду!

— Куда же ушли? — спросила Вера Замотаева.

— Не знаю. В лесу остался только отряд Ворошилова. Находится он в глухих чащобах Софпевского леса, среди топей, через которые без проводника не проберешься. Там лежат раненых и больных, которых партизаны, прорываясь из окружения, не смогли взять с собой. Сейчас, — сказал Бабенко, — командует отрядом Алексей Поддубина. Он просит помочь бинтами и медикаментами.

— Вот мы и поможем, — решительно заявила Замотаева. Она знала, что у Анны Макаровны Мурзиновой был обыск. И все-таки надеялась у нее еще кое-что достать.

В тот же день Замотаева была в больнице, в кабинете Мурзиновой. Она заметила, что Анна Макаровна осунулась, щеки покрыл нездоровый румянец. Мурзинова часто кашляла, прикрывая платочком бескровные губы.

— Что с вами, Анна Макаровна?

— С сыном, Вера, большое горе. После того обыска никак не оправится. Сначала заикался, а теперь вообще перестал говорить. И такой нервный стал: по ночам вскакивает, плачет. Да что это я жаловаться принялась, — спохватилась Мурзинова. — Ты же ко мне по делу пришла?

— Будем надеяться, Анна Макаровна, что все обойдется... — участливо глядя на Мурзину, сказала Замотаева.

Анна Макаровна чуть не расплакалась:

В. Шишкин в годы войны.

— Мне, врачу, лучше видно... Она вытерла глаза. — Ну, так зачем пришла-то?

— Все за тем же, Анна Макаровна.

— После расстрела Карпа Ивановича очень трудно стало. Но бинтами, пожалуй, поделиться можно. А больше пока ничего нет.

— Спасибо и за это.

— Никаких спасибо. Это наша общая святая обязанность. Долг мстить. Ведь мой-то в танке сгорел...

Взяв у Мурзиновой бинты, Вера Замотаева ждала очередной встречи с Бабенко. Произошла она через несколько дней, как и было предусмотрено.

— Достала? — Это был первый вопрос, с которым Бабенко обратился к Замотаевой.

— Достала только немного бинтов. Как же мы их передадим в отряд?

— Думаю, что сама ты это и сделаешь, — ответил Бабенко. — Дорогу знаешь к «почтовому ящику» за речкой Каменкой. Там тебя будут ждать. А когда пойти, сообщу завтра... — Бабенко что-то соображал: — Нет, пожалуй, послезавтра.

В назначенный день Вера Замотаева узнала, что у «почтового ящика» ее будет ждать сам Алексей Поддубина. Приметы его: выше среднего роста, худощавый, ходит в галифе.

Знакомыми тропами Замотаева дошла до лесного «почтового ящика». Она устала не столько от ходьбы, сколько от того, что трудно было дышать: сильно жали бинты, которыми она обмотала себя.

Освободившись от бинтов и аккуратно свернув их, Вера села неподалеку от «ящика». Часов у нее не было, но по солнцу определила, что время встречи уже подходит.

В стороне слышались шаги. Вера прислушалась, не почудилось ли: в лесу столько различных шумов. Нет, это

были шаги человека. А вскоре она увидела сухощавого человека в галифе. Он подошел к дуслу и стал смотреть по сторонам.

«Поддубина», — по всем приметам определила Замотаева.

Командир отряда имени Ворошилова увидел Веру и, улыбувшись, спросил:

— Вера Замотаева?

— Да.

— Будем знакомы: Поддубина.

— Я вас сразу узнала, — ответила Замотаева. — Вот возьмите. — И она передала бинты.

— Большая тебе благодарность, — сказал Поддубина. — Понимаешь, раненых-то много. По несколько раз стираем бинты. Замучились наши медики.

Упоминание о медиках натолкнуло Веру Замотаеву на мысль спросить о Виктории, может, она у них и делает перевязки...

— Вы ничего не слыхали о Виктории Корнеевой?

— У нас ее нет.

— Не погибла ли?

— Такие легко смерти не поддаются. Знаю, что была во время блокады в лесу нашем, а сейчас ее не видно. И среди раненых не находится... Наверно, со всеми ушла... Есть у меня к тебе другой разговор, — отходя с Замотаевой в глубь леса, сказал Поддубина. — Как там дела у военнопленных?

— Кажется, все готово, — ответила Вера. — Фабри — это их главный — поведет группу до леса, а мы с Верой Белугиной будем ждать их на опушке и покажем дальнейший путь.

— Договорились. Пожалуй, на первый раз и все, — закончил Поддубина.

Вернувшись в город, Вера Замотаева сразу же постаралась встретиться с Фабри и передать ему разговор с Поддубиной.

— Закапчиваем последние приготовления, будем уходить в августе, — внимательно выслушав Замотаеву, сказал Фабри.

И вот, наконец, пришел день, к которому столько готовились участники подполья из лагеря военнопленных. Должно было совершиться дело, в которое вложили немало труда Вера Замотаева и Виктория Корнеева.

Августовским утром, как обычно, из лагеря военно-

пленных выехала телега, которую тянули пять человек. Их сопровождали четыре охранника.

Медленно брели военнопленные по пыльной дороге, ведущей к бойням, находящимся за городской больницей. Там падо было нагрузить телегу костями и к полудню вернуться в лагерь.

В группе военнопленных, тащивших телегу, был и Фабри. Много пришлось ему потрудиться, чтобы подготовить побег. Прежде всего надо было выявить, кто из военнопленных готов уйти в лес.

После того, как это было установлено, надлежало подобрать надежных охранников. Это оказалось значительно труднее. Для начала шестерым из них подбросили сводки Совинформбюро. Двое тут же сообщили об этом лагерному начальству. Остальные промолчали.

После этого Фабри начал проводить индивидуальную работу с каждым из четырех охранников. И только когда стало абсолютно ясно, что парни эти надежные, их посвятили в план побега.

Но тут возникли новые трудности. Охранники менялись. Следовало выждать день, когда все четверо благонадежных будут сопровождать военнопленных на бойню.

Такой день, наконец, наступил. Однако теперь выяснилось, что в число пяти военнопленных, которые должны ехать на бойню, не включен Фабри...

Телега двинулась к воротам лагеря. Фабри провожал ее взглядом, полным растерянности. Произошло непредвиденное. Как правило, Вилли всегда поручал Фабри в порядке негласного надзора сопровождать пленных. А тут коменданту срочно потребовалось с русского языка на немецкий перевести какой-то срочный документ, и он приказал Фабри остаться.

Не зная, что предпринять, Фабри видел, как телега отдалается от него. Вдруг один из тех, кто тащил телегу, упал. Из его ноги, обутой в деревянную колодку, полилась кровь.

— В чем дело? — подбежал комендант.

— Да вот напоролся на проволоку, — ответил оказавшийся рядом Фабри.

— Убрать! — приказал комендант.

— Разрешите мне пойти вместо него? — обратился Фабри к Вольфу.

— Ты же знаешь, что мне сегодня очень нужен, — от-

ветил комендант и повернулся, чтобы уйти.— Другого подберут.

— Сами понимаете, господин комендант, что мое присутствие с этими свиньями необходимо,— делая намек на то, что и на этот раз небезопасно пускать пленных без его надзора,— тихо сказал Фабри.— А к полудню я вернусь и живо все, что требуется, переведу вам. Вы же знаете меня...

Комендант с минуту колебался. Изю дня в день ему Фабри определенно все больше нравился. Авторитет его в глазах Вольфа особенно вырос после возвращения из Гомеля. Вот и сейчас Фабри хочет поступить явно в интересах Вольфа, чтобы ему было спокойней. Ведь и в самом деле никому из этих пленных доверять нельзя, кроме... Фабри.

— Ладно,— махнул рукой комендант.— К полудню, чтобы только точно был у меня.

— Обязательно буду, господин комендант.

...«Вот это настоящий товарищ,— подумал Фабри о парне, порезавшем ногу.— Ведь и он очень хотел уйти из лагеря. Но, видать, раньше других сообразил, что может провалиться все дело, если я не поведу людей».

И еще думал Фабри о том, как за эти неполных два года, проведенных в лагере, изменились люди. Как ни старались фашисты навязать волчьи законы — их не принял советский человек. Голодая сам, он делился с товарищами. Погибая — спасал друга. Уже бежал из лагеря Андрей Коробов. К великому огорчению коменданта, исчез художник Антон. Коменданта даже убедили, что Антона выкрали партизаны, чтобы уничтожить за верную службу Вольфу. В подтверждение прислали фотографию, на которой Антон «качался» на березе. На самом деле то был труп предателя, одетого в одежду Антона и искусно подрисованного самим художником.

Теперь уходила группа — девять человек!

Стоял жаркий летний день. Медленно брели военнопленные. Каждый был озабочен мыслью: удастся ли побег? Если да, то впереди свобода, возможность с оружием мстить врагу. Если нет — их всех расстреляют. Впрочем, никому не хотелось верить, что это последний путь. Все были готовы до последней капли крови сопротивляться, если к этому принудят обстоятельства.

Почти час шли военнопленные под охраной четырех

автоматчиков. Люди участливо смотрели на них и вздыхали:

— Вот так нас всех в скотов хотят превратить. Подумать только: люди вместо лошадей телегу тянут.

Телега миновала больницу. Позади остался последний городской домик, утопающий в зелени фруктового сада. Далеко впереди замаячило здание бойни.

Военнопленные остановились. Сели немного отдохнуть. Это делалось каждый раз, и часто жители приносили то печеный картофель, то огурец, а иногда и кусочек хлеба.

Охранники никогда горожан не отгоняли: львиная доля из принесенного доставалась им. А они тоже не всегда были сыты.

В этот раз к военнопленным никто не подошел. В другой день это вызвало бы, конечно, огорчение, а сегодня, наоборот — все были довольны.

Выждав момент, когда на дороге никого не было, пленные и охранники быстро перебежали ее и залегли в канаве за кладбищем. Затем по одному поползли к лесу: военнопленные впереди, охранники позади, если потребуется, они будут прикрывать отход товарищей.

На опушке появились две девушки. Они махали руками. Вера Замотаева и Вера Белугина сигналили: «Все в порядке!»

Военнопленные сделали рывок, за ним второй, третий и наконец очутились в лесу.

— Свобода! Свобода! — со слезами на глазах повторяли они, горячо пожимая руки девушкам.

— Задерживаться, товарищи, нельзя, — сказала Вера Замотаева и сразу же повела их вместе с подругой в глубь леса, к реке Каменка. Перейдя ее, девушки остановились.

— Партизаны — там. Идите по этой тропинке. — Вера Замотаева показала на убегающую вдаль между соснами стезю. — А мы должны засветло добраться до города, чтобы не вызвать подозрений.

Разошлись. А вскоре Фабри с товарищами уже предстали перед командиром отряда имени Ворошилова.

Поддубина знал, что должна прийти группа из лагеря военнопленных. Ожидал их. Но излишняя проверка не мешает. И он, глядя сурово на пришедших, спросил:

— Кто такие?

— Виктория! Победа! — в ответ на вопрос ответил Фабри.

— Все в порядке, — услышав пароль, улыбнулся Поддубина. И по-отцовски нежно пригласил: — Сейчас, ребята, идите ужинать. А завтра утром обо всем подробно поговорим.

ПО ЗАДАНИЮ ПОДПОЛЬНОГО РАЙКОМА ПАРТИИ

В партизанском отряде, куда пришла Вера Замотаева, первым ее встретил секретарь подпольного райкома комсомола Сергей Поздняков.

— Накопец-то, — радостно воскликнул он, и на лице этого среднего роста крепыша, с густой шевелюрой, заиграла улыбка. — А мы-то с Георгием Ивановичем уже забеспокоились. Все в порядке?

Вера не спешила с ответом. Обычно веселая, разговорчивая, она молчала, нахмутив густые брови, будто чем-то недовольная.

— Что случилось? — заметив это, забеспокоился Сергей. — Заболела?

— Нет, вполне здорова.

— Почему же такая хмурая? Это на тебя, Вера, совсем не похоже.

Тогда Вера Замотаева рассказала Сергею, что несколько дней тому назад к ней домой зашла какая-то незнакомка. Мать рассказывает, что с виду этой женщине лет за тридцать, что роста среднего и глаза серые. Незнакомка эта сказала, что ей очень надо встретиться с Верой, а потому хотела бы уточнить, когда Веру можно застать.

— Что же ответила мама? — перебил Сергей.

— Мама сказала, что я ушла к тете в Рыловичи, что она не может точно ответить, когда я вернусь. Незнакомка поблагодарила и обещала заглянуть в другой раз.

— Ну и что тут особенного?

— А то, Сережа, что, судя по приметам, приходила к нам Екатерина Кубрикова из пристанционной столовой. Она тот еще фрукт...

Впервые Вера Замотаева встретилась с Кубриковой на станции Новозыбков в день, когда отправляли «добровольцев» в Германию. Печально прощались провожающие со своими родными, уезжающими в неволю. Провожала свою дочь и Кубрикова, неизвестная еще тогда Вере Замотаевой.

Кубрикова подошла к вагону, в котором находилась ее дочь, и, обращаясь к ней, громко, чтоб все услышали, сказала:

— Чего, дуреха, нос повесила? Такому счастью радоваться надо!

— Кто эта стерва? — спросила Замотаева у стоящего рядом Пантелея Калиновича Бабенко.

— После расскажу, — уводя возбужденную Веру, ответил Бабенко.

Когда они отошли от вокзала, он рассказал Вере, что Екатерина Кубрикова — человек, не внушающий доверия. Лет за десять до войны привез ее составитель поездов Петр Кубриков с падчерицей. Человеком он был скромным. Отвечал неохотно на вопросы родственников. Так что ничего от него не узнали об обстоятельствах встречи с Катей. Сама же она старалась уйти от разговоров о прошлом. Только раз проговорилась свояку Михаилу Литвякову, что была кандидатом в члены партии. И, мол, выбыла за неуплату членских взносов.

Михаил Литвяков, прославленный машинист, секретарь железнодорожной парторганизации собрался было навести справки. Но тут началась война. Сам машинист был мобилизован, семья его эвакуировалась. А овдовевшая к этому времени Екатерина Кубрикова заняла квартиру Литвяковых.

С приходом немцев Екатерину словно подменили. Из тихой, незаметной, она превратилась в уверенную в себя женщину. К тому же в нарядах Кубриковой соседи узнавали вещи, принадлежащие людям, расстрелянным в Карховке.

— А как Екатерина отнесется к вам? — поинтересовалась Замотаева.

— Ко мне, — ответил Бабенко, — мне кажется, даже очень хорошо. Вообще же она личность темная. И лучше с ней не связываться.

— Вот мне кажется, что Кубрикова не зря заинтересовалась мной, — закончила Вера свой рассказ Сергею Позднякову.

Но это была лишь одна причина ее плохого настроения. Вторая была значительно сложнее. О ней Вера Замотаева подробно доложила секретарю подпольного райкома партии Гордеенко.

Произошло же вот что. В условленный час Замотаева пришла в продуктовый ларек к Бабенко. Был обеденный

перерыв. Одни рабочие обедали в столовой, другие получали паек: двести граммов овса да кусок эрзац-хлеба.

Замотаева остановилась на крыльце, откуда были видны как ларек, так и примыкающая к нему столовая с застекленной дверью. Пока Бабенко обслуживал рабочих, рядом, в столовой, Кубрикова, выполняя обязанности официантки, подавала обед — обычную свекольную бурду с неприятным запахом.

Вера Замотаева видела, как Кубрикова то и дело бросает внимательный взгляд в сторону стеклянной двери, отделяющей столовую от ларька. Заметила Кубрикова Веру, когда та зашла в ларек. Длинное платье, серый платок, почти наполовину закрывающий лицо, делали Замотаеву неузнаваемой. К тому же она и походку изменила.

Обождав, пока последний человек покинет ларек, Замотаева подошла к Бабенко и, подмигнув ему, громко попросила:

— Только, пожалуйста, побыстрее... На работу запаздываю... Вот сюда сыпьте, — протянула она кошелку.

Бабенко сразу узнал Замотаеву. Он едва заметно улыбнулся и, ловко освободив кошелку от сводок Совинформбюро и листовок, также громко ответил:

— Я вас не задержу!

Передавая кошелку, Бабенко шепнул Вере:

— Меня, кажется, засекли. — Он повел глазами в сторону стеклянной двери, за которой возилась Кубрикова, вытирая столы. — Ее остерегайтесь.

Вера моргнула, дескать, все поняла, и не спеша покинула ларек. В кошелке под овсом и эрзац-хлебом лежали донесения Бабенко о движении железнодорожных составов. Их надо было теперь, минуя «почтовый ящик», доставить в подпольный райком партии.

На душе у Веры Замотаевой было беспокойно. И не только потому, что, судя по всему, сию заинтересовалась Кубрикова. Она даже приоткрыла дверь, чтобы лучше рассмотреть Веру, но так и не узнав, кто же был у Бабенко, тихо выругалась.

Беспокоило то, что рвалось звено в цепи подпольщиков, угрожая серьезными осложнениями. Об этом следовало, как можно быстрее, сообщить подпольному райкому партии, координирующему действия подпольщиков и партизан.

Надо было также до ухода в лес предупредить Веру Белугину, Васю Шишкина и других подпольщиков. Сде-

лать это следовало весьма и весьма осторожно, с учетом того, что, быть может, она, Вера Замотаева, уже под подозрением гитлеровцев.

Поэтому в партизанский отряд имени Спартака, где находился в то время секретарь подпольного райкома партии Георгий Иванович Гордесенко, Вера Замотаева сразу попасть не смогла. Это и вызвало, как уже известно, серьезное беспокойство у Гордесенко и Позднякова.

Прежде чем покинуть город, Замотасвой предстояло выполнить просьбу Георгия Ивановича: купить на рынке табак, в котором так нуждались партизанские парни.

Старик, продающий табак, оказался человеком весьма сговорчивым. Вера быстро договорилась с ним о цене, и старик стал стаканом сыпать табак в небольшую, заранее приготовленный ею мешок.

Когда продавец опрокинул сороковой стакан, за его спиной вырос немецкий солдат. На его лице отобразилось недоумение.

— Зачем фрау покупает столько табак? — заинтересовался он.

— Для пана хозяина, — не растерявшись, ответила Замотаева.

— Сорок первый, сорок второй, сорок третий... — продолжала она считать стаканы. А сама думала: «Что я сделаю, если солдат заставит высыпать табак и обнаружится «почта»».

— А где пан? — не отставал немец.

— Пан болен.

— Большой и столько табак, — ухмыльнулся солдат. — А что еще у фрау в корзине?

— ...Сорок четвертый, сорок пятый... — продолжала считать Замотаева, придумывая, как выйти из затруднительного положения.

— Овес здесь, — вдруг перестала она считать и подступила под нос солдату кошелку: — Если, господин солдат, не верит, то я сейчас высыплю все из кошелки. — Она кокетливо взглянула на немца. — Только договоримся, что собирать потом в корзину будем вместе.

Вера резко наклонила кошелку, делая вид, что немедленно готова выполнить свое предложение.

— Найн, нет, нет! — замахал руками немец. Это было настолько смешно, что Замотаева рассмеялась. Заулыбался и солдат. Он еще с минуту постоял, наблюдая, как продавец ловко отпускает табак, и ушел, помахав рукой.

Рассчитавшись за табак, Замотаева тут же покинула рынок. Но долго еще не могла прийти в себя. Ведь из-за нелепого случая могла попасть во вражеские руки. При мысли о том, что такое могло случиться, Замотаева даже вздрогнула. Успокоилась она лишь тогда, когда город остался далеко позади, а под ногами была малохоженная дорога.

— Молодец! — выслушав Замотаеву, сказал Георгий Иванович. — А опасения Бабенко не напрасны. Мы получили данные, правда, еще пока не проверенные, что Екатерина Кубрикова на службе у фашистов. Немцы ее, видимо, используют для очень важных заданий.

Георгий Иванович открыл флягу и глотнул немного воды. А Замотаева вдруг засмеялась да так, что Гордеенко даже испугался:

— Что с тобой? На, попей водички, — протянул он флягу.

— А может быть, это спиртик, — продолжала смеяться Замотаева, вытирая выступившие слезы.

— Ах, вот ты о чем, — сам засмеялся Георгий Иванович.

Партизаны знали, что Гордеенко, хотя сам и не пьет, но флягу со спиртом всегда держит при себе — так, на всякий случай. Мало ли для чего может потребоваться спирт. А тут он всегда под руками.

Но однажды партизаны решили подшутить. Они ухитрились выпить спирт из фляги, заменив водой. И, может быть, Георгий Иванович так бы долго не замечал этого, но через неделю потребовался спирт, чтобы обмыть рану одному партизану.

Но обыкновенно Георгий Иванович потянулся к фляге. Он со всеми предосторожностями, чтобы не пролить ни капли, налил в стакан содержимое фляги. И как же он был сконфужен, когда медсестра сердито сказала: — Я, Георгий Иванович, еще не знаю случая, чтобы вода могла заменить спирт.

Разгневался тогда Георгий Иванович. С тех пор в фляге носил только воду.

Они молча посидели некоторое время, каждый думая о своем. Георгий Иванович думал о том, как тяжело вот таким девушкам, которым на каждом шагу грозит опасность попасть в лапы фашистов. Вера Замотаева — о том, что Георгию Ивановичу в тысячу раз труднее, чем ей. Ведь партия поручила ему отвечать за святое дело, в кото-

рое здесь, на временно оккупированной земле, вовлечены сейчас сотни, тысячи вот таких, как она, Вера Замотаева.

— Будут сейчас задания? — прервала молчание Замотаева.

— Да, — ответил Георгий Иванович. Он виновато посмотрел на Веру. — Ты вот еще и отдохнуть не успела, а падо тебя снова в город отправить.

— Вы только не жалейте меня, — ответила Замотаева. — Иначе я на вас обижусь. Ведь жалеют только слабых или больных.

Георгий Иванович не стал возражать. Он громко позвал:

— Сергей!

Тотчас, словно из-под земли, вырос Сергей Поздняков.

— Корзину приготовил?

— Приготовил.

— Принеси ее сюда.

Пока Сергей ходил, Георгий Иванович сообщил Замотасвой, что ей придется отправиться в город с листовками. Их необходимо распространить, минуя «почтовый ящик» и Бабенко. Для маскировки в корзину будет насыпана мука.

Тем временем Сергей принес корзину и поставил на пол. Вера приподняла ее, как бы взвешивая, и бодро сказала:

— Как пушок! Значит, можно отправляться? — Она сделала шаг в сторону выхода. Но ее остановил Гордеевко:

— Перепочуешь здесь, а завтра двинешься в путь.

— А если в городе заинтересуются, где я ночевала?

— И это нами учтено. Ответишь, что ночевала в Святске у тети, Усовой Авдотьи Степановны. Если что, она не подведет — наша надежная связная.

На следующее утро Замотаева двинулась в город. Быстро дошла она до реки Ипуть. Все мосты через нее партизаны взорвали и теперь можно было переправиться вброд или на лодке.

Замотаева без особого труда отыскала обмслевшее место. С корзиной, поднятой над головой, она благополучно перешла на противоположный берег. Обождала, пока длинное платье немного подсохнет и двинулась дальше. Все говорило, что она верпо держит путь: вдали виднелся лес, а несколько ближе — ветряная мельница.

Из-за солнца, которое било в глаза, Вера сразу не заметила, что возле мельницы ходит полицай.

— Стой! — приказал он, увидев незнакомую женщину с корзиной. — Куда идешь? Кто будешь?

— Я, дяденька, иду из Святска в город. Зовут меня Вера. А несу на базар муку. Хочу обменять на соль и на детские ботиночки...

— Говоришь, из Святска, а руки-то слишком белые...

— А я и в самом деле горожанка. Приехала к тете Усовой Авдотье Степановне погостить на каникулы. А тут война. Вот и застряла. А у тетюшки четверо ребятишек, мал мала меньше, а кормилец-то, мой дяденька, с первых дней ушел на фронт и погиб. Вот попробуй одеть, обуть, напоить да накормить такую ораву. Каждому ясно, как это трудно по нынешним временам. Вот и приходится кое-как сводить концы с концами.

Сообщив обо всем этом, Замотаева закончила:

— Так я, дяденька, пошла.

— Не торопись, девка, — остановил ее полицейский. — Что-то не нравится мне твоя корзина.

У Замотаевой ёкнуло сердце. Неужели попалась? Тогда конец. Но тут на память пришел случай на рынке, тот самый, когда табак покупала. «Там номер прошел. А что если сейчас попытаться», — подумала она и тут же решительно предложила:

— Если не верите, давайте высыплю муку на землю. Только потом, чур, вдвоем собирать будем с земли. Согласны?

— Не дури, девка, — пробурчал полицейский. Он не спеша стал опускать руку в корзину. И в тот же миг Замотаева, быстро сняв с головы новую цветастую косынку, проворно сунула ее в корзину, положив на широкую ладонь полицейского. Тот молча свернул косынку и, отряхнув от муки, сунул в карман. Потом грозно прикрикнул:

— Чего стоишь? Уматывай быстрее, пока не передумал. И чтоб больше на глаза мне не попадалась. Ясно?!

— Спасибо, дяденька. Желаю жене твоей и детишкам крепкого здоровья, — поблагодарила Вера и направилась к дороге, ведущей в город.

В КОГТЯХ СМЕРТИ

Солнце уже золотило маковки деревьев, когда Вера Замотаева и Вера Белугина вернулись домой, выполнив очередное задание подпольного райкома партии.

— Что случилось, доченька? — увидев взволнованную Веру, спросила Екатерина Ануфриевна.

За последние месяцы она еще сильнее расхворалась и теперь окончательно слегла.

— Все хорошо, мамочка, — подойдя к постели и обняв мать, стала успокаивать ее Вера.

— У меня сердце почему-то сильно поет, словно предчувствует беду, — не успокаивалась Екатерина Ануфриевна. — Вот нет мне покоя — и все...

— Не волнуйся, мамочка. Все благополучно, только мне очень хочется спать... Спокойной ночи...

Вера быстро разулась, разделась и тут же крепко уснула.

А матери не спалось. Екатерину Ануфриевну беспокоило, что дочь в последнее время часто отлучалась куда-то, с кем-то встречалась, то и дело шушукалась с Верой Белугиной.

Вспомнился недавний приход молодой незнакомки, которая очень даже не поправилась матери. Зачем ей Верочка потребовалась? Соседи сказали, будто она работает в пристанционной столовой и будто немка... А время тревожное. Гитлеровские вояки прямо на улицах ловят девушек и отправляют в Германию. Передкими были случаи надругательства фашистских молодчиков.

Добиться временного освобождения Веры от угона в Германию помог какой-то Бабенко, которого она, Екатерина Ануфриевна, ни разу не видала. Но гарантия, надо полагать, хрупкая.

Екатерина Ануфриевна не могла себе представить, что ее Веру угонят в Германию. Она считала это самым страшным, и от мысли, что такое может случиться, ее бросало в дрожь. Слишком тяжело далась ей дочь. Когда Верочке было три года, Егор Федорович ушел из семьи. Все эти годы, как ни помогал он дочери, основное воспитание Веры легло на плечи Екатерины Ануфриевны. Вырастила. Одевала, обувала не хуже тех, у кого были отец и мать.

Думала Екатерина Ануфриевна, что скоро придет счастье и в ее дом, тайком от Верочки мечтала попяничить внуков. А тут война... И опять беспокойство за судьбу дочери. Недаром говорится: маленькие детки спать не дают, а от больших деток сам спать не будешь.

«Спать не будешь, спать не будешь», — сама того не замечая, мысленно повторяла Екатерина Ануфриевна и уснула. И снится ей, что началась гроза. Сильная, с поры-

вами ветра и мощными раскатами грома, чего еще с детства страшно боялась. Она проснулась и не сразу поняла, что нет никакой грозы, что это громко стучат в дверь.

— Открывайте! Не то дверь взломаем! — донеслось до Екатерины Ануфриевны.

— Сейчас, сейчас, — боясь испугать дочь, ответила она, соображая, как сделать десяток шагов, когда трудно было даже встать на больные ноги.

Стук повторился. И теперь уже ответила Вера:

— Дайте одеться. Никуда не убежим.

Как ни крепко она спала, а стук разбудил, и теперь, ответив непрошеным гостям, она старалась отвоевать для себя хотя бы минуту, чтобы поразмыслить, как поступить.

Если пришли с обыском, то это не страшно. Черта с два они что-нибудь обнаружат. Хуже, если нашелся предатель. Тогда ее сразу же арестуют, будут пытать. Так не лучше ли выпрыгнуть в окно и бежать? Пусть в нее стреляют, пусть убьют. Короткая смерть избавит от предстоящих мучений.

Она накинула на себя платье, хотела обуться, но фашисты уже ворвались через взломанную дверь и загородили выход.

— Обыскать! — приказал старший из группы.

«Зря стараетесь», — наблюдая, как гитлеровцы вспарывают подушки, одежду, рвут книги и тетради, со злорадством думала Замотасва.

Она вздрогнула, когда из книги «Как закалялась сталь», брошенной на пол, вывалился вчетверо сложенный листок. Вера знала, что это за листок и не хотела, чтобы его кто-то прочитал.

Фашистский офицер мгновенно подхватил листок и прочитал вслух: «Спешу на партийное собрание, а потому кончаю...» Лицо гитлеровца побагровело.

— Кто писал? — повернувшись к Вере, крикнул он.

Вера уже собралась сказать «не знаю», но Екатерина Ануфриевна опередила дочь.

— Это очень давно писал мой муж. Мы с ним давно уже не живем, — как можно спокойнее объяснила Екатерина Ануфриевна.

— Коммунист?

Фашистский офицер подскочил к кровати, на которой, свесив худые, скрюченные ревматизмом ноги, сидела Екатерина Ануфриевна и ударил ее по лицу.

— Как ты смеешь?! — возмущенно закричала Вера и бросилась на помощь матери.

— Верочка, не надо, — попыталась ее успокоить мать.

— Не надо?! А бить женщин надо?! — Вера наступала на фашиста.

Тот схватил Веру за платье и тут же взвыл: девушка зубами вцепилась в его холеную руку.

— Что ты наделала, доченька? — в отчаянии заплакала Екатерина Ануфриевна.

И в тот же миг сильный удар фашиста свалил Веру с ног. Она упала на пол, но тут же поднялась, вытирая кровь со смуглого лица и с презрением глядя на фашиста, перевязывающего руку:

— Жалкий трус! Взбесился потому, что чувствуешь свой близкий конец. Тьфу! — Вера плюнула прямо в лицо фашисту.

На нее набросились, стали бить. Она молчала. И только когда начали выводить из комнаты, крикнула:

— Не плачь, мамочка! За меня не беспокойся!

Фашисты вытолкнули Веру, а она, уже находясь по ту сторону двери, еще сильнее крикнула:

— Прощай, мама! Наши скоро придут!

Веру втолкнули в машину. Двое молодчиков сели рядом. Еще четверо — напротив. Они о чем-то говорили и смеялись.

«Ржут, как жеребцы, — с ненавистью посмотрела на них Замотаева. — Им, может быть, смешно, как ловко взяли они русскую девушку? Так рано торжествуют. Я им ни слова не скажу. Пусть бьют, пытаются, все равно ничего не добьются».

Машина тронулась. А Вера продолжала думать: «Неужели это мой последний путь? Неужели я больше не увижу маму, не встречу с друзьями?»

Еще страшнее становилось от предположения, что арестовали не только ее одну, а и других подпольщиков. И это в то время, когда совсем, совсем скоро наши войска должны освободить Новозыбков. Это ей во время последней встречи с радостью сообщил секретарь подпольного райкома партии Георгий Иванович Гордеенко.

Машина, точно оступившись, вздрогнула и остановилась. Фашисты, сидящие на противоположной скамье, повскакивали.

«Наверно, еще кого-то берут», — заволновалась Замотаева. Она пыталась сквозь дверь машины разгля-

дети, куда они подъехали, но на дворе было совсем темно.

Не знала Замотаева, что машина подъехала к дому Белугиной.

Уставшая Вера Белугина в это время крепко спала на сеновале. С ней был четырнадцатилетний братишка Сашка. Он первый услышал шум мотора машины. «Кто бы мог в такой поздний час?» — тревожно подумал мальчишка. Но когда услышал чужую речь, понял: немцы.

Не знал Саша точно, чем занимается его сестра Вера, но видел, что она часто куда-то уходит и догадывался, что занята она большим делом. Догадки его превратились почти в уверенность, когда совсем недавно, роаясь в сене, обнаружил две аккуратно сложенные листовки со сводками Совинформбюро.

Оставив листовки на месте, Саша решил проследить, что будет дальше. Но на следующий день сводок не оказалось. Не иначе, что Верка распространяет их, решил он, но догадками своими с сестренкой не успел поделиться. Да, собственно говоря, он и не торопился это делать, решив поймать сестру с поличным. Для чего? А чтобы не считала его маленьким, несмышленным человечком.

Саша принялся тормошить сестру.

— Вера, беги. Немцы!

— Немцы? — Вера сразу проснулась. — Ничего, Сашка, они со мной не сделают.

— Беги же... Убьют!

— Если я убегу, Сашенька, то и тебя и всю нашу семью расстреляют. А я выкручусь...

И тут Саша дал понять сестре, что от него не должно быть никаких тайн.

— А сводок Совинформбюро при тебе нет? — тихо спросил он, уже разработав план их немедленного уничтожения.

— Каких еще сводок?

— Тех, которые видел тут, в сене.

— Хороший ты мой, — обнимая братишку, сказала Вера. — К счастью, сегодня они у меня не найдут ни одной листовки, если даже вздумают перевернуть сено.

Блеснул луч фонарика, вырвав из темноты Веру Белугину и ее братишку. Вера закрыла глаза от яркого света.

— Ты Вера Белугина? — заорал фашист.

— Зачем кричите? Соседей разбудите. У них малые детишки, — тихо отвстила Вера.

— Пошли! — рванул ее за руку гитлеровец.

— Нельзя ли повежливее, — не теряя самообладания, сказала Белугина. — Сама пойду.

Она слышала, как плакала проснувшаяся мать и еще кто-то. Но успокаивать не стала: бесполезно. И только об одном пожалела, что не сказала Саше, с кем связаться, чтобы сообщить об аресте и чтобы продолжали распространять сводки Совинформбюро. А что братишка смог бы это сделать, она теперь окончательно убедилась. Он во многом похож на нее. Умеет держать язык за зубами. Мальчишка до конца убежден, что лани обязательно одолеют гитлеровцев.

Белугину довели до машины, втолкнули в кузов, где едва мигала лампочка.

Ей приказали сесть на скамейку и руки положить на колени. Заработал мотор. Машина двинулась дальше.

Лишь несколько минут потребовалось Вере Белугиной, чтобы осмотреться. И первой, кого она заметила, была сидящая напротив Замотаева. Она сразу узнала подругу, но сделала вид, что совсем не знакома с Замотаевой. Потом, уловив момент, тихо произнесла:

— Мы с тобой ничего не знаем...

Замотаева молча кивнула головой.

Немцы из охраны, видимо, совершенно не знали русского языка.

Они только прикрикнули:

— Не разговаривать!..

И девушки так и промолчали весь остальной путь.

...Скрипнули тюремные ворота, пропуская машину с арестованными, и тут же закрылись.

Девушек вытолкнули из кузова, увели в разные камеры. Там было сыро, со стен капало. Единственной связью с внешним миром оставалось маленькое окошечко у самого потолка, откуда едва струился свет.

В первый день их никто не тревожил, будто и забыли. Потом стали вызывать на допросы.

— Кто взорвал водокачку? — допытывались палачи и, не получив ответа, секли проволочными плетками.

— Кто организовал побег военнопленных? — выкручивая руки девушек, орали фашистские следователи.

Обе Веры молчали. Им загоняли под ногти иголки. Страшная боль лишила сознания. Но Веры молчали или упорно твердили: «Не знаем!»

Однажды Тамара Моисеенко, та самая тихоня из самодельного театра, разыскивая арестованную мать, вошла в кабинет следователя.

Фашист неистово закричал на нее:

— Убирайся!

Тамара Моисеенко не успела повернуться лицом к двери, как поймала на себе взгляд допрашиваемой. Та улыбнулась. Тамара узнала Веру Замотаеву. Лицо ее было в кровоподтеках, разбитые губы распухли.

— Убирайся к черту! — заметив замешательство Тамары, зло повторил гитлеровец.

— Итак, продолжим, — глотнув водки, обратился фашист к Вере Замотаевой. — Значит, ты утверждаешь, что не знаешь Бабенко? А известно ли тебе, что это он выдал тебя, и подругу твою Белугину?

— Не знаю я никакого Бабенко, — решительно ответила Замотаева. Она была убеждена, что ни под какими пытками не даст себя сломить Пантелей Калинович. Верила в него, как в себя.

— Позвать! — приказал следователь.

В комнату ввели седого старика. Ключьями висела на нем рубашка с почерневшими пятнами крови.

— Знаешь его? — толкнул палач Замотаеву.

Она собрала все силы, чтобы не выдать волнения, потому что перед ней стоял действительно Пантелей Калинович Бабенко. Страшно было смотреть на его изуродованное лицо. А еще страшнее сознавать, что и он, столько знавший и столько сделавший для борьбы с врагами, тоже арестован.

— Ну, отвечай! Знаешь, кто это? — продолжал допытываться следователь.

— Впервые вижу этого старика, — ответила Замотаева.

— Врешь! — Он твой хороший знакомый. Ты заходила к нему в ларек.

— Это неправда. Я впервые вижу этого человека, — повторила Вера и прочитала в глазах Бабенко полное одобрение. Он едва держался на ногах. Тело ныло. Но поведение девушки как бы вселило в него новые силы. «Вот какую мы вырастили смену. Вот какой у нас народ, — думал он. — Такой народ непобедим!» И когда следователь спросил его:

— А ты знаешь эту девицу? — Бабенко, подтянувшись, громко ответил:

— Я был бы счастлив иметь такую дочь. К сожалению, эту девушку я совершенно не знаю...— Сильный удар свалил Бабенко.

— Уведите! — приказал следователь.— А старика снова в карцер.

После этого Замотаеву так избили, что она долго не могла прийти в себя. Ее отливали водой, снова били, топтали ногами. Она упорно молчала.

Очутившись в одиночке, страдая от боли, Замотаева все же была счастлива: она не выдала товарищей! «Пусть нас расстреляют,— думала она.— Но наше дело доведут другие до конца».

Заскрежетал ключ в дверях. «Опять на допрос,— вздрогнула Замотаева.— Но не поддамся им...» И потеряла сознание.

В этот час Пантелей Калинович Бабенко был на свидании с женой Елизаветой Александровной. Ей немало пришлось побегать, чтобы выхлопотать это свидание. Не сразу Елизавета Александровна узнала в человеке, который едва передвигался, своего мужа. Не выдержав, разрыдалась. А он погладил ее по плечу и успокоил:

— Не плачь, Лиза... Скоро им всем конец...

А Виктории все-таки добралась до партизанского отряда имени Ворошилова. Немало она поплутала по лесам, пока не наткнулась на разведку партизан. Один из разведчиков хорошо знал Викторию по Софиевскому лесу. Очень был удивлен он, увидев девушку, которую считали погибшей во время блокады. Они разговорились. И выяснилось, что предупреждение крестьянок о перестрелке в лесу имело свои основания. Действительно в Соловьевских лесах завязался бой между партизанами, вышедшими из блокады, и фашистами. Партизанам удалось гитлеровцев изрядно потрепать. Но не стали они располагаться в здешних местах.

— А вы куда возвращаетесь? — спросила Виктория.

Ей рассказали, что в Софиевский лес возвращается группа партизан, чтобы разведать, в каком положении находятся оставшиеся там в отряде имени Ворошилова больные и раненые. Приказано, если потребуется — помочь отряду.

— Вот я и пойду с вами,— заявила Виктория, дав понять, что ни при каких условиях не отступится от своего решения.

Августовским днем Виктория снова очутилась в Софиевском лесу. Он напоминал тяжело раненного. В разных местах торчали, словно после бури, поваленные деревья. То тут, то там чернели выжженные участки леса. А там, где лес уцелел, на многих деревьях не было вершин, кору берез и сосен изрешетили пули и осколки снарядов.

По приметам, известным только одним партизанам, по нехожевым тропам, миная топи, разведчики добрались до места расположения отряда имени Ворошилова. Едва появились, как навстречу Виктории шагнуло несколько человек, в одном из которых она сразу узнала Фабри. Виктория не видела этих людей более двух месяцев и теперь, встретившись, не верила глазам своим: бывшие военнопленные поправились, стали жизнерадостными, подтянутыми.

Они поочередно подходили к ней и крепко, по-братски пожимали руку. А она, отвечая тем же, ждала, когда же подойдет Фабри. Ей почему-то казалось, что человек этот хранит в себе какую-то тайну. «Как мог он верннуться из гомельской тюрьмы, откуда живым почти никто не возвращался или возвращался инвалидом», — думала она и с волнением ожидала, когда Фабри протянет ей руку.

Но вот и он подошел. Виктория сразу заметила, что всегда печальные глаза его светятся счастьем.

— Дорогая Виктория, — сказал он, задержав ее руку в своей руке. — Я рад с вами заново познакомиться. Фабри больше нет.

— Почему?

— Потому, что перед вами стоит партизан Иосиф Фабрикапт. Вы помните, как приносили мне книгу об обычаях крымских татар?

— Даже очень хорошо помню. Немало тогда Клавдия Алексеевна потрудились, чтобы отыскать такую книгу.

— А не догадываетесь, зачем мне книга эта понадобилась?

— Расскажите.

— Дело в том, что я знал, крымчакам, попавшим в плен, делается некоторая поправка. Ведь фашисты, заигрывая с ними, пытались втянуть в свою орбиту. Вот я и назвался татаринном.

— А зачем тебя под конвоем возили в Гомель?

— На допрос. Гестаповцы хотели, по наущению провокатора, доказать, что я не татарин. Мне устроили очную ставку с настоящим крымчаком, тоже военнопленным. Раз-

говорились мы с ним, конечно, на татарском языке. Ведь я в Крыму жил среди татар и научился их языку с раннего детства. Потом, правда, осповательно подзабыл его. Ваша книга выручила.

— Как же себя повел крымчак?

— Очень даже правильно. Иначе бы меня тут не было. Он подтвердил, что я его брат по национальности. Меня и вернули тогда назад.

Потом Фабрикант рассказал Виктории о том, как без нее шла подготовка к побегу из лагеря, как пришлось изменить первоначальный вариант плана. Подробно рассказал он, как бежали и какими тропами вели пленных две Веры — Замотаева и Белугина.

— Милые девушки! — вздохнул он, и глаза его снова стали печальными, как в дни, когда находился в лагере.

— С ними что-нибудь случилось? — заволновалась Виктория.

Фабри как-то растерялся. Он молчал, соображая, сразу ли сообщить Виктории об аресте девушек.

— Не хитри! Говори же, — настоятельно потребовала Виктория.

И Фабрикант признался, что в отряде известно об аресте Веры Замотаевой, Веры Белугиной и Паптелея Калиновича Бабенко.

— Только их арестовали?

— Это, наверное, знает командир. Да вот как раз и он.

— Виктория! — радостно приветствовал Корневу командир отряда Алексей Никифорович Поддубина.

— Алексей Никифорович... — Виктория растрогалась. «Не стану расспрашивать о Верах, — подумала она. — Командир и так переживает. А вот где Истренко, надо обязательно у него спросить».

— Знаешь Мухановщину, — отвечая на вопрос Виктории, спросил Поддубина.

— Что-то не припомню.

— А Любинскую лесную дачу?

— Это та, в которой находилась санаторно-лесная школа?

— Совершенно верно. Так вот, Мухановщина — это старое название того места, где находится Любинская лесная дача. Там тебе и следует искать Истренко. Он недалеко от отряда имени Спартака находится. А может быть, в моем отряде останешься? Тряхнешь стариной. Ведь медицинская сестра.

— Нет, Алексей Никифорович,— поспешила ответить Виктория.

И Поддубине стало совершенно ясно, что не удержать Кореневу в его отряде. Не сидится ей на одном месте. Рвется к борьбе.

ЯРМАРКА

В землянке их было двое: секретарь подпольного райкома партии Георгий Иванович Гордеев и секретарь подпольного окружка комсомола Федя Потемкин.

На березовом чурбаке, что стоял посредине, лежала карта Новозыбковского района. Взяв по ней тупой стороной карандаша, Георгий Иванович объяснял Феде, парню нездешнему, который еще плохо знал местность:

— Значит, так. Этой дорогой через хутор Булдынка можно добраться до Святска без осложнений, если, конечно, не произойдет какое-либо ЧП. А там будете действовать по обстановке. Главное, будьте осторожны. Парни все молодые, головы горячие. А в нашем партизанском деле самое важное — хладнокровие и еще раз хладнокровие. Ну, конечно, должны быть выдержка, умение быстро разобратся в окружающей обстановке, принять правильное решение.

— Я с вами согласен, Георгий Иванович. Только не слишком ли опекаете нас, молодых,— с обидой заметил Федя.— Возьмите, к примеру, Павку Корчагина. Мы разве не похожи на него?

Почувствовав, что как-то нескромно прозвучали эти слова, Федя поправился:

— Я хотел сказать, разве мы не стараемся походить на Павку Корчагина?

— И напрасно, Федя, обижаешься,— возразил Гордеев.— Ведь у меня опыта больше, я ж тебе чуть не в деды гожусь.

В землянку бесшумно вошел секретарь подпольного райкома комсомола Сергей Поздняков.

— Не помешал?

— От тебя секретов нет,— посмотрел дружелюбно на Сергея Георгий Иванович.— А вообще, зашел ты весьма даже кстати. Вот мы мозгуем, как лучше добраться до Святска. Я предлагаю по старой дороге, через Булдынку и Черную речку.

— Вполне согласен. Дорога идет лесом, — поддержал Сергей. — К тому же минуем полицейский стан. Так что думаю, выбор самый подходящий.

— Значит, на этом и поставим точку, — решил Георгий Иванович и повел разговор о предстоящей в Святске ярмарке.

Ярмарка была приурочена к Спасу — церковно-бытовому празднику. Спасов у православных три — первого, шестого и шестнадцатого августа по старому стилю. Но в Святске ярмарка проводилась только в третий Спас, то есть 29 августа по новому стилю.

Ярмарка эта с давних времен славилась своим многолюдьем и изобилием. Сюда съезжались крестьяне не только из окрестных сел, но и из ближайших населенных пунктов Белоруссии, привозя уже поспевшие к этому времени яблоки, груши, картофель, муку и много всякой всячины.

Партизанской группе, возглавляемой секретарями подпольных комитетов комсомола, по решению подпольного райкома партии предстояло использовать ярмарку для выполнения «особо важного задания», как его определил Георгий Иванович. Намечалось провести антифашистский митинг и организовать сбор средств на постройку танковой колонны «Новозыбковский колхозник».

Подпольному райкому партии было известно, что в Святске, отдаленном от Новозыбкова почти на сорок километров, лишь несколько полицеев. Правда, в восемнадцати километрах от Святска есть полицейский стан. Но чтобы доехать оттуда даже на лошадях, потребовалось бы порядочно времени, в течение которого представлялась возможность успешно осуществить задуманный план.

...Ехали молодые партизаны на ярмарку на двух подводах. Потемкин с девушкой-партизанкой — на первой, Сергей Поздняков с Яном Ребенком и еще одним парнем — на второй. Ян бережно держал гармонию. Посмотришь со стороны — молодежь едет на гулянку.

На полпути Сергей перебрался к Федору Потемкину. Он по-юношески порывисто обхватил Федю и воскликнул:

— Эх, как хорошо!

— Хорошо, да не совсем, — сдержанно ответил Потемкин. — Вот когда фашистов прогоним, тогда будет хорошо и заживем так, что и во сне такого не увидишь.

— А ответь мне, Федя, как ты представляешь себе эту будущую прекрасную жизнь?

— А так, что каждый будет трудиться там, где ему больше всего нравится. К примеру, ежели тебе нравится обучать детей, становись учителем. Если душа лежит к мастерству — работай себе слесарем, токарем, фрезеровщиком или кем-то другим в этом роде. Любишь возиться с трактором — иди учиться на механизатора. Если же, к примеру, есть склонность к науке — учись сколько душе угодно. Словом, «от каждого по способностям», — как говорится в нашей Советской конституции.

— Скажи, Федя, о чем вы спорили, когда я зашел в землянку? — неожиданно изменил тему разговора Сергей.

— Не спорили мы. Но если говорить откровенно, то мне не совсем нравится, что Георгий Иванович любит много поучать. Вроде нас за несмышленных детей принимает.

— Ну, тут ты уж слишком загибаешь. А вообще говоря, разве мы можем себя сравнить с человеком, который огни и воды и медные трубы прошел. Да известно тебе, что Гордееenko даже в Америке побывал.

— В Америке?!

— Представь себе, Федя, что и в Америке. Работал там на заводе, где колеса для паровозов делали.

— Как же он туда попал?

— Целая история. Захотелось ему избавиться от пужды. А тут подвернулся вербовщик из-за оксана. Да, и такие типы были. Заключали они договора на работу в Америке. Делали же все неофициально.

И вот агент сначала помог Георгию Ивановичу перебраться за кордон. Ну, а потом все завербованные русские на пароходе отправились в Америку. Только не выдержал Георгий Иванович жизни на чужбине. Через три года вернулся на родину.

— Откуда тебе, Сергей, это известно?

— Так мы, можно сказать, с Георгием Ивановичем земляки, из одного района. Да и села наши, почитай, рядом. До войны, еще в школе слыхал я рассказы о нашем Гордееenko, герое гражданской войны, командире второй роты, второго батальона знаменитого Богунского полка.

— Того, которым командовал украинский Чапаев — Николай Александрович Щорс?

— Совершенно правильно. Вот он какой, Георгий Иванович, — закончил торжественно Сергей и смолк.

— Рассказывай дальше, — попросила молчавшая до сих пор девушка. — Интересно же.

Федя ее поддерживал. И тогда Сергей сообщил, что Гордеев активно участвовал в уничтожении банд, что был первым председателем колхоза «Новый труд» у себя на родине. Назначили его по совместительству председателем Внуковичского сельского Совета после того, как ночью кулаки убили Злобина, возглавившего этот Совет. Кулаки грозились также расправиться с каждым, кто посмеет сесть на председательский стул. А Георгий Иванович не испугался, сразу согласился заменить погибшего товарища. И выполнял две должности, пока не избрали нового председателя сельсовета.

Быстро пролетело время. И когда в поток подвод, подъезжавших к Святску, влились партизанские, близился полдень.

Ярмарка встретила партизан разноголосым шумом. «Меняю табак на валенки», — предлагал какой-то инвалид. «Покупайте шведские спички», — старалась перекричать его пожилая женщина. Старуха, одетая в теплый платок, несмотря на солнечный день, торговалась с крестьянином: «Я тебе этот платок. Ты мне пудик картошки. Согласен?»

На возах виднелись яблоки, капуста, мука. Все это менялось на соль, спички, табак, мыло, одежду, обувь.

Потемкин поставил телегу на самом краю. Рядом остановилась подвода Сергея. Место было удобное. В случае нужды можно быстро развернуть лошадей. Вместе с тем отсюда, с пригорка, как на ладони, виднелась вся ярмарка.

— Сколько, полагаешь, здесь народу? — спросил Потемкин.

— Не менее тысяч четырех, — посмотрев вокруг, ответил Сергей.

Теперь у подвод стояли они вдвоем да еще Ян. Девушка и второй парень отошли в сторону, слившись с толпой.

— Начинай, Ян, — сказал Потемкин. Ян растянул мехи, и в шум ярмарки ворвалась звучная задорная песня «Когда б имел золотые горы и реки полные вина...»

Сначала к Яну повернули головы люди, находящиеся рядом. Потом, прислушиваясь к звукам гармоики, притихла вся базарная площадь. И тогда на подводе появился Федя Потемкин. Он поднял руку, призывая к вниманию. Смолкла гармонь.

Над притихшей толпой зазвучал юношеский голос Федора Потемкина:

— Дорогие товарищи! Разрешите от имени и по пору-

чению Новозыбковского подпольного райкома партии и райкома комсомола приветствовать всех вас и пожелать скорейшего освобождения от ненавистных немецко-фашистских оккупантов.

Говорил Федор, а сам внимательно наблюдал за лицами. Большинство были озабочены. И только два полицейские, которые стояли несколько поодаль, откровенно зло смотрели на оратора. Он чувствовал этот ненавистный взгляд, понимал, что полицейские в любую минуту могут выстрелить, но был уверен, что они побоятся это сделать на глазах у толпы.

— Я рад вам, товарищи, сообщить, — взволнованно продолжал Потемкин, — что наша родная Красная Армия победоносно громит врага. Не пройдет и месяца, как она будет у нас.

Федя заметил, какое сильное впечатление произвело это сообщение. У многих навернулись на глаза слезы. Это вселяло уверенность в успех задуманной операции.

Тем временем к полицейским подошли трое неизвестных. Они пошептались. Грянул выстрел в воздух. И один из подошедших крикнул:

— Копчай свои байки, бандитская харя!

Толпа дрогнула. Но только на миг. Еще теснее обступила подводы, у которых стояли Сергей с Яном. Подошли и двое других товарищей. Теперь плотно обступили они подводу, на которой стоял Федор.

Полицейские куда-то исчезли. А Федя закончил:

— Давайте же, товарищи, соберем средства на постройку танковой колонны «Новозыбковский колхозник». Пусть в фонд строительства этой колонны каждый из вас внесет то, чем богат. Кто первый?

Федя соскочил с телеги и стал рядом с товарищами.

Озираясь, подошла старушка. Сняла с пальца обручальное кольцо и, вытирая слезы, отдала Федору: «Это, сынок, самое дорогое, что осталось в память о прежней жизни».

Федя пожал старушке руку и бережно положил кольцо в чемодан. Подошел, прихрамывая, еще не старый человек. Отдал карманные часы. «Пусть помогут быстрее разгромить фрицев», — сказал он и поочередно пожав руку Феде, Сергею, Яну, поспешно удалился.

Чемодан быстро заполнялся. Люди отдавали ценные вещи, деньги. На подводы щедро сыпали яблоки, овощи, картошку.

Дальше тянуть было нельзя. Полицаи могли дать знать о митинге на свой стан. Тогда пришлось бы вступить в бой с хорошо вооруженными предателями.

Поблагодарив людей, партизаны развернули подводы и на рысях двинулись к лесу по знакомой уже дороге.

Только теперь осмелели полицаи. Они открыли огонь. Но партизаны уже были вне досягаемости, а преследовать их в лесу полицаи просто боялись.

...В землянку секретаря подпольного райкома партии Георгия Ивановича Гордеевко вошли Потемкин и Поздняков. Гордеевко радостно приветствовал их.

Федор Потемкин раскрыл чемодан.

— Вот, Георгий Иванович, средства на постройку танковой колонны. А на подводах еще картошка, овощи и фрукты.

— Молодцы! — похвалил Георгий Иванович. И после некоторого раздумья добавил: — Самое важное в том, что народ с нами, что он нас поддерживает. В этом наша сила. И это нам везде, всегда помочь надо.

СПАРТАКОВЦЫ

В той части Новозыбковского района, где петляет между торфяными болотами речушка Сишявка, находится Внуковичская лесная дача. До революции лес этот принадлежал графу Муханову. В живописном уголке сосновой рощи построил он роскошный дворец, а вокруг высадили более ста пород деревьев, привезенных со всех концов страны и даже из-за границы.

В годы первой русской революции восставшие крестьяне сожгли графский дворец. Во время гражданской войны была вырублена часть ценных деревьев. Но место это оставалось очень красивым. И здесь бывшие подсобные графские помещения были приспособлены под детскую санаторно-лесную школу. С началом войны детей отсюда эвакуировали, а помещения долгое время пустовали.

На исходе лета тысяча девятьсот сорок третьего года здесь, почти в самом центре лесного массива, недалеко от пустующих зданий санаторно-лесной школы расположился отряд имени Спартака. Возглавляли его двадцатилетний Николай Орлов и Георгий Иванович Гордеевко. Назначенный секретарем Новозыбковского подпольного райкома партии, Гордеевко оставался и комиссаром спартаковского

отряда, который не без оснований считал своим кровным детищем.

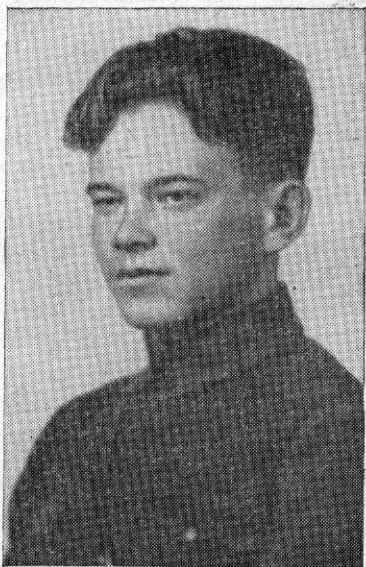
Встретился Гордеенко с Орловым еще осенью тысяча девятьсот сорок второго года в Клетнянских лесах. Тогда, выполняя задание командира партизанской бригады № 1 имени Ворошилова, разведчик Николай Орлов вел группу таких же молодых людей, как сам, из Брянского леса в Софиевский, чтобы установить связь с местными партизанами.

В это же время из Софиевского леса передислоцировалось соединение А. Ф. Федорова, в составе которого были новозыбковские партизаны и среди них командир Новозыбковского взвода Михаил Левченко и комиссар взвода Георгий Гордеенко.

Группа Орлова шла Клетнянским лесом, когда встретила с федоровцами. И получилось так, что Гордеенко сразу пришелся по душе Орлову и членам его группы. Спокойный, всегда выдержанный Георгий Иванович умел охладить не в меру горячие головы молодых ребят, которые рвались в бой с фашистами без учета обстановки и возможностей.

Николаю Орлову удалось убедить А. Ф. Федорова и тот согласился оставить Гордеенко с молодежью. А к наступлению зимы группа Орлова — Гордеенко уже находилась в Новозыбковском районе, значительно пополнив свои ряды за время перехода из Клетнянских лесов. Это был уже организованный по армейскому принципу отряд и чего ему пока не хватало, то это наименования.

В отряде всем запомнилась рассказанная Николаем Орловым история о вожде римских гладиаторов, мужественном Спартаке, который предпочел рабству смерть в борьбе с врагами. Были и такие, которые хорошо помнили

Николай Орлов. 1943 год.

Г. И. Гордеенко. 1965 год.

книгу Джованьоли «Спартак», ярко раскрывшую мужества и героизм предводителя гладиаторов. А потому двух решений не было, когда Орлов предложил отряду присвоить имя Спартака.

— Голосовать будем? — обратился Николай Орлов к партизанам.

— Не надо, не надо! — ответили дружно несколько человек.

А все-таки для формы проголосовали. И решение было принято единогласно.

Что касается расположения отряда, то здесь целиком доверились Георгию Ивановичу Гордеенко. Он, можно сказать, вырос в здешних местах и отлично знал каждую тропинку.

Спартакowцы узнали от связных о блокаде Софиевского леса. Отряд было собрался нанести отвлекающий удар по гитлеровцам. Но после тщательного обсуждения было решено не ввязываться в бой с превосходящими в сотни раз силами противника. Это потребовало бы больших жертв, а успех предпринятой операции был весьма и весьма сомнителен.

Обсуждая в те дни с Георгием Ивановичем вопрос о положении софиевских партизан, Николай Орлов не раз повторял:

— Остап Казанков обязательно что-нибудь придумает.

Впервые Орлов встретился с Остапом Казанковым в Хинельских лесах в декабре тысяча девятьсот сорок первого года. Понравился адъютанту командира Ворошиловского отряда № 1 Николаю Орлову человек лет двадцати пяти в форме офицера пограничных войск. Носить форму советского офицера в тылу врага было рискованно, может быть, даже не совсем разумно. Но Остапа Казанкова разубедить было невозможно. И в этом было что-то мужественное и трогательное до боли в сердце.

Снова Орлов с Казанковым встретились через полгода в лесах южнее Выгопич. Тогда Казанков был организатором самообороны местного населения в глубоком немецком тылу — западной части Грубчевского района.

И, вспоминая обо всем этом, Орлов, умеющий тонко разбираться в людях, с полным правом мог сказать:

— Остап Казанков обязательно что-нибудь придумает.

Убежденность эту вскоре подтвердила сама жизнь. Рапo утром к штабной палатке прискакал секретарь подпольного райкома комсомола Сергей Поздняков. Глаза его возбужденно горели, румянец играл на впалых щеках.

— Рядом с нами располагается бригада имени Суворова, — доложил он.

— А командира Остапа Казанкова видел там?

— Видел.

— Ну, что я говорил? — на миг забыв, что находится в окружении подчиненных, радостно закричал Орлов и посмотрел на Гордеевко.

— Так ведь и я так думал, — как всегда спокойно поддержал своего юного друга Георгий Иванович.

Бригада Казанкова находилась на Мухановщине только пару дней. Получив от спартаковцев помощь питанием и боеприпасами, суворовцы двинулись дальше в Белоруссию. Туда, на помощь своим братьям и сестрам, спешил крестьянский сын Остап Гаврилович Казанков.

А бригада имени Пожарского во главе со своим командиром Романенко и находящимся при бригаде Петренко, придя из Софиевского леса после прорыва блокады, задержалась на Мухановщине. Комиссаром этой бригады с лета тысяча девятьсот сорок третьего года был Иван Кириллович Ефименков, сброшенный на парашюте в Новозыбковские леса. Он был одновременно секретарем подпольного окружного комитета партии.

Верным помощником Ивану Кирилловичу Ефименкову был секретарь окружкома комсомола Федя Потемкин, уже известный читателю. Смелый, находчивый, он сразу завоевал авторитет среди молодежи.

С появлением Ефименкова и Потемкина заметно оживилась массово-политическая работа в партизанских отрядах и среди населения. Выросло число коммунистов и комсомольцев среди пародных мстителей, как в народе называли партизан.

Много партизанских отрядов действовало летом тысяча девятьсот сорок третьего года в лесах Новозыбковского

С. Поздняков. Снимок
1970 года.

и соседних районов, входящих тогда в Орловскую область. Но наиболее организованным, политически подготовленным был отряд имени Спартака.

Спартакowцы появлялись там, где их меньше всего ожидали гитлеровцы, наводя на них страх своей стремительностью и мужеством. А население, которое знало, что там, где спартакowцы, — полный порядок, оказывало всяческое содействие этому отряду.

Восхищался доблестью спартакowцев и Петренко. Както зашел у него разговор о силе советского патриотизма с командиром бригады имени

Пожарского рассудительным Романенко.

— Зачем нам далеко за примерами ходить, — сказал Петренко. — Тому лучшее подтверждение отряд имени Спартака. Это же настоящая интернациональная бригада.

И Петренко стал перечислять:

— Командует отрядом русский парень Николай Орлов. Главными помощниками у него командиры рот монгол Жабон Баджа и чуваш Василий Христофорович. Взвоном командует украинец Евгений Дейнеко. А как воюет татарин Исмаил Хабибула! Вместе с Адиком Заворотным взорвал фашистский эшелон.

При упоминании имени Заворотнова оживилось лицо командира бригады.

— Заворотнов... — повторил Романенко. — Вот это парень! Николай Орлов никак не нахвалится им. И Федор Потемкин на комсомольских собраниях ставит в пример Адика. «Вот каким, — говорит он, — должен быть настоящий комсомолец».

Адика Заворотнова и в самом деле можно было ставить в пример. Сын учительницы, уже в первые дни войны пришел он в военкомат. Там посмотрели на щупленького мальчишку, который если и выделялся чем, то большими глазами, и посоветовали: «Не торопись. Придет время, тебя позовут».

— А разве теперь не самое время? — стал доказывать Адик. — Возьмите меня в армию, и я докажу...

Ему посоветовали идти в райком комсомола. И здесь с группой таких же подростков Адик был зачислен в команду, которая несла патрульную службу.

А когда в город вступили немцы, Адик подался с матерью в село Журавки, где жил его дядя Поздняков. Но не сиделось на месте пареньку. Он часто ходил в город, присматриваясь к тому, где какое немецкое учреждение расположено.

В партизанский отряд имени Спартака Адик Заворотнов пришел в феврале тысяча девятьсот сорок третьего года с картой родного города. На ней тщательно были обозначены наиболее важные немецкие объекты.

Сначала решили — парень выдумал. Но когда проверили, оказалось, что в большинстве своем карта совершенно точно отражает истинное положение вещей.

Дважды Заворотнов был на волоске от смерти. В первый раз, когда мина едва не взорвалась в его руке. Во второй, когда с группой товарищей попал во вражескую засаду. Получилось так, что при перестрелке с фашистами второй номер пулемета был убит, а Адик ранен. Но, несмотря на тяжелое ранение, он лег у пулемета и продолжал стрелять.

Наконец подоспела помощь товарищей.

— А командир жив? — спросил Заворотнов. Он видел, как Орлова окружили гитлеровцы, как он мужественно оборонялся, и своим огнем Адик старался отвлечь врагов.

— Командир жив! — ответили Адику товарищи. Но он этого не услышал — померкло сознание: слишком много крови потерял.

Вот каким был отряд имени Спартака, находившийся вблизи бригады имени Пожарского в последние дни лета тысяча девятьсот сорок третьего года.

Н. С. Чернобаев. 1943 год.

Очень хотелось Виктории хотя бы посмотреть на командира спартаковцев Николая Орлова, поговорить с ним. Но надо было как можно быстрее добраться до бригады имени Пожарского, встретиться с Петренко.

— Думал, что никогда больше не увидимся, — радостно приветствуя Викторину, воскликнул Петренко, когда разведчица наконец отыскала его. — Сейчас докладывать будешь или отдохнешь?

— Я не особенно устала, — схитрила Виктория. Она была несказанно рада, что снова в бригаде имени Пожарского, что рядом Петренко, живой и невредимый.

— Тогда докладывай.

Петренко внимательно выслушал Викторину. А когда разведчица окончила, сказал:

— Впереди у нас еще большие дела. Но о них тебе расскажет наш секретарь подпольного райкома партии Георгий Иванович Гордеевко. Ты его знаешь?

— Лично еще не встречались. Вот Вера Замотаева, та его хорошо знает, не одно задание уже выполнила.

— Откуда тебе это известно?

— А на что я разведчица? Уже успела разузнать...

— Георгий Иванович, эта та самая Виктория, о которой я вам уже говорил, — представил Петренко Кореневу.

— Виктория Коренева? Мне о тебе рассказывала Вера Замотаева. — Гордеевко вздохнул: — Доложили мне сегодня, что несмотря на пытки и издевательства, ведет она себя мужественно.

— А что вам еще известно о Вере? — взволнованно спросила Виктория.

— К сожалению, больше ничего.

— Я вам сейчас нужен, Георгий Иванович? — спросил Петренко.

— Пока нет.

— Ну, тогда беседуйте, а я займусь своими делами, — и Петренко удалился.

Георгий Иванович рассказал Виктории о положении на фронтах, о главных задачах.

— Фашисты, — сказал он, — угоняют нашу молодежь. А мы должны противопоставить им свою тактику.

— Что же от меня требуется?

— Делать то, что уже применяют секретарь нашего подпольного окружка комсомола Федя Потемкин с друзьями. Они ведут в селах широкую агитацию за то, чтобы молодые люди уходили в партизаны.

Заметив, что Викторини не совсем еще ясна задача, Гордеенко разъяснил:

— Чтобы обеспечить успех дела, надо заранее знать, кого фашисты наметили угнать в Германию, вовремя предупреждать об этом, помогать парням и девушкам уходить в лес.

— Я согласна заняться этим хоть сплю минуту, — сказала Викториня.

— Не торопись. Мы с тобой все обмозгуем, а тогда и начнешь действовать.

И вскоре Викториня начала выполнять задание подпольного райкома партии. Она избрала метод, при котором такая работа была наиболее безопасной. Делалось это так.

...Все шло, как на обыкновенной сельской вечеринке. Гармонист играл. Десяток молодых пар кружились в танце.

Заслышав музыку, в дом обычно заглядывал полицай и приказывал:

— Смотрите, чтобы порядок был!

— Обязательно будет, — отвечали девушки.

Полицай уходил в другое место. А спустя некоторое время, когда над селом опускалась ночь, возле избы появлялись вооруженные двое парней и девушка.

— Выходите скорее! — командовала девушка.

Как только молодежь выходила из дома, неизвестные делали несколько выстрелов в воздух.

— Теперь бегите к лесу! — снова командовала девушка.

Услышав выстрелы, появлялся запыленный полицай.

— В чем дело? Кто стрелял? — спрашивал он у женщин, толпившихся у избы, в которой совсем недавно танцевали, веселились их дети.

— Ходишь, дьявол трусливый, черт знает где, а партизаны увели наших хлопцев и девок, — со слезами шли в наступление на полицая женщины. — Мы жаловаться на тебя будем...

Делали они это нарочито, чтобы, ошеломив полицая, отвести от своих семей беду. Так советовала им девушка в черном платье, с серыми глазами. Днем она заходила во дворы и, заводя осторожный разговор, выясняла, кого из молодых людей намечается угнать в Германию. А затем говорила: «Вечерком пусть соберутся потанцевать, — она называла при этом определенный дом, — а мы вроде напа-

Памятник гражданам города Новозыбкова,
расстрелянным гитлеровцами в январе
1942 года.

дем на них и насильно уведем в лес. Если фашисты станут приставать, скажите, что полицай не уследил. Ему и отвечать».

Таким путем Виктория привела в лес сорок восемь парней и девушек, и партизанский отряд имени Ленина снова возродился после разгрома в дни блокады Софиевского леса.

ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

Когда Виктория привела в лес очередную группу молодежи, стоял конец августа тысяча девятьсот сорок третьего года.

Как бы предчувствуя близкую осень, небо теряло свой васильковый цвет, серело. Листья на плакучих березах

подернулись серебром. Утренники уже изрядно жгли, заставляя поеживаться, но дни были еще солпечны и теплы.

И тут Виктория снова встретила с Петренко. Широко улыбаясь, он радостно приветствовал ее.

— Ты понимаешь, Виктория, как это здорово! — воскликнул он.

— Что «здорово»? — не поняла Виктория.

— Что мы с тобой живы и скоро будем встречать нашу Красную Армию.

— Ох, — вздохнула Виктория, — скорей бы уже. Что-то долго идет она к нам. Она вспомнила Веру Замотаеву, Веру Белугину, Васю Пишкина, Шуру Палей. И как-то грустно стало на сердце. Удастся ли ей снова встретиться со всеми друзьями?

— Теперь уже недолго. Остались считанные дни, — бодро ответил Петренко.

...Дни. Как они не похожи друг на друга! Сколько в каждом из них неожиданностей, сюрпризов. Педаром говорят: был бы жив, а дни будут.

Считанные дни оставались до освобождения Новозыбкова от гитлеровцев. Уже в городе отчетливо были слышны далекие орудийные раскаты. Уже фашисты пачипали готовиться к эвакуации. Но перед тем, как покинуть город, совершили еще одно черное дело.

21 сентября тысяча девятьсот сорок третьего года Веру Замотаеву, Веру Белугину, Пантелея Калиновича Бабенко и еще нескольких патриотов, чьи имена так и остались неизвестными, фашисты вывели из тюрьмы и погнали за город.

На развилке дорог, ведущих на село Деменка и опытную сельскохозяйственную станцию, арестованным приказали остановиться у большой ямы.

Вера Замотаева стояла рядом с Верой Белугиной. Подруги, поддерживая друг друга, старались не выдать врагу свою страшную усталость.

Фашисты медлили, стремясь побольше поиздеваться над беззащитными людьми.

— Чего тянете, гады проклятые? — с презрением глядя на палачей, крикнула Вера Замотасва. — Стреляйте!

— Молчать! — заорал фашистский офицер. Он подскотил к Вере Замотаевой и, не выдержав ее взгляда, выстрелил прямо в глаза.

— Негодяи! Все равно скоро подохните! — закричала Вера Белугина.

— Огонь! — приказал фашист.

Грянул залп. За ним второй... Третий...

...А через четыре дня в Новозыбков вступили советские войска и партизаны. Они нашли яму с телами расстрелянных героев-патриотов, которые были изуродованы до неузнаваемости. Седые пряди серебристо сверкали на висках Веры Замотаевой и Веры Белугиной.

С воинскими почестями похоронили замученных героев. Автоматные очереди спели последнюю песню тем, кто шагнул в бессмертие.

Если тебе, товарищ читатель, доведется бывать на Брянщине, загляни в Новозыбков и посети городское кладбище. Есть на нем скромные могилы, на которых никогда не исчезают цветы. Поклонись низко этим могилам — в них покоятся герои-патриоты. А потом пройди по улицам новым, посящим имена Веры Замотаевой, Веры Белугиной, Пантелея Бабенко. Навести и место их казни. Там навечно установлен обелиск, напоминающий: «Никто не забыт, ничто не забыто».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Давно Родина залечила раны, нанесенные войной, а Виктории Максимовне Корсеновой они не перестают напоминать о себе, приковывая на долгие месяцы к больничной койке.

Несколько раз Корсенева находилась в таком состоянии, что врачи тревожились за ее жизнь. Но Виктория Максимовна и в борьбе с недугом проявила огромную выдержку, терпение. Лежа в госпитале инвалидов Отечественной войны в гипсовой кровати, она продолжила учебу, прерванную войной, и заочно окончила педагогический институт. Тогда же она была принята в ряды членов Коммунистической партии Советского Союза.

По совету врачей Виктория Максимовна переехала на постоянное жительство в Москву, чтобы находиться под высококвалифицированным медицинским наблюдением. Здесь она окончила годичные высшие библиотечные курсы и начала работать в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина. Однако болезнь снова вывела ее из строя на долгие месяцы. Врачи приложили много сил, чтобы восстановить в какой-то степени ее здоровье. Старания их привели к тому, что Корсенева смогла даже навестить родной Новозыбков, встретиться с оставшимися в живых боевыми

друзьями, побывать в тех местах, где прошла ее суровая боевая юность.

Сейчас Виктория Максимовна — персональный пенсионер. Она выступает с лекциями по заданию Советского комитета ветеранов войны. В родном городе ее избрали почетной пионеркой.

По-разному сложилась судьба других героев повести. Бывший секретарь Новозыбковского подпольного райкома КПСС Георгий Иванович Гордеенко дожил до глубокой старости. В 1976 году торжественно отметили его восьмидесятилетие. Он и сейчас выступает перед молодежью, которая с огромным вниманием слушает воспоминания ветерана гражданской и Отечественной войн.

Жив бывший командир Новозыбковского партизанского отряда Николай Степанович Черпобасев, которому в 1977 году исполнилось семьдесят пять лет. Он — член внештатной партийной комиссии при Новозыбковском райкоме КПСС.

Сергей Федорович Поздняков получил высшее педагогическое образование и уже двадцать пять лет бессменно является директором Сновской средней школы Новозыбковского района. В 1976 году за активное участие в коммунистическом воспитании трудящихся он был награжден орденом Ленина.

Николай Сергеевич Орлов ряд лет избирался председателем Новозыбковского райисполкома. В настоящее время — начальник Брянского областного управления профтехобразования.

Остап Гаврилович Казанков, будучи заместителем председателя Новозыбковского горисполкома, много сделал для восстановления и развития города. В ленинградском музее имени Суворова имеется специальный стенд, посвященный партизанской бригаде имени Суворова и ее талантливому командиру Казанкову. Он умер в 1965 году. За три года до этого скончался Михаил Алексеевич Левченко — бывший командир партизанского отряда имени Щорса. Он долгие годы тоже был на ответственной советской работе. Оба патриота похоронены с почестями. В последний путь их проводили тысячи горожан и жителей сел.

Сергей Кириллович Калмаков после освобождения Новозыбкова воевал с фашистами в рядах Советской Армии. Сейчас он инженер, живет в г. Ворошиловграде. Его друг Андрей Коробов — бухгалтер, живет в г. Калинин.

В разные стороны разбросала судьба Васю Шишкина и Васю Азбукина. Шишкин стал художником и живет в Ле-

нинграде, а Азбукин своим местожительством избрал Са-
халин. Он был медицинским работником, умер в 1977 году.

Александра Палей завершила педагогическое образо-
вание, прерванное нападением фашистов на нашу страну, и
сейчас учителствует в Прилуках. Брат ее Михаил — вет-
врач и живет в г. Первомайске. Встречаясь, они всегда
добрым словом поминают Тимофея Савельевича Немченко,
имя которого носит пионерский отряд Карповичской
школы.

Михаил Голуб, оказавший первую помощь Т. С. Нем-
ченко, ныне работает ветеринарным врачом в г. Злынке
Брянской области.

Врач Анна Макаровна Мурзинова недолго прожила по-
сле окончания войны. На ее здоровье сильно повлияла тя-
желая болезнь единственного сына, перепуганного фаши-
стами и ставшего инвалидом. Умер от ран, полученных на
фронте, Кронид Коломейцев. После освобождения Ново-
зыбкова от фашистских захватчиков он ушел воевать и
мужественно сражался.

Ксения Евдокимовна Атрошенко (Клыпиха) последние
годы своей жизни провела у сына в Колтушах Ленинград-
ской области.

Война затеряла следы бесстрашного патриота Петрен-
ко, о судьбе которого пока ничего узнать не удалось. Быть
может, найдутся читатели, которым известна судьба Пет-
ренко и других товарищей, упомянутых в этой повести.
Автор будет весьма признателен, если получит от них ве-
сточку.

Автор приносит большую благодарность всем помо-
гавшим ему в сборе материалов, позволивших раскрыть
еще одну страницу героических дел советских людей в ты-
лу врага в незабываемые годы Великой Отечественной
войны.

СОДЕРЖАНИЕ

Обожженные войной	4
Первое задание	8
Рядом друзья	15
В почном лесу	20
«Не верьте немцам, что Москва взята»	24
Я должна отомстить	31
Фогель недоволен	37
Операция «Смерть предателю!»	44
Полицай спасает Шуру	52
Чрезвычайная миссия полковника Бакке	56
Учительница первая моя	61
Переполюх в лагере военнопленных	68
Осторожно: провокатор	73
Тревожная ночь	77
Клыниха	79
Встреча с Петренко	84
Пантелей Калинович Бабенко	89
Новые силы	93
Удар! Еще удар!	97
Серенжа Калмаков и другие	103
Взрыв водоканки	110
Западня	117
Рождение и смерть театра	121
На волоске от смерти	128
Случай в село Крапивное	138
Гибель комиссара	146
Пароль: «Виктория! Победа!»	150
По заданию подпольного райкома партии	157
В когтях смерти	163
Ярмарка	173
Спартаконцы	178
Шаг в бессмертие	186
Послесловие	188